

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова»

О. А. Климкович

**СТИЛЬ
ВИТЕБСКИХ ДЕЛОВЫХ
ТЕКСТОВ XIV–XVII ВЕКОВ**

Монография

*Витебск
ВГУ имени П. М. Машерова
2025*

УДК 81'38'04(093)(476.5-25)"13/16"
ББК 81г+81.055.513
К49

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». Протокол № 6 от 25.06.2024.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П. М. Машерова. Протокол № 7 от 06.09.2024.

Автор: доцент кафедры русского языка как иностранного ВГУ имени П. М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент
О. А. Климкович

Р е ц е н з е н т ы :

заведующий отделом истории белорусского языка
ГНУ «Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы Национальной академии наук Беларуси»,
кандидат филологических наук, доцент *Н. В. Полещук*;
доцент кафедры белорусской и русской филологии ВГУ
имени П. М. Машерова, кандидат филологических наук,
доцент *В. Э. Зиманский*

Климкович, О. А.

К49 Стиль витебских деловых текстов XIV–XVII веков : монография / О. А. Климкович. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2025. – 179 с.

ISBN 978-985-30-0206-5.

В работе впервые предпринята попытка проанализировать витебские деловые тексты XIV–XVII веков с позиций изучения средств репрезентации таких текстовых категорий, как стандартизированность, точность, императивность, абстрагизация и диалогичность. Издание адресовано ученым-лингвистам, аспирантам, студентам-филологам дневной и заочной форм получения образования, учителям русского и белорусского языков для подготовки к урокам и факультативным занятиям.

УДК 81'38'04(093)(476.5-25)"13/16"
ББК 81г+81.055.513

ISBN 978-985-30-0206-5

© Климкович О. А., 2025
© ВГУ имени П. М. Машерова, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	5
ВВЕДЕНИЕ.....	8
ГЛАВА I. ВИТЕБСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ТЕКСТЫ В АСПЕКТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ	10
1.1 Витебск в XIV–XVII вв. и памятники витебской деловой письменности	10
1.2 История изучения витебских деловых текстов и материалы исследования.....	16
1.3 Период XIV–XVII вв. в истории белорусского языка.....	19
1.4 Исследование деловых текстов в аспекте исторической стилистики	22
1.5 Стил ь в диахронии	24
1.6 Текстовые категории и стилеобразующие средства их репрезентации	29
1.7 Жанры витебских текстов XIV–XVII вв.	31
ГЛАВА II. КАТЕГОРИЯ СТАНДАРТИЗИРОВАННОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	35
2.1 Структурно-смысловая организация текстов	35
2.1.1 Общие замечания относительно структурно-смысловой организации витебских текстов	40
2.1.2 Структурно-смысловая организация витебских привилеев	42
2.1.3 Структурно-смысловая организация выроков	45
2.1.4 Структурно-смысловая организация тестаментов	52
2.1.5 Структурно-смысловая организация витебских писем в Ригу ...	59
2.2 Формулы в деловых текстах	61
2.3 Этикетные единицы	68
ГЛАВА III. КАТЕГОРИЯ ТОЧНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	72
3.1 Средства репрезентации внешней точности	72
3.1.1 Именования субъектов деловой коммуникации	72
3.1.2 Количественные характеристики	78
3.1.3 Временные характеристики	80
3.1.4 Пространственные характеристики	85
3.1.5 Употребление терминов	91
3.2 Средства репрезентации внутренней точности	95
3.2.1 Повторение информации	96
3.2.2 Синтаксические средства репрезентации точности	99
3.2.2.1 Второстепенные сказуемые	99
3.2.2.2 Однородные члены предложения	101
3.2.2.3 Уточняющие и пояснительные конструкции	102
3.2.2.4 Сложноподчиненные предложения	104

ГЛАВА IV. КАТЕГОРИЯ ИМПЕРАТИВНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	108
4.1 Средства репрезентации обязывания	109
4.2 Средства репрезентации разрешения.....	111
4.3 Средства репрезентации запрета	111
4.4 Средства репрезентации просьбы	112
ГЛАВА V. КАТЕГОРИЯ АБСТРАГИЗАЦИИ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	114
5.1 Абстрактные существительные	114
5.2 Глагольно-именные сочетания, в которых существительное несет на себе основную смысловую нагрузку	117
5.3 Составное именное сказуемое	120
5.4 Безличные предложения	121
5.5 Формы глаголов в значении настоящего вневременного	123
ГЛАВА VI. КАТЕГОРИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	136
ПРИЛОЖЕНИЕ	175

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АМЛ – Акты Литовской Метрики / собраны заслуженным профессором Императорского Варшавского университета Ф. И. Леонтовичем. 1896–1897. – Т. 1, вып. 1. 1413–1498 гг. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1896. – 169 с.

Арист. – Аристов, Н. Промышленность Древней Руси / Н. Аристов. – Санкт-Петербург : Типография Королев и К, 1866. – 322 с.

БА, II – Беларускі архіў = Archivum alboruthenicum = Weissrussisches archiv : у 3 т. / Ін-т беларус. культуры, Гіст.-археал. камісія. – Мінск : Ін-т беларус. культуры, 1927–1930. – Т. 2 : XV–XVI стст. : матэрыялы і дак. да гісторыі Беларус.-Літ. дзяржавы і г. Магілёва з архівасховаў Магілёва, Масквы і Кракава / Ар. Смоліч (адк. рэд.) [і інш.]. – 1928. – 391 с.

ВРА – Віцебска-Рыжскія акты XIII–XVII ст. : Дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі (з былога комплексу Ruthenica Дзяржаўнага гістарычнага архіва Латвіі). – Мінск : ATHENAEUM, 2005. – Вып. I: Дакументы гаспадарча-гандлёвыя, XV–XVI ст. / падрыхт. А. І. Дзярновіч ; НАН Беларусі, Ін. гісторыі. – 88 с.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы : вып. 1–37 / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; рэдкал.: А. І. Жураўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2017. – Вып 37.

Дзярн. – Дзярновіч, А. І. «Тыбулец віцебскі» : новы дакумент з былога архіўнага комплексу Moscowitica–Ruthenica (Дзяржаўнага гістарычнага архіва Латвіі) / А. І. Дзярновіч // Беларускі археаграфічны штогоднік. – Мінск, 2007. – № 8. – С. 199–203.

ДНД – Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – переработ. с учетом материала находок 1995–2003 гг. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 2-е изд. – 872 с.

Доўн. – Доўнар, А. Б. Справа віцебскага мешчаніна Аніскі Варановіча 1517 г. як крыніца па гісторыі судаводства Віцебска / А. Б. Доўнар // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 23–24 кастр. 2014 г. / Галоўнае ўпраўленне ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Віцеб. аблвыканкама, Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2017. – С. 69–78.

ИЮМ, 28 – Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Дм. Ив. Довгялло: [в 32 вып.]. Вып 28 : [Документы, относящиеся к истории Чечерского староства за 1629–1726 гг. ; Документы из актов Витебского земского суда за 1645–1650 гг., из актов Мстиславского суда за 1563–1666 гг., из актов Оршанского земского суда за 1614–1693 гг., из актовых

книг Полоцкого земского суда за 1593–1668 гг. ; Оршанский гербовник и указатель к нему]. – Витебск : Губернская Типо-Литография, 1900. – 356 с.

ИЮМ, 29 – Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Дм. Ив. Довгялло : [в 32 вып.]. – Витебск : Губернская Типо-Литография, 1901. Вып. 29 : [Фундуши, инвентари и другие документы, относящиеся к истории церкви за 1618–1766 гг. ; Королевские привилегии, инвентари, граничные обходы и документы, рисующие быт и право Полоцко-Витебской земли за 1506–1781 гг. – 472 с.

ИЮМ, 30 – Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Дм. Ив. Довгялло : [в 32 вып.]. – Витебск : Губернская Типо-Литография, 1903. Вып. 30 : [Акты, извлеченные исключительно из книг бывших присутственных мест Могилевской губернии за 1592–1796 гг.]. – 586 с.

ИЮМ, 31 – Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Дм. Ив. Довгялло : [в 32 вып.]. Вып. 31 : [Люстрация староств княжества Инфлянтского 1692–1765 гг.; Акты Витебского земского суда за 1592–1601 гг.]. – Витебск : Губернская Типо-Литография, 1903. – 449 с.

ЛМ, 225 – Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. [Kn. 225] : (1528–1547). 6-oji Teismų bylą knyga: (Kopija – XVI a. pabaiga): (копия – конец XVI в.): (the copy – the end of the XVI th c.) / Vilniaus Universitetas. – Vilniaus universiteto leidykla, 1995. – 336 с.

КВЗС – Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Ключко. 1533–1540 (Литовская метрика. Книга 228. Книга судных дел № 9 / [публ. подгот. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич, Г. Я. Голенченко] ; Ин-т славяноведения РАН ; Ин-т истории НАН Беларуси ; Белорус. гос. ун-т ; РГАДА. – М. : Наука, 2008. – 525 с.

КЗ, III – Lietuvos metrika. Lietuvos istorijos institutas. Kn. 3 : (1440–1498) : Užrašymų knyga 3 / Vilnius. – 1998. – 161 p.

КЗ, VI – Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики / отв. ред. С. М. Каштанов ; Рос. Акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. – 664 с.

КЦК – Коллекция цифровых копий Национального исторического архива Беларуси. КЦК 1. Оп. 1 Д. 2–3. Документы из государственного архива Тверской области : акты книги судебных учреждений Витебского воеводства за 1642–1687 гг.

НИАБ – Национальный исторический архив Беларуси.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка URL: <https://ruscorpora.ru>.

Паздн. – Пазднякоў, В. С. Беларуская грамата XV стагоддзя: дароўны ліст княгіні Марыі намесніку віцебскаму Івану Ільінічу на сяльцо каля ракі Друць / В. С. Пазднякоў // «Герольд Litherland» : навуковы гістарычны часопіс. – 2013. – № 19. – С. 118–125.

ПГ – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.: в 2 т. / под общ. ред. А. Л. Хорошкевич. – Москва : Рус. фонд содействия образованию, 2015. – Т. 1. – 864 с.

ППБ – Пазднякоў, В. С. Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: абласныя прывілеі : крыніцазнаўчы дапаможнік / В. С. Пазднякоў. – Мінск: БелНДІДАС, 2018. – 240 с.

Сан. – Санников, В. З. Алфавитный, частотный и обратный словари восточнославянских юридических текстов XI–XVI вв. / В. З. Санников; под ред. В. И. Борковского. – М., 1976. – Вып. 82 : Сравнительный обратный словарь древнерусских, старорусских и западнорусских текстов (начало). – М., 1976. – 55 с.; – Вып. 83 : Сравнительный обратный словарь древнерусских, старорусских и западнорусских текстов (продолжение). – М., 1976. – 113 с.; Вып. 84 : Сравнительный обратный словарь древнерусских, старорусских и западнорусских текстов (окончание). Распределение слов по грамматическим классам. Списки однобуквенных и двубуквенных исходных слов. – С. 111–174.

СГ – Смоленские грамоты XIII–XIV веков / под ред. Р. И. Аванесова. – Москва : Изд-во акад. наук СССР, 1963. – 137 с.

Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук, 1893–1912. – 3 т.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева [и др.] ; под общ. ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 694 с.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. : вып. 1–31 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1975–2019. – Вып. 31.

ТБ – Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актовых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад.: А. Ф. Аляксандрава, В. У. Бабкова, І. М. Бобер ; Нац. гіст. архіў Беларусі. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – 736 с.

Список сокращений

СБ – смысловой блок

СР – смысловой раздел

СФ – смысловой фрагмент

ВВЕДЕНИЕ

Среди обширного числа памятников старобелорусской письменности XIV–XVII вв. особую группу представляют собой памятники деловой письменности, так как 1) неоспоримым фактом является ее влияние на развитие белорусского литературного языка, что неоднократно подчеркивается в работах Е. Ф. Карского [157, с. 258], А. И. Журавского [120], Л. М. Шакуна [382, с. 20–21], Т. Г. Трофимович [354, с. 145], В. Э. Зиманского [133, с. 2], Н. В. Полещук [270, с. 9] и др. исследователей; 2) деловая письменность включает в себя тексты разных жанров, относительно точно датированные, что позволяет анализировать языковые явления в динамике с привязкой к определенному периоду; 3) сохранившийся комплекс текстов деловой письменности включает тысячи листов как изданного в основном с XIX века материала, так и хранящегося в государственных архивах и требующего вдумчивого исследования и издания; 4) изучение языка деловой письменности позволяет уточнить историю развития отдельных стилей; 5) в этих текстах сохранились свидетельства разговорного языка жителей белорусских земель.

Язык старобелорусских деловых текстов давно и успешно анализируется лингвистами: это работы Е. Ф. Карского [154, с. 116–127], Х. Станга [400; 401], В. П. Сташайтене [341], Т. Ф. Альт [5], А. И. Журавского [119; 121], А. Н. Булыко [40; 42], Т. Г. Трофимович [354; 355], И. Л. Копылова [150], В. Э. Зиманского [133], Л. М. Вардомацкого [44], Н. В. Полещук [260; 262; 274], однако региональный аспект такого анализа не разработан в полной мере до сих пор.

Актуальность исследования языка региональных деловых текстов, созданных на территории современной Беларуси в период XIV–XVII вв., обусловлена необходимостью детализировать историю развития языковой и культурной традиции белорусской нации, а «изучение языка Витебщины – составная часть изучения истории, культурной, политической и экономической жизни народа» [231, с. 15].

Хотя отдельные явления в языке витебских деловых текстов рассматривались в белорусской лингвистике, их подробный историко-стилистический анализ еще не был осуществлен. Такое исследование важно для решения вопросов истории развития старобелорусского языка, периодизации истории развития старобелорусской деловой письменности, выявления особенностей языка местных канцелярий на территории ВКЛ, диалектологии, установления векторов взаимодействия между старобелорусской и старорусской деловой письменностью, поскольку язык – это «целый вполне самостоятельный мир, законы и правила которого, будучи языковыми по сути, оказываются исключительно тонко соотнесенными как с социальной психологией его носителей, так и с типом, а также структурой создаваемой ими культуры» [349, с. 8].

Автор выражает признательность доктору филологических наук, профессору кафедры языкознания и лингводидактики БГПУ имени Максима Танка Т. Г. Трофимович, заведующему отделом истории белорусского языка ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», кандидату филологических наук, доценту Н. В. Полещук, кандидату филологических наук, доценту кафедры белорусской и русской филологии ВГУ имени П. М. Машерова В. Э. Зиманскому за замечания и пожелания, способствующие улучшению рукописи.

ГЛАВА I

ВИТЕБСКИЕ ДЕЛОВЫЕ ТЕКСТЫ В АСПЕКТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИСТИКИ

1.1 Витебск в XIV–XVII вв. и памятники витебской деловой письменности

На язык деловой письменности всегда значительное влияние оказывают исторические события. О Витебске периода XIV–XVII вв. известно следующее: 1) в XIV в. город вошел в состав Великого Княжества Литовского, витебский князь Ярослав выдал свою единственную дочь замуж за Ольгерда, сына Гедимины, который стал управлять городом. В этот период Витебск стал крупным экономическим центром и мощным оборонительным узлом, так как здесь были построены Верхний и Нижний замки, княжеский дворец. Хотя управляли Витебском наместники великих князей литовских [225, с. 23], в общественной и политической жизни города не произошло резких изменений по сравнению с более ранним периодом, а о значительной автономии города свидетельствует упоминание его в мирном договоре с Ливонским орденом 1338 г. [225, с. 33]. После смерти Ольгерда Витебском управлял его сын Ягайло, а после того как Ягайло стал королем Польши городом управляла Ульяния Тверская, его мать. С конца XIV в. у власти находились наместники великого князя литовского Витовта.

Предполагается, что отношения между населением города и князьями Витебска до 1392 г. регулировались с помощью договоров, которые были сходны с договорами между Новгородом и князьями [225, с. 40–41], в конце XIV в. город получил свой первый привилей от князя Витовта.

В это время на территории Великого Княжества Литовского Полоцкая и Витебская земли «имели особый административный статус, который можно охарактеризовать как автономию» [64, с. 253], так как в конце XIV века в привилеях этим землям Витовт «оговорил основные принципы и черты их автономного существования в составе своего государства» [64, с. 254], позже эти права подтверждались другими привилеями. В этих землях в определенной степени сохранилось старое устройство общества, они «почти без изменений сохранили свои границы... В них сохранялось... местное право..., суд и администрация. Эти земли не утратили определенной самостоятельности, заключая торговые договоры не только между собой, но даже с иностранными городами (Рига)» [98, с. 258–259]. У города, как и у Полоцка, был свой небесный покровитель – св. Спас [98, с. 265].

Письменные памятники, относящиеся к истории Витебска до XV века, единичны: торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., в котором Витебск и Полоцк упоминаются (СГ, с. 24), грамота

князя Герденя о его договоре с ливонским магистром и городами Ригой, Полоцком и Витебском, датированная примерно 1263 г., и грамота («слово») полоцкого князя Изяслава архиепископу рижскому, ливонскому магистру, совету и всем горожанам города Риги о заключении договора, датированная 1264 г. (ПГ, I, с. 57–59), грамота рижан с жалобой к витебскому князю Михаилу Константиновичу, датированная концом XIII в. (Арист., с. 263–267), витебская берестяная грамота, найденная в 1959 г. и условно датированная 1280–1300 гг. (ДНД, с. 521), реконструированный историками вариант привилея Витовта, датированный 1392 г. (ППБ, с. 54–57).

В конце XIV – начале XV в. Витебск был одним из крупнейших городов ВКЛ. Это время характеризуется как время распространения деловой письменности, так как в период правления Витовта «правовую письменность продвигали государство, церковь и костел» [100, с. 109], массовый характер великокняжеский документ приобрел при великом князе Казимире (1440–1492), когда «утвердилась практика издания письменных приговоров судов и частноправовых документов», при этом «ведение документации стало желательной, в ряде случаев обязательной операцией для осуществления правового акта» [100, с. 110].

Со времени правления Казимира наблюдается рост статуса писца, что проявляется «по-першае, ва ўжыванні з боку цэнтральных улад у адносінах да пісараў тытула “пан”; па-другое, у павелічэнні ў пісараў колькасці і памераў зямельных дараванняў; па-трэцяе, у з’яўленні ў іх сродкаў для куплі буйных уладанняў; па-чацвертае, у сумяшчэнні пісарамі пасад намеснікаў-дзяржаўцаў» [99, с. 34]. Во второй половине XV и в XVI веке появляется целая плеяда писцов у панов, князей и княгинь [99, с. 36].

Деловые тексты XV в., созданные, как правило, в Вильне, Меречи и др. населенных пунктах, в которых упоминается Витебск и его жители, представлены привилеями городу 1447 г., текст которого не сохранился (ППБ, с. 57–58), 1481 г. (ППБ, с. 58–60), подтвердительными грамотами жителям Витебска (АМЛ, I, с. 41, 49, 112; КЗ, VI, с. 112, 273), судебными текстами, касающимися витебчан (АМЛ, I, с. 41, 52, 67, 104, 107; КЗ, VI, с. 78, 128).

Количество известных нам текстов XV в., которые написаны в самом Витебске или предположительно в Витебске, также не очень значительно. Это привилей смоленскому владыке от имени великого князя Александра 1497 г. (КЗ, VI, с. 149–150), судебный приговор (вырок) князя Александра (КЗ, III, с. 85–86), письмо Рижскому магистрату от старосты витебского и мценского Николая Немировича, датированное примерно 1470-м г. (ВРА, I, с. 25–26), дарственная грамота (даравальны ліст) княгини Марии (Паздн., с. 119), письма и судебные приговоры (выроки) из Книги записей Литовской Метрики № 16 (БА, II, с. 44, 68, 69).

Известно, что именно при «великих князьях Александре (1492–1506) и Жигимонте I Старом (1506–1548) документ превратился в необходимый и

обязательный атрибут судебных и административных операций, связанных с отчуждением имущества и доказательством прав на него в суде» [100, с. 110].

В начале XVI в. витебский наместник официально получил статут воеводы, а в состав воеводства входили Витебский и Оршанский поветы [225, с. 23–24]. Этот век был сложным и противоречивым. Обострились отношения с Московским княжеством, в 1569 г. была заключена Люблинская уния и Витебск вошел в состав Речи Посполитой, что привело к усилению влияния польского языка, в 1597 г. город получил Магдебургское право.

В течение XVI в. Витебску были даны привилеи 1503, 1509, 1541, 1547, 1561, 1571, 1576, 1582, 1592 гг. и привилей на Магдебургское право 1597 г.

Сохранились сведения о некоторых витебских наместниках, войтах [225, с. 103–124]. Среди наместников упоминаются Иван Заславский, Ян Глебович, Матей Ключко, Станислав Кишка, Григорий Ходкевич, Стефан Зборажский, Станислав Пац, Николай Сапега. Среди войтов – Ивашко, Федко Крупич, Ян Селицкий, Иван Крупенич, Ивашка Алехнович, Григорий Гутор, Иов Харкович, Степан Лускина, Семен Савлук, Богдан Гром, Ян Городенский.

И именно с XVI в. сохранился значительный комплекс деловых текстов, которые были написаны в Витебске. Местное делопроизводство было тесно связано с деятельностью судов. Главными местными судами были городские суды. Известно, что такие суды собирались на заседание каждый месяц, рассматривали дела между представителями разных сословий.

Тексты, датированные первой половиной XVI в., входили в книги городского суда. С 1530 г. нам известна уже упомянутая книга витебского городского суда, которая была создана в период назначения в Витебск наместником Яна Юрьевича Глебовича (1530–1532 гг.) и включена в состав 16 Книги записей Метрики ВКЛ (БА, II), и Судебная книга витебского воеводы господарского маршалка Матея Войтеховича Ключко (1533–1540 гг.) (КВЗС).

В 16 Книге записей Метрики ВКЛ содержатся документы, относящиеся к деятельности Витебского и Полоцкого городских судов. Сама книга известна в копии начала XVII в. (БА, II, с. XXXIX–XL). В книге Витебского городского суда представлены письма, судебные документы (выроки, sprawy), уставной лист (БА, II, с. 47–48) и деловые тексты других жанров, некоторые витебские тексты включены в состав книги Полоцкого городского суда (БА, II, с. 259–260, 282–283).

В период с 1532 до 1540 г. витебским воеводой был Матей Войтехович Ключко, занимавший видное положение среди шляхты Великого Княжества Литовского: его род владел обширными территориями, сам воевода несколько раз ездил с посольством в Москву, участвовал в заседаниях маршалковского суда ВКЛ, наконец, позже был назначен на пост старосты жемайтского [344, с. 7–8]. Различные судебные решения, приговоры, их записи, жалобы, заявления того времени, когда М. В. Ключко был воеводой

в Витебске, сохранились в Судебной книге витебского воеводы М. В. Ключко 1533–1540 гг. [344].

Из отдельных документов до нас дошли имена тех, кто непосредственно создавал письменный текст: дьяков и писарей.

Дьяки были писцами низшего ранга или частными писарями должностных лиц государства [344, с. 25]. В судебных книгах 30–40-х гг. XVI в. упоминаются имена Богдана Олешковича, Василька Тишкевича, Еска Клинца. Богдан Олешкович был местским дьяком: *и тот[ъ] листь еднальный дьякъ местъскій со всихъ ихъ росказанья в[ъ] томъ воску писалъ. Где жъ есмо и того дьяка Богдана Олешковича пытали, и внъ поведиль: мне казали тые листы писати мещане со всихъ посадовъ* (БА, II, с. 30), Василько Тишкевич – дьяком, писарем при Матее Войтеховиче Ключко (КВЗС, с. 24–25), составителем документов Судебной книги витебского воеводы М. В. Ключко 1533–1540 гг. и витебских документов из книги Литовской Метрики 225 [344, с. 25].

Сведения о Еске Клинце (КВЗС, с. 275) связаны с записью приговора суда от 5 января 1540 г. Документ, написанный им, был представлен в качестве одного из доказательств на суде, когда сам дьяк уже умер: *а писалъ тотъ листь дьякъ Еско Клинецъ* (КВЗС, с. 275), *однако повъставъшы воитъ витебъскіи Ивашко Крупеничъ и з мещаны, поведиль намъ, изж, деи, «межи насъ такъ ся ведетъ, што таковых листовъ вызнанныхъ, а набольшеи кгда хто кому такою сумою ся вписываетъ ся, дьяки посутные не писуть, але пишетъ дьякъ местъскіи присяжныи. А тотъ Клинецъ николи не былъ в насъ мещким дьякомъ»* (КВЗС, с. 275). В качестве свидетеля был приглашен на суд поп, обучавший Клинца грамоте, знавший почерк писца и сообщивший: *«Правъда есть, изж тотъ Клинецъ небожчикъ, будучы выросъкомъ молодымъ, учылъ ся в мене, але скорописи не вмель ани ся учылъ, бо я и самъ скорописного писма писати не умемъ»*. *Где ж книжки и спики того Клиньцова писмени покладалъ уставнымъ писмомъ, а не скоропильнымъ* (КВЗС, с. 276). Это стало одним из доказательств того, что предъявленный документ был фальшивым. Данные позволяют нам говорить, что типы создаваемых документов могли быть разграничены между дьяками, которые относились к местским ‘гарадскім’ (ГСБМ, 17, с. 364) и посутным ‘судзейскім’ (ГСБМ, 27, с. 247), дьяки владели или уставным письмом, или скорописью, или двумя видами письма.

Должность писаря была выше должности дьяка. Высоким социальным статусом обладали писари господарские, которые также владели значительным имуществом. *И Романъ рекъ: казалъ есми взяти в томъ селе в когол[ъ]-кольвекъ коня доехати до другого села доведываючыся в писары г[оспо]д[а]рскомъ пане Анъдрее, с[ъ] которымъ мели есмо водлугъ росказанья г[оспо]д[а]рского на границы быти...* (БА, II, с. 23); *а Колоша светъчилъ: такъ пан[ъ] Юрей Глебовичъ держалъ Витебъскъ wt[ъ] его м[и]л[о]сти, держалъ вбольца писарь Чоснокъ, а та в того писара слу-*

жилъ (БА, II, с. 89). Упоминаются и имена господарских писарей Ивана Семеновича Сопеги (КВЗС, с. 221), Богдана Мацковича (КВЗС, с. 97).

Во второй половине XVI в. в витебских текстах появляются упоминания писарей гродских и писарей земских. Земские суды известны в ВКЛ с XV в., однако централизованно они были введены на всей территории княжества с середины XVI в., в это же время была упорядочена деятельность гродских судов [101, с. 20–21]. Земские суды собирались три раза в год, ими рассматривались дела, касающиеся шляхты, записывались жалобы на незаконные действия должностных лиц. У канцелярий земских судов было право вечистости (вечности): вписанный в актовые книги земского суда документ получал юридическую силу и мог быть использован в качестве доказательства различных прав.

К середине XVI в. относится начало функционирования подкоморских судов, которые рассматривали только споры относительно границ собственности между шляхтой.

Суды становятся основным местом ведения местной деловой документации. Их актовые книги должны были храниться и оберегаться. В эти книги должны были вноситься и частнопровольные документы. Показательно в этом отношении замечание господарского землянина воеводства Витебского Семена Хотимского, записанное в 1598 г., который, предъявляя для внесения в книгу витебского земского суда завещание своего отца Занка Олехновича Хотимского, упомянул, что *«иъъ деи передъ тымъ за первшого старого Статуту не было в обычаю, абы тѣмъ, ѿ Витебскѣ, мели быть книги сѣдовые земьские або кгородьские хованы, до которыхъ бы справы вечистые шлѣхетъские ѿписованы были. Прето деи иъъ листовъ земельныхъ делъчыхъ, ани тестаментъ ѿ небожъчыка вѣтца моего, такоже пани матчыныхъ справъ нигде, ани инъшыхъ листовъ на вѣде г(о)с(по)д(а)рьскомъ до книгъ сѣдовыхъ вечистыхъ не вѣписованы. А тые деи вси листы вѣтцовъские делчые, и кѣмъчые, и меновные, с тестаментомъ вѣцовъскимъ, и з листомъ веновнымъ небожъчыцы матъки моее вѣжо мне досталисе, ино деи ꙗ, хочечы тые справы свои вси невонътъпливыми мети, принесломъ ихъ тутъ ку вашей милости, ꙗко до вѣдѣ и мѣстца его милости г(о)с(по)д(а)рьског(о) для вѣбѣясненъ ꙗ ведомости кожъдомъ ѿ, комъ ѿ бы в нихъ належало ведати, вашей милости вповѣдаю»* (ТБ, с. 182–183).

Тексты витебских документов второй половины XVI в. известны нам из актовых книг земского и гродского судов. Они опубликованы в 1) издании «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске», из 32 вып. которого только вып. 28–31 могут быть использованы для филологического исследования, тогда как в других выписках язык текстов подвергся значительной обработке, 2) издании «Тестаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг

Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)» (15 завещаний, которые содержатся в книгах Витебского земского суда конца XVI в.).

Неопубликованные актовые книги Витебского земского суда хранятся в НИАБ (Ф. 1751. Оп. 1. Д. 1–3) и датированы июнем 1594 г. – июнем 1598 г. Во всех этих книгах содержится упоминание о людях, которые входили в состав суда: судье, подсудках (‘намесніках суддзі’ (ГСБМ, 25, с. 321)), заместителях, коморниках (‘ураднік пры двары, які выконваў функцыі намесніка суддзі, судовага выканаўцы’ (ГСБМ, 15, с. 246)), писарях. Известны имена судьи Балцера Богдановича Старосельского, подсудка Григория Константиновича Косова и писаря Андрея Ярошевича Осиповского (ТБ, с. 182).

Всего в книгах Витебского земского суда конца XVI века из фондов НИАБ (Ф. 1751. Оп. 1. Д. 1–3) содержится 522 документа: в деле 1 – 100 документов, в деле 2 – 228 документа, в деле 3 – 194 документа, из которых на данный момент нам известно об опубликовании только 15 завещаний (ТБ, с. 181–257). Книги имеют разную степень сохранности, написаны разными почерками, многие документы повреждены, представлены в отрывках. Подробные внутренние описи к этим книгам были составлены сотрудниками Национального исторического архива Беларуси И. М. Бобер, А. Ф. Александровой¹. Во внутренних описях к каждому делу упоминаются такие жанры деловых документов, как продажные листы, выроки, жалобы, заставные, меновные, веновные, дарственные листы, различные «апovedы», квиты и др. документы.

Материалы Ф. 1751. Оп. 1. Д. 1 представляют собой актовую книгу за период 7–25 июня 1594 г. В книгу входит 163 листа, написана она кириллической скорописью и включает в себя 100 документов, из них 2 документа на старопольском языке (сведения приводятся по внутренней описи, подготовленной И. М. Бобер). Среди жанров этой книги квиты, интромесийные квиты, продажные листы, тестаменты, заставные, дельчие, дарственные, еднальные листы, жалобы, судебные приговоры (выроки), письма.

Материалы Ф. 1751. Оп. 1. Д. 2 – актовая книга за период с 5 мая 1595 до 29 июня 1596 г., рукописная, много листов испорчено (сведения приводятся по внутренней описи, подготовленной А. Ф. Александровой). Книга содержит 228 документов на старобелорусском языке: квиты сознания возных, рассказы (апovedы), судовые выроки (декреты), листы, тестаменты, выписки из актовых книг Витебского, Городенского, Полоцкого гродских судов, Оршанских земского и гродского судов (дарственные, продажные, заставные и др. листы).

Материалы Ф. 1751. Оп. 1. Д. 3 – актовая книга за период с января до июня 1598 г., рукописная, многие документы испорчены, написана кириллической скорописью. Основные жанры документов – это квиты возных, продажные, дарственные листы и судебные приговоры (выроки).

¹ НИАБ. Вопісы. Старажытныя акты. Віцебскі земскі суд.

Всего в книгу включено 194 документа (сведения приводятся по внутренней описи, подготовленной И. М. Бобер, А. Ф. Александровой).

Актовые книги Витебского подкоморского суда XVI в. нам не известны.

Гродский, подкоморский и земские суды продолжали свою деятельность и в XVII в., однако со второй половины XVII в. функционирование земских судов ухудшилось, они не собирались на заседания по несколько лет, в связи с чем расширилась деятельность гродских судов.

Некоторые тексты Витебских земского и гродского судов XVII в. опубликованы в ИЮМ (вып. 31), цифровая копия актовой книги Витебского гродского суда за 1684–1687 годы находится в НИАБ (КЦК, Ф. 1. Оп. 1. Д. 3). Документы в книге написаны как на латинице, так и на кириллице.

Актовые книги Витебского земского суда XVII в. также находятся в фондах НИАБ (Ф. 1751. Оп. 1. Д. 4–22, датируемые периодом с 19 июня 1601 г. по 29 января 1650 гг., Ф. 1751. Оп. 1. Д. 23–24, датируемые периодом с 5 января 1677 г. по 13 октября 1681 г.).

Актовая книга Витебского подкоморского суда, имеющая очень хорошую степень сохранности, в цифровой копии находится в фондах НИАБ (КЦК, Ф. 1. Оп. 1. Д. 2). Книга датирована 1642–1647 гг. и содержит «Регистр декретов подкоморских, комисарских», всего 38 документов, которые определены как декреты и справки.

Также историками установлено, что книги решений суда витебских воевод за 1533–1640 гг. находятся в Национальном архиве Латвии [115, с. 69], а в Главном архиве древних актов в Варшаве в Собрании пергаментных актов имеется 5 оригиналов привилеев Витебска, датированных 1592–1767 гг. [114, с. 11–12], в Витебском областном краеведческом музее находится «Книга привилегий города Витебска».

1.2 История изучения витебских деловых текстов и материалы исследования

Витебская деловая письменность XIV–XVII вв. активно исследуется историками (И. П. Старостина [337], О. А. Бобкова [9], В. В. Врублевский [365], З. Л. Яцкевич [397], О. И. Дернович [111; 112], В. В. Черевко [376], А. Б. Довнар [114; 115]) и лингвистами (А. И. Журавский [122, с. 71–73], А. М. Мезенко [235], Л. М. Вардомацкий [45], Н. В. Полещук [262] и др.).

Наиболее подробно рассмотрен язык «Судебной книги витебского воеводы М. В. Ключко» [344]. Она стала источником картотеки «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы» в 37 выпусках (ГСБМ, 1, с. 47), некоторые заимствования в ней упомянуты в работах А. Н. Булыко [38, с. 182; 39, с. 122, 180; 40, с. 167–168 и др.], примеры употребления отдельных частей речи из нее приведены в издании «Мова беларускай пісьменнасці

XIV–XVIII стст.» [239, с. 17, 21, 71 и т. д.], она была одним из источников кандидатской диссертации И. Л. Капылова по исследованию топонимии белорусских деловых памятников XV–XVIII вв. [150, с. 5]. Содержание этой книги проанализировано Н. В. Полещук в части издания «Лексіка старабеларускай мовы XIV–XVI стст.» [270, с. 17], посвященной деловой письменности, структура текстов приговоров суда («выроков») анализировалась Н. В. Полещук [262], структура текстов различных жанров, написанных именно в Витебске, О. А. Климович [171], специфика способов передачи чужой речи Н. В. Полещук [272].

Витебские завещания характеризовались Н. В. Полещук [267], О. А. Климович [170]. Отдельные деловые витебские тексты проанализированы Л. М. Вардомацким [45].

А. М. Мезенко описала особенности антропонимикона Витебска XVII–XIX вв., используя в качестве одного из материалов для исследования «Инвентарь целого города Его Королевской Милости Витебска с принадлежащими ему некоторыми доходами и землями Ярошем Маскевичем Дворянином Его Королевской Милости при придании права Магдебургского списанный в 1641 году 7 дня» из рукописного отдела библиотеки Академии наук Литвы (Ф.17) [235, с. 43–54]. Л. М. Вардомацкий рассматривал особенности антропонимии деловых документов Витебска конца XVI – начала XVII в. [43]. Антропонимную систему Витебщины и Могилевщины XIV–XVIII вв. проанализировала в кандидатской диссертации О. М. Лешкевич [223], особенности антропонимов в различных документах Витебска – О. А. Климович [169].

Комплексная историко-стилистическая характеристика витебских разножанровых деловых документов, приводимая в данной работе, представлена впервые.

Отобранные нами для анализа опубликованные витебские тексты получены методом сплошной выборки из издания «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Дм. Ив. Довгялло» [146], второго тома издания «Беларускі архіў» [21], «Судебной книги витебского воеводы М. В. Ключко» (период 1533–1540 гг.) [344], «Віцебска-рыжскіх актаў XIII–XVII ст.» [56], «Тастаментаў шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст.» [350], книг Литовской Метрики №№ 6 [4], 3 [399], 225 [398], отдельных научных публикаций А. Б. Довнора [114; 115], О. И. Дерновича [112], В. С. Позднякова [257; 258].

Хронологически рассмотренные тексты распределены следующим образом: 1) XIV в. – текст реконструированного привилея Витовта 1392 г. (ППБ, с. 54–56); 2) XV в. – тексты 1 дарственной княгини, 2 привилеев, 3 писем и 3 приговора судов; XVI в. – тексты Витебского гродского суда 1530–1532 гг. – 154 документа (146 из книги Витебского гродского суда и

8 из книги Полоцкого гродского суда, имеющих отношение к Витебску), 1533–1540 гг. (140 витебских текстов), актов книг Витебского земского суда (26), официальные письма из Витебска в Ригу – 8, привилеи Витебску – 10 текстов. Всего 338 текстов. XVII в. – тексты актов книг Витебского земского суда – 30 текстов. Всего в исследование включено 378 текстов.

Сам термин *витебские* в данной работе используется достаточно условно. В первую и самую большую группу витебских текстов входят те, которые были написаны в Витебске, о чем в самом тексте содержится указание *писан в Витебске*. Вторая группа – тексты, включенные в акты книги витебских судов, однако написанные в других местах. Наконец, к третьей группе текстов относятся привилеи, выданные от имени великого князя литовского и написанные в Вильне, Гродно и Варшаве. В издании «Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст. : абласныя прывілеі : крыніцазнаўчы дапаможнік» В. С. Позднякова [258, с. 54–106] приведены сведения о 13 витебских областных привилеях (привилей конца XIV века князя Витовта, привилей 1447 г. Казимира, привилей 1481 г. Казимира, 2 привилея 1503 г. Александра, привилеи 1509, 1541 гг. Сигизмунда Старого, привилеи 1547, 1561, 1571 гг. Сигизмунда Августа, 1576, 1582 – Стефана Батория, 1592 – Сигизмунда III), датированных концом XIV – 1592 гг., при этом текст конца XIV века известен в двух реконструкциях: Я. Якубовского и М. Д. Макарова [258, с. 54–55], текст витебского привилея 1447 г. характеризуется, но сам не приводится, так как не сохранился [258, с. 57–58], тексты остальных привилеев представлены в копиях. А. Б. Довнар приводит перечень 11 самых важных привилеев Витебска XVI–XVIII вв., среди которых к исследуемому нами периоду относятся привилеи 1561, 1582, 1592, 1597, 1641, 1650, 1669, 1676 и 1697 гг. [114, с. 11]. Известен также один привилей, который был дан великим князем литовским Александром смоленскому владыке Иосифу на земли в г. Смоленске и право заселения их 120 прихожими людьми, но местом создания которого обозначен Витебск (КЗ, VI, с. 149–150).

Включение этих текстов в исследование имеет две причины: 1) их огромная историческая значимость для витебской земли; 2) наличие в 10 привилеях той части текста, которая дала исследователям возможность говорить о привилее конца XIV в. и его реконструировать. Язык этого отрывка представляет собой несомненный интерес для филологов, поскольку имеет общие черты с языком ст.-рус. договорных грамот.

В рассмотренных источниках тексты и их части были написаны кириллицей и латиницей, фиксируются случаи, когда тексты, написанные латиницей, включены в акты книги, где записи о предъявлении текста написаны кириллицей, язык текстов определяется как старобелорусский или польский.

Разнообразие текстов и их языкового оформления обусловило следующие особенности историко-стилистического анализа:

1) исследованы кириллические тексты или части текстов, написанные на кириллице;

2) описание структурно-смысловой организации витебских текстов проведено на материале таких жанров, как привилеи, приговоры судов (выроки), тестаменты и официальные письма;

3) описание других языковых особенностей проведено на основе всего комплекса исследованного материала.

Включение в число рассмотренного материала опубликованных в различных изданиях с XIX по XXI век текстов предопределило разноречивость в оформлении примеров: непоследовательную передачу отдельных букв кириллического алфавита, обозначение границ предложений и т. п., что, однако, не оказывает существенного влияния на сделанные в исследовании выводы, так как в центре внимания находится стилистическое своеобразие витебской деловой письменности, которое отражается, прежде всего, на структурном, лексическом и синтаксическом уровнях. Все текстовые примеры передаются согласно правилам тех изданий, из которых они извлечены, весь другой языковой материал подается в упрощенной форме.

1.3 Период XIV–XVII вв. в истории белорусского языка

Исследуемые нами тексты созданы в период, который в лингвистике принято определять как время, относящееся к истории развития *старобелорусского* [239, с. 3; 291, с. 7; 110, с. 13; 302, с. 71; 230, с. 22] языка.

Для письменно-литературной формы белорусского языка XIV–XVII вв. существовали самоназвания *рус(ь)ка мова*, *рус(ь)кий язык*, *проста мова*, которые и сейчас можно встретить в лингвистике [173, с. 157]. Эти термины могут разграничиваться [212, с. 341–363; 240, с. 221–229; 241, с. 179; 244, с. 165–170; 245, с. 33] или рассматриваться как синонимы [366, с. 391–392; 173, с. 169; 218, с. 13]. Также в исследовательской литературе язык деловых текстов ВКЛ XIII–XVIII вв. называется *украинско-белорусским деловым*, *староукраинским*; до 20-х гг. XX в. и в настоящее время применяется термин *западнорусский* [156; 362, с. 176; 136, с. 4]), ранее – *польско-русский*, *литовско-русский* [30, с. 576]. Встретим также термины *старая літаратурная беларуская мова* [153, с. 10], *старабеларуская літаратурна-пісьмовая мова* [239, с. 8], *старабеларуская пісьмовая мова* [239, с. 101], *старабеларуская / беларуская пісьменнасць* [239, с. 127, с. 170–171].

Этап XIV–XVII вв. несколько по-разному интерпретируется в работах лингвистов. Е. Ф. Карский считает XIV–XV вв. периодом возникновения западнорусского наречия, а XVI в. – периодом его расцвета [156, с. 6]. А. И. Журавский XIV в. относит к старорусскому литературному языку, а XV–XVIII вв. называет временем существования литературного языка эпохи белорусской народности [119, с. 8]. Л. М. Шакун начало XIV в. рассматривает как этап древнерусского языка [380, с. 15], позже называет язык

периода XI – начала XIV в. литературным языком восточных славян [381, с. 24], язык конца XIV–XVIII в. – *старой беларускай мовай* [379, с. 56].

Ф. М. Янковский пишет о языке древней восточнославянской народности и о языке белорусской народности, который сложился в XIV–XVI вв. [393, с. 39–40], применяя термины *старажытная беларуская мова*, *беларуская мова* [393, с. 41]. Г. К. Тиванова говорит о древнебелорусском (общевосточнославянском, древнерусском) (VI–XIV вв.) и старобелорусском (XIV–XVIII вв.) периодах [375, с. 113], Л. В. Леванцевич [215, с. 8–9] определяет период XIV–XVIII вв. как время старобелорусского литературного языка. А. И. Кулеш подчеркивает дискуссионный характер вопроса периодизации истории белорусского литературного языка, отмечая, что легче определить исходный этап нового периода, чем решить вопрос о начальном этапе формирования литературного языка [206, с. 29].

Л. М. Шакурн [380, с. 16–17], Л. В. Леванцевич [215, с. 8–9] называют в развитии старобелорусского литературного языка такие подпериоды, как: 1) XIV в. – развитие литературного старобелорусского языка под сильным влиянием общевосточнославянского и церковнославянского языков и появление специфических явлений белорусского языка (аканье и яканье, переход *л, в* в *ў*); 2) XV–XVI вв. – формирование основных черт старобелорусского языка; 3) XVII в. – ухудшение положения старобелорусского языка, с 1696 года официальный запрет на использование; 4) XVIII в. – время упадка и переход к этапу новой белорусской литературы.

Время XIV–XVII вв. характеризуется спецификой развития языковой ситуации на территории ВКЛ. А. И. Журавский, рассматривая письменность XIV–XVIII вв., говорил об использовании в ранний период двух письменных языков: собственно белорусского на древнерусской основе и церковнославянского восточнославянской, а позднее собственно белорусской редакции, со второй половины XVI в. на территории Беларуси складывается четырехязычие с разделением в сфере функционирования: использование церковнославянского, белорусского, латинского и польского языков [239, с. 4]. Вяч. Вс. Иванов называет языковую ситуацию в ВКЛ с XIV до XVII вв. «одним из особенно интересных примеров взаимодействия многих языков, систем письма, вероисповеданий, этнических групп на территории одной страны» [140, с. 258], ученый определяет функционирование в ВКЛ примерно 20 языков [140, с. 260], среди которых первым называет устный западнорусский (рутенский) или «простую мову», отмечая, что «диалекты этого устного языка... легли в основу главного письменного языка Великого Княжества Литовского, на котором, в частности, писались документы великокняжеской канцелярии» [140, с. 262], и письменный западнорусский (рутенский) язык. И. П. Климов определяет особенности развития «руськай мовы» [174, с. 15] и подчеркивает, что «руськая мова» развивалась в XIV–XVI вв. «у рэчышчы трынарнай мадэлі, калі ўзаемадзеянне ішло, з аднаго боку, з сакральнай царкоўнаславянскай

(рэдка – лацінскай), а з другога – з беларускімі і ўкраінскімі дыялектамі... Развіццё “рускай мовы” рана падпадала пад дзеянне заходнееўрапейскіх тэндэнцый» [175, с. 29–30]. Е. Н. Руденко адрозняе асобнае ўвага на існаванне старабеларускіх тэкстаў, напісаных латынцямі [303]. М. Рудыньска ў канцелярскім мове ВКЛ вызначае 3 падтыпа: «а) тып украінска-беларускі; б) тып беларускі; в) тып, які з’явіўся пад уплывам польскай мовы» [305, с. 7].

В працах беларускіх лінгвістаў, разглядаючых асабнасьці памятнаў дзеловай пісьменнасьці, існуюць розныя тэрмыны: *дзелавая пісьменнасць* [239, с. 187; 40, с. 3; 133, с. 3], *мова дзелавых помнікаў* [226, с. 77], *дакумент, дакументны тэкст* [274, с. 150–151]. К сожаленью, ў беларускай лінгвістыцы не абазначаны на дданы момант этапы развіцця дзеловай старабеларускай пісьменнасьці, хоць адносна некаторых часавых прамежкаў лінгвістамі даюцца падрабязныя каментарыі: А. М. Булыка называе канец XVI – пачаток XVII в. перыодам, кда «стабілізаваліся граматычныя нормы дзелавой пісьменнасьці, а яе слоўнікавы склад узбагаціўся многімі новымі сродкамі намінацыі» [40, с. 3].

Учынены разглядаецца вопрос аб адношэньні памятнаў дзеловага стыля к літаратурнаму мову. Е. Ф. Карскі ддифэрэнцыравана падходзіў к памяткам дзеловага зьместу: граматы, акты і ддругіе дакументы он не адносіў к тым тэкстам, якія аналізуюцца пры вывучэньні ддрэвняй пісьменнасьці, но в то же время статуты, уставы і судэбнікі ддолжны быць разгдотрэны, так как «слишком велико было значение такихъ произведений в народной жизни, да и пользовались они большимъ распространениемъ особливо послѣ того какъ были напечатаны, притомъ неоднократно» [155, с. 117]. Л. М. Шакун указываў, што «дзелавыя помнікі не могуць не ўключацца ў лік пісьмовых крыніц гісторыі беларускай літаратурнай мовы, хоць, зразумела, карыстацца імі трэба дыфэрэнцыравана» [380, с. 22].

Счытаем важным для ддеталізацыі історыі развіцця старабеларускага мовы ццеленаправленае комплекснае ісьсьледаванне рэгіянальнай дзеловай пісьменнасьці, ззданай на беларускіх землях в Веліком Княжестве Литовском.

На пачатковым этапе неабходна прааналізаваць тэксты рэгіянальных дзеловых дакументаў, апублікаваныя в фундаментальных іздаінях XIX–XXI вв., прадставленыя в аадельных навучных працах лінгвістаў, історыкаў, юрыстаў і ісьсьточнікаведоў. Осознавая всю сложаность работы по публикации архивных материалов, мы выражаем надджду на то, что комплекс імеюіщихся в Національном історическом архіве Беларусі ддревних актаў буддт апублікаван.

1.4 Исследование деловых текстов в аспекте исторической стилистики

Одним из направлений комплексного анализа региональных деловых текстов может быть их исследование в рамках исторической стилистики. В России деловые тексты становятся объектом изучения этого направления в языкознании в середине XX в.

С 40-х гг. XX века до начала 90-х гг. происходит формирование теоретических основ исторической стилистики как нового лингвистического направления, в России появляются первые работы, в которых проводится историко-стилистический анализ текстов. В 1941 г. в работе Г. О. Винокура «О задачах истории языка» впервые употребляется термин *историческая стилистика*. Ученый указал место исторической стилистики в историческом языкознании, определил ее важнейшее отличие от других разделов, заключающееся в изучении тех элементов языковой системы, которые обладают стилистической выразительностью [53, с. 221–226]. До 90-х гг. XX века шли дискуссии о соотношении понятий историческая стилистика и история языка (Г.О. Винокур [53, с. 224], А. И. Горшков [96, с. 3–4], А. И. Ефимов [118, с. 15], Б. А. Ларин [214, с. 8–9]), были определены цели и задачи новой научной дисциплины, в практических исследованиях рассматривались особенности объекта изучения и разрабатывались принципы историко-стилистического исследования различных текстов. Описание отдельных жанров деловой письменности осуществлено М. А. Соколовой [329], О. В. Горшковой [97], С. С. Волковым [59], И. Б. Токмачевой [351], В. Я. Дерягиным [109], А. И. Сумкиной [345]. Старобелорусские тексты с позиций исторической стилистики в этот период не анализировались.

В 1990 году выходит межвузовский сборник научных трудов «Историческая стилистика», где представлены исследования Е. В. Маркасовой [229], В. Б. Крысько [203], Л. В. Савельевой [315], С. А. Авериной [1], приведены рассуждения З. К. Тарланова [348] и В. В. Колесова [187] об исторической стилистике. З. К. Тарланов объясняет появление историко-стилистических исследований «потребностями русской исторической филологии и истории культуры» [348, с. 15], указывает на важность определения объекта и предмета исследования в исторической стилистике, рассматривает категориальные признаки, существование / отсутствие единых принципов и понятий для описания стиля письменных памятников разных исторических этапов, соотношение понятий стиля и жанра и др. В. В. Колесов среди задач исторической стилистики называет «исследование возникновения коннотаций как неслучайных “со-значений”» [187, с. 17].

С 90-х гг. XX в. до конца первого десятилетия XXI в. увеличилось число историко-стилистических исследований, охватывающих широкий круг памятников разных жанров, проводилась разработка методологической базы диахронической стилистики, сформировались отдельные

исследовательские школы. Вышел сборник научных работ, связанных с исторической стилистикой, в Петрозаводске [146]. В российских университетах формируются центры, изучающие деловую письменность в историко-стилистическом и источниковедческом аспектах (Тюмень, Челябинск, Смоленск, Псков, Нижневартонск).

В России прослеживалось усиление интереса к изучению деловых текстов определенного региона, наметилась тенденция превалирования комплексного историко-стилистического описания текстов одного жанра над анализом особенностей функционирования языковых единиц различных уровней. Известность получают работы О. В. Бараковой [12], Е. И. Зиновьевой [128; 129; 132], М. С. Выхрыстюк [67; 68; 69; 71], Н. В. Глухих [84; 85], О. И. Головановой [89], Ю. В. Безбородовой [20], Ю. В. Кириллова [167], Н. В. Стапиной [338], Е. Г. Ганьковой [78], А. Г. Косова [190], А. П. Майорова [224].

В Беларуси первые исследования в области исторической стилистики, посвященные текстам Ф. Скорины, осуществила Е. И. Янович [394, с. 90–138]. Появился ряд работ Н. В. Полещук, в которых анализируются отдельные жанры старобелорусского делового языка, рассматриваются вопросы жанровой классификации текстов Метрики ВКЛ [261], композиционные особенности привилеев «Книги записей» 1522–1552 гг. [269].

С 10-х гг. XXI в. вместе с продолжением работы по историко-стилистической характеристике отдельных жанров письменности в развитии исторической стилистики наблюдаются новые тенденции, среди которых а) появление сравнительно-сопоставительных исследований (Т. Ю. Белоногова [23] – русские и английские грамоты, О. А. Климкович [172] – старорусские и старобелорусские жалованные, купчие и духовные грамоты, Н. В. Полещук [267] – старобелорусские и старорусские духовные, О. А. Зуева – посольские речи Ивана III И Александра Ягеллончика) [137]; б) подготовка программ и учебников по курсу «Историческая стилистика» (И. В. Ерофеева [117]); в) дальнейшая теоретическая разработка проблем исторической стилистики.

Т. Г. Трофимович среди перспективных направлений исторической стилистики называет 1) исследование стиля памятников одного жанра (стиля актовых записей, стиля судебных записей и т. д.), 2) сравнительный анализ сведений о разных стилях текстов одной разновидности языка, 3) сравнительно-сопоставительные исследования [356, с. 66].

А. И. Кулеш в статье «Паняцце гістарычная стылістыка: да праблемы вызначэння зместу» [207] обобщает существующие в русском языкознании представления о соотношении понятий «история русского литературного языка» и «историческая стилистика», перечисляет ряд работ белорусских ученых, выполненных в историко-стилистическом аспекте, и подчеркивает, что «для паспяховага стварэння тэарэтычных асноў гістарычнай стылістыкі ў беларусістыцы існуе пільная неабходнасць далейшага, больш

актыўнага гісторыка-стылістычнага даследавання беларускага пісьменства» [207, с. 134].

Историко-стилистическая характеристика деловых текстов, созданных в определенном регионе, позволит выявить и особенности структурно-смысловой организации текстов разных жанров, и особенности функционирования единиц различных языковых уровней, детализировать региональную и национальную историю развития языка белорусской нации.

1.5 Стиль в диахронии

Основным понятием любого стилистического исследования выступает понятие стиля, широко трактуемое в работах лингвистов. М. П. Брандес отмечает, что «стиль – специфический нормативный феномен, который принадлежит широкому кругу социально-исторических явлений» [37, с. 37]. Но во всех существующих определениях стиля есть общее значение специфического способа действия, это «то, как что-то сделано или делается» [113, с. 7]. В современном языкознании «стиль текста выражается через модус формулирования текста и в рамках этого семантического отношения уточняется далее как *modus procedendi*..., как особый способ речевых действий, предпринимаемых неким речевым субъектом в процессе формулирования текста с целью решения определенной /-ых когнитивно-коммуникативной /-ых задач /-и» [90, с. 13]. Это понятие объединяет «три ряда характеризующих его элементов: 1) элементы содержания (семантический характер изображаемого предмета), «проблемы» речевого высказывания, включая коммуникативную ситуацию ее разрешения, и концептуальный взгляд на них автора создаваемого текста; 2) два вида элементов формы: стилевые доминанты, или – в традиционной терминологии – стилевые черты текста... и собственно языковые элементы, реагирующие на первый ряд факторов и имеющие следствием задаваемой автором частотности и комбинаторности в модусе формулирования текста определенную совокупность формальных элементов первого ряда» [90, с. 21–22].

Понятие стиля исторично, что было обозначено в работах Г. О. Винокура [53, с. 221]. В. В. Колесов определял стиль как исходное понятие исторической стилистики, «исторически образовавшееся усложнение системы языка на основе функционально оправданного использования вне-нормативных вариантов» [187, с. 19].

В диахроническом языкознании употребление термина *стиль* имеет свои традиции. Они связаны с 1) объемом самого понятия стиля, 2) возможными стилистическими классификациями письменных памятников, 3) соотношением понятия стиля, используемого в исторических исследованиях, и понятия функционального стиля, предложенного М. Н. Кожинной.

1. Анализ работ, посвященных письменным памятникам XIV–XVII вв., показывает, что предлагаемые учеными дефиниции понятия стиля в их отношении можно градуировать от более широких к более узким, конкретным:

а) стиль как «стиль эпохи», который «включает в себя как входящее и подчиненное явление также и стиль литературный; литературный же стиль имеет не только в своем составе стиль языка литературы, но и весь стиль отражения мира: стиль описания человека, понимания его внутренних и внешних свойств, его поведения, стиль отношения к общественным явлениям – их видения и близкого этому видению отражения в литературе действительности, стиль понимания природы и отношения к природе» [217, с. 33];

б) совокупность экспрессивно-маркированных языковых средств, определяющих степень книжной обработанности текстов вне зависимости от его жанровой принадлежности (низкий народно-разговорный, средний нейтральный, высокий книжный) – такое понимание стиля отражено в работах М. В. Ломоносова и используется при характеристике текстов исследуемого периода Е. Н. Руденко, которая называет высокий, средний и сниженный стили [304, с. 44];

в) совокупность «устойчивых комплексов языковых средств, соответствующих определенным жанрам, типам речи и обусловленных их содержанием и назначением» – такое понимание стиля нашло обоснование в работе И. С. Ильинской [145, с. 88] и характерно для многих работ по истории языка;

г) индивидуальная манера использования языка. Хотя многие письменные памятники эпохи Средневековья анонимны, однако подобное употребление термина встречается в исследованиях Е. И. Янович [394, с. 78], посвященных творчеству Ф. Скорины и К. Туровского, в работах о публицистических произведениях Ивана Грозного Н. А. Бачинской [17].

Е. Н. Рудозуб определяет стиль «как особенное, специфическое в писательской манере (вообще индивидуальной манере выражения), в речевых произведениях, относящихся к разным сферам человеческой деятельности и коммуникации, в построении любого конкретного текста или типологии текстов, наконец, в употреблении языка разными обществами (микро и макро) и в разные эпохи» [313, с. 6], как «особый тип непредметного содержания высказывания, реализуемый и создаваемый через своеобразное построение речи, организацию языковых единиц, а также использование особых средств языка, выражающий отношение говорящего к действительности» [313, с. 7].

Историками белорусского языка термин *стиль* в отношении деловых текстов также употребляется по-разному. Так, А. И. Журавский, характеризуя канцелярский язык ВКЛ, отметил, что существующий в современных литературных языках официально-деловой стиль «очень

далек не только от народно-диалектной речи, но даже и от устной формы литературного языка», а его основные особенности (особая лексика и фразеология, употребление слов в прямом значении, использование клише и штампов и др.) обнаруживаются и в канцелярско-юридической письменности Великого Княжества Литовского [122, с. 67–68], при этом старобелорусскую канцелярско-юридическую письменность ученый называет стилистической разновидностью [122, с. 71]. Нет прямого определения стиля в отношении письменных памятников XIV–XVII вв.

2. Многократно предлагались разные классификации известных письменных памятников. А. И. Ефимов среди письменных памятников донационального разграничивал светские и церковные и определял такие жанры текста, как летописно-хроникальный, литургический, житийный, проповеднический [118, с. 36–37]. Г. О. Винокур называл церковно-книжный, деловой и собственно литературный стили [52, с. 44].

В издании «Лексика старабеларускай пісьмовай мовы XIV – сярэдзіны XVI ст.» обозначены такие жанрово-стилистические разновидности старобелорусского языка, как деловая, светско-художественная и религиозная письменность [270, с. 7].

3. Когда идет речь о соотношении понятия стиля, применяемого к текстам XIV–XVII вв., и функционального стиля принятым является утверждение о том, что эти понятия несовпадающие. Функциональный стиль не может быть определен в текстах донационального периода, но основные признаки современных функциональных стилей нашли свое отражение в текстах разных жанров XIV–XVI вв. (см., например, утверждение Н. В. Кириченко, сделанное относительно научной речи, о том, что в процессе развития нет кардинальных изменений существенных, специфических ее черт, а основные черты «обнаруживаются на самых ранних этапах его формирования» [168, с. 132], Л. К. Крыловой [202, с. 162]).

В этом случае целесообразно обратить внимание на несколько моментов: 1) появление большого числа новых жанров в начале XXI века дает возможность многим исследователям говорить о том, что функциональные стили распадаются; 2) на данный момент нам неизвестны работы, которые бы характеризовали статистические показатели, касающиеся особенностей употребления важнейших стилистических средств в разных жанрах текстов донационального и национального периодов, а именно такие данные, с нашей точки зрения, могут лечь в основу интерпретации стиля как исторической категории.

При изучении истории развития стилей языка важно определить соотношение конкретных явлений в изучаемых памятниках и обозначить среди них те, которые характерны для исследуемых текстов.

Высказанная выше гипотеза предполагает определение того, какие средства мы отнесем к стилеобразующим. На данный момент в языкозна-

нии при характеристике стиля используются такие термины, как *стилевая / стилистическая функция, стилевая / стилистическая черта, стилевое / стилистическое и стилеобразующее средство, стилистическое значение, стилевой / стилистический прием*.

В их употреблении также наблюдается определенная разнородность. В СЭС используются такие термины, как *стилевые функции, стилевые черты* [342, с. 401–408], *стилистические ресурсы, стилистические средства* [342, с. 456–483]. В. Г. Костомаров разграничивал понятия *стилевые* и *стилистические*: первый термин он относил «к исторически сложившимся, принятым обществом способам применения языка в общении, к отбору и организации средств выражения в разных текстах и их группировках, а второй – к качествам, особенностям, окраскам отдельных средств выражения как таковых, что определяет соответственно явления стилистики текстов с их конструктивно-стилевыми векторами, и стилистики ресурсов с их особенностями, запечатленными в строе и составе языка» [191, с. 13]. В представленной работе будем придерживаться терминологии «Стилистического энциклопедического словаря».

Стилевые функции – это «социальные функции языковых и текстовых единиц как их роль в реализации целей и задач общения и других экстралингвистических стилеобразующих факторов той или иной разновидности, ее значения в социуме» [342, с. 402]. Вопрос о стилевых функциях анализировался в работах Т. Г. Винокур [54, с. 53–60], Ю. М. Скребнева [324] и др. Для деловых текстов главными стилевыми функциями являются долженствование, констатация, точность, вторичными – инструктирующая и воздействующая функции. Ю. М. Скребнев подчеркивает, что следует «говорить о стилистических функциях тех или иных языковых средств» [324, с. 105].

Стилевые функции находят свое отражение в *стилевых чертах*, под которыми понимаются «признаки текста, выражающие специфику и стилевое своеобразие соответствующего функционального стиля благодаря реализации функций последнего, обусловленных его экстралингвистическими факторами» [342, с. 403]. Теория стилевых черт разрабатывалась Э. Г. Ризель [301, с. 96–103], М. П. Кульгавым [209], М. Н. Кожинной [181, с. 98–107], Т. Б. Ивановой [141, с. 129–130]. Стилевые черты определялись как 1) «внутренние приметы различных функциональных стилей в целом, а также индивидуального стиля» [301, с. 96], занимающие «промежуточное положение между категориями стилистики, с одной стороны, и логики, психологии и эстетики, с другой» [301, с. 103]; 2) «совокупность качественных признаков функционального стиля, которым должна обладать речь для эффективной реализации конкретных задач коммуникации в данной сфере общения», имеющих стилеобразующий характер [209, с. 7]; 3) «не просто совокупность качественных признаков функционального стиля, а совокупность признаков, обусловленных их экстралингвистиче-

ской основой» [181, с. 101]», ценность которых определяется их использованием в качестве связующего звена между областью экстралингвистической и собственно лингвистической [181, с. 102]. Стилиевые черты интерпретировались также в концепциях полярности (сжатость – пространность, ясность – расплывчатость, абстрактность – конкретность и др.), при этом «в рамках одного и того же стиля одна полярная стилиевая черта является специфической, вторая же – неспецифической, но тоже характерной для него» [141, с. 129], при этом важна степень проявления того или иного признака, а не наличие его или отсутствие; полевой организации с ядром и периферией.

Основными стилиевыми чертами современного официально-делового стиля называются точность, стандартизированность / шаблонность, абстрактность, логичность, лаконичность, императивность. Не вызывает сомнения, что и точность, и стандартизированность, и абстрактность, и императивность характерны для рассматриваемых нами текстов XIV–XVII вв.

Стилистические средства – это «языковые единицы, тропы и фигуры речи, а также стилистические приемы и речевые стратегии и тактики, используемые при выражении стиля» [342, с. 482]. Особенностью каждого стиля является использование определенных стилистических средств, так как «лингвистическая специфика стилиевой разновидности обнаруживается в том, какие именно средства отбираются» [238, с. 14], при этом стилистический анализ «должен направляться не только и даже не столько на языковые факты, сколько на способы их организации, их связи и соотнесенности» [254, с. 35]. Отмечены две закономерности использования стилистических средств: «Одно языковое стилистическое средство выходит в начальную позицию для образования ряда однотипных приемов, могущих быть осуществленными благодаря стилистическому значению упомянутых средств. Эти приемы, в свою очередь, соответствуют разным стилистическим заданиям (эффектам). И обратная закономерность: разные стилистические средства участвуют в образовании одного приема, выполняют одно (или сходное) задание» [54, с. 23].

Стилеобразующие средства – это средства, а) обладающие «стилистическим значением в тексте и конструктивной ролью в создании стиля. Это может быть как окрашенное = маркированное, так и не маркированное в системе языка средство» [313, с. 20]; б) «обслуживающие данную функциональную разновидность языковые средства содержат экспрессию и функционально окрашенные элементы, которые имеют определенное стилистическое значение и являются стилеобразующими» [55, с. 56]. Кроме этого, важное значение в отнесении того или иного средства к стилеобразующим имеют «количественные показатели – массовость или эпизодичность» [348, с. 13].

Стилеобразующие средства могут быть проанализированы как в пределах отдельного языкового уровня (структурного, лексического, морфологического, синтаксического), так и в качестве единиц репрезентации отдельных текстовых категорий (связности и цельности, императивности, диалогичности и др.) (Л. В. Глухих [85], С. Ф. Руднева [311; 312]).

Мы предлагаем считать стилеобразующими такие средства, которые являются ядерными для текстовых категорий, отражающих основные стилевые черты изучаемых письменных памятников.

1.6 Текстовые категории и стилеобразующие средства их репрезентации

В работах, посвященных анализу особенностей текстов отдельных жанров, мы встречаемся с несколькими определениями к слову категория: 1) *текстовая категория* (работы А. И. Новикова [249, с. 16], С. Г. Ильенко [143; 144], З. Я. Тураевой [363], Т. В. Матвеевой [233], М. Н. Кожиной [183, с. 3–15], А. Ф. Папиной [282], И. Р. Гальперина [77, с. 19–22], О. Н. Капытова [151]); 2) *функциональная семантическая категория* (А. В. Бондарко [33]); 3) *функциональная семантико-стилистическая категория* (Т. Б. Иванова [141], И. С. Бедрина [18]); 4) *стилистическая категория* (В. В. Замкова [125], П. А. Семенов [321]).

Теория *текстовых категорий* на современном этапе не является окончательно устоявшейся. Это касается как вопросов количества таких категорий, их возможной классификации, так и способов реализации каждой из называемых категорий в отдельных функциональных стилях и в отдельных жанрах одного функционального стиля.

Текстовая категория интерпретируется как «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение общетекстового смысла различными языковым, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [342, с. 533], параметрами ее описания выступают: «а) набор языковых составляющих; б) текстовая значимость различных типов языковых составляющих (определяется на основании частотности типов, а также их представленности в сильных позициях текста); в) комбинаторика языковых составляющих в составе линейного ряда средств выражения текстовых категорий; г) размещение сигналов текстовых категорий на пространстве текста» [342, с. 535].

В 80-х гг. XX века появился термин *функциональная семантико-стилистическая категория*. Под функциональной семантико-стилистической категорией понимается система разноуровневых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически и стилистически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), т. е. реализующих тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля [342, с. 573–574]. Функциональные семантико-стилистические категории имеют полевую структуру, в которой вычленяются центр и периферия. В центр включены средства, которые 1) наиболее значимы для выражения стилевой специфики определенной группы;

2) наиболее часто встречаются в исследуемых текстах. Обозначены такие функциональные семантико-стилистические категории, как субъектность, обобщенно-отвлеченность (абстрагизация), акцентность, диалогичность, гипотетичность, логичность, точность, оценка, императивность, категоричность, тональность, стандартизированность и др. Вопросы обоснования такого рода категорий и особенности средств их выражения в основном определены для научного стиля речи (М. Н. Кожина [180; 182], Т. В. Матвеева [233], И. С. Бедрина [18; 19] и др.).

Функциональные семантико-стилистические категории «максимально воплощают принцип функциональности в исследовании языка и служат наиболее эффективным инструментом изучения особенностей употребления языка в различных сферах человеческой деятельности и общения, т. е. в различных типах текста, а также позволяют осуществить глубокий анализ содержательно-структурной организации целого научного произведения» [18, с. 5]. Важность этих категорий определяется тем, что они соотносятся, «с одной стороны, с функционально-семантическими категориями, а с другой стороны, – с текстовыми и стилистическими категориями и понятиями, такими, как диалогичность и прагматика текста, стилевые черты, речевая системность и т. д.» [141, с. 4].

Функциональная семантико-стилистическая категория – это «практически идеальная (в том смысле, что отвлеченная) модель определенного стиля, не раскрывающая природы текста, как коммуникативного произведения, рисующая стиль как стройную систему, репрезентирующую набор эталонных текстовых характеристик» [177, с. 128–129]. Среди них можно определить как полевые, так и линейные и объемные категории [233, с. 16–20].

Существует термин *стилистическая категория*, которая рассматривается как «совокупность стилистических единиц, определяющих какой-либо стиль. Фактором, объединяющим стилистические средства, в одну стилистическую категорию, является... общность функций» [125, с. 3; 321, с. 4].

Согласимся с О. Малысой, которая в качестве рабочего принимает определение текстовой категорегии, так как это «дает возможность изучать проявление разных категорий текста не только в стилистическом аспекте, что преобладает в подходе М. Н. Кожиной, но под другими углами зрения, к примеру, с позиций протяженности текста (короткий / длинный текст), его формы (устная / письменная), отправителя сообщения (индивидуальный / коллективный), адресативности текста (моно- и полиадресативный), трансформированности (базовый / производный) независимо от стилистической принадлежности текста» [228, с. 33–34].

Основной социальной функцией деловых текстов является обслуживание сферы правовых отношений. Они служат «для связи органов власти с населением, для взаимосвязи учреждений, организаций и отдельных групп населения, для международных связей в области политических, экономических, социальных и культурных отношений» [219,

с. 186]. Это предопределяет точность, лаконичность, конкретность делового текста, его стандартизацию и шаблонность, при этом жанр и время определяют «разнообразие речевых средств, и стилистических приемов, применяемых в деловой речи» [219, с. 188].

Для выявления особенностей стиля исследованных памятников проведем анализ таких текстовых категорий, как 1) стандартизированность, 2) точность, 3) императивность, 4) абстрагизация, 5) диалогичность. Категории стандартизированности, точности и императивности соотносятся с основными стилевыми чертами деловой письменности. Категория абстрагизации, или обобщенно-отвлеченности, является важной не только для современного научного и официально-делового стиля, но и для исторической стилистики, так как одной из ее задач может быть воссоздание картины «языковых средств, служащих для обобщения и абстрагирования, орнаментализации или же наглядности, конкретности изображаемого» [340, с. 10]. В средствах репрезентации абстрагизации отражается уровень сформированности стиля и особенности ментальности определенного социума. Категория диалогичности коррелирует с такой особенностью деловой письменности XIV–XVII вв., как передача устной речи субъектов деловой коммуникации.

В связи с этим, с нашей точки зрения, термин *стиль* в отношении текстов XIV–XVII вв. можно трактовать как совокупность средств различных языковых уровней, репрезентирующих текстовые категории, которые являются определяющими для рассматриваемой группы текстов. Частота употребления определяет отнесение языкового средства к ядру или периферии текстовой категории.

1.7 Жанры витебских текстов XIV–XVII вв.

Стиль реализуется в конкретном тексте, по отношению к группам которых в лингвистике применяются понятия *типа текста*, *класса текстов*, *вида текстов*, *жанра текстов*, *речевого жанра*, *типа речи*, *типа дискурса* и т. п., при этом в каждом конкретном случае используемый термин определяется автором исходя из задач исследования.

При описании текстов, созданных в период XIV–XVII вв., наиболее распространенным является термин *жанр* (см. работы М. С. Выхрыстюк [70; 71], А. Н. Качалкина [158], А. В. Волинской [63], О. В. Бараковой [12; 13; 14], А. Е. Бельковой [24; 25; 26], А. Г. Косова [189; 190], О. И. Головановой [87; 88], О. Р. Семеновой [322], Л. М. Городиловой [93; 94; 95], О. В. Трофимовой [352; 353], Н. В. Полещук [261; 262; 278], С. Ф. Рудневой [309; 310], Ю. В. Кириллова [167] и др.).

Теория речевых жанров развивается в работах М. М. Бахтина [15, с. 250–296], А. Вежбицкой [49, с. 68–80], В. И. Провоторова [295],

В. В. Дементьева [104]. Е. Н. Котляр отмечает, что жанр всегда является «формально-содержательным единством», и подчеркивает, что вопрос соотношения понятия стиля и жанра решается двояко: жанры выделяются в рамках функциональных стилей / стили рассматриваются внутри жанра [197, с. 26]. В. А. Салимовский дает определение жанра с функционально-стилистической точки зрения как «формы (модели) осуществления социокультурной деятельности на ступени объективации в тексте» [316, с. 7]. Учеными выявляется связь категории жанра с проблемами бытия культуры и культурной памяти [346, с. 78], обусловленность признаков жанра социальными, стандартизированными ситуациями [79, с. 77], наличие иерархической лестницы функциональный стиль – жанровый стиль – стиль типов / подтипов текста [300]. Л. А. Глинкина отмечает, что одной из важнейших задач становится «жанровый состав и коммуникативное назначение текстов в разные периоды» [83, с. 96]. И. В. Палашевская утверждает, что «в процессе исторического развития дискурса, связываемого со сменой цели системы, происходит изменчивость или замена жанров» [259, с. 198].

По-разному определяются и важнейшие признаки жанра, на базе которых строится их классификация. Ю. А. Васильев приводит следующую классификацию: 1) на основе целеполагания в акте речевой коммуникации – «жанры информационного характера, ориентированные на содержание (жанры сообщающего, описательного и объяснительного характера); жанры воздействия (жанры директивные и побуждающие); жанры общения, ориентированные на способ коммуникации (монолог, диалог, полилог); 2) по функциональной принадлежности «жанры научной прозы, публицистики, газетные и т. д.» [47, с. 49–50]. Т. В. Шмелева называет семь признаков: 1) коммуникативная цель; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) образ прошлого; 5) образ будущего; 6) тип диктумного (событийного) содержания; 7) языковое воплощение [387, с. 89–97]. Классификация жанров старорусской и старобелорусской письменности на данный момент не является окончательно завершённой, а система жанров в деловой, светской и религиозной письменности строится на разных основаниях.

По замечанию Л. К. Крыловой, сложнейшими вопросами исторической стилистики можно считать «проблему функционально-стилевой дифференциации... , вопрос о сложном соотношении жанров (как функционально обусловленных форм) и стилей» [202, с. 9]. В. С. Савельев утверждает, что «набор современных жанров во многом повторяет тот, который был характерен для Руси XI–XIII вв. Богословские, апокрифические, житийные, проповеднические, научные, художественные, юридические, акты, бытовые и другие древние тексты имеют свои аналоги среди текстов современных» [314, с. 70].

С точки зрения В. В. Колесова, «последовательность преобразований литературного языка определялась изменением его материала, что приводило

ко все более узкой сфере его применения: жанр (тип текста) > стиль (формы языковой образности) > функция [186, с. 71]».

Обратимся в своем исследовании к разным жанрам витебской деловой письменности эпохи Средневековья, чтобы выявить, согласно идее Е. С. Троянской [361, с. 45–46, 57–58], наличие либо отсутствие лингвистических признаков, позволяющих нам говорить о деловом стиле в эпоху старобелорусского языка, а также совокупности языковых средств, определяющих особенности формирования отдельных жанров витебской деловой письменности.

Среди исследованных текстов такие жанры, как *вырокъ* – ‘1) рашэнне, пастанова, указ; 2) прыгавор; 3) дагавор, пагадненне, дазвол, распараджэнне’ (ГСБМ, 6, с. 80–82);

декретъ – ‘пастанова ўрада або вышэйшай духоўнай улады, якая мае сілу закона’ (ГСБМ, 8, с. 25);

интромесийный квитъ – ‘увод ва ўладанне’ (ГСБМ, 14, с. 133);

квитъ – ‘дакумент, які што-небудзь пацвярджаецца, загадваецца’ (ГСБМ, 15, с. 26);

оповеданье – ‘паведамленне, апавяшчэнне’ (ГСБМ, 22, с. 260);

привилей – ‘дакумент, які сцвярджае чыё-небудзь права карыстацца атрыманай прывілеяй’ (ГСБМ, 28, с. 201);

продажный листъ – ‘дакумент, які пацвярджае акт продажу чаго-небудзь’ (ГСБМ, 17, с. 61)

тестаментъ – ‘завяшчанне; распараджэнне, складзенае ў вызначанай форме пра асабістую маёмасць на выпадак смерці’ (ГСБМ, 33, с. 290);

справа – ‘1) адміністрацыйны або судовы працэс; 2) збор дакументаў; 3) звестка, паведамленне’ (ГСБМ, 32, с. 215–216);

Наиболее сложной является дифференциация жанров судебной письменности: 1) многие тексты содержат обобщенное самоназвание *лист*, 2) судебные тексты, имеющие сходную структуру, могут быть обозначены как *выроки*, *справы*, *судовые листы*, *декреты*, *оповеданья*, *жалобы* и др., в то же время лексемами *вырок*, *жалоба*, *справа* могут называться разные по структуре документы, 3) в исторических исследованиях некоторые судебные документы отнесены к уставным грамотам.

Выполненный анализ источников и научной литературы приводит к следующим выводам:

1) изучение особенностей развития региональной деловой письменности позволяет детализировать историю развития старобелорусского делового языка, историю развития старобелорусского языка в общем, установить особенности культурных традиций белорусской нации;

2) в изучаемый период витебская деловая письменность представлена деловыми текстами разных жанров, большинство из которых включено в книги местных судебных органов;

3) большая часть известных опубликованных витебских текстов относится к периоду XVI–XVII вв., более ранние тексты представлены единично, что не позволяет определить особенности языка региональной деловой письменности в XIV и XV вв., хотя этот период является важным для периодизации истории развития старобелорусского языка и старобелорусской деловой письменности;

4) одним из возможных способов характеристики особенностей стиля деловой письменности может быть исследование употребления в них средств различных языковых уровней, которые репрезентируют текстовые категории, являющиеся определяющими для рассматриваемой группы текстов;

5) основными текстовыми категориями для деловой письменности выступают категории стандартизованности, точности, императивности, абстрагизации и диалогичности, а ядерные средства их репрезентации определяются нами как стилеобразующие средства деловой письменности исследуемого периода.

ГЛАВА II

КАТЕГОРИЯ СТАНДАРТИЗИРОВАННОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Характеристика особенностей структуры деловых текстов и их языковых черт связана с анализом в них стандартных явлений. Стандартизированность проявляется «в активности устойчивых оборотов речи, клишированных фраз, стандартностью построения текстов» [342, с. 275]. Под стандартизованностью также понимается «характеристика жанра с точки зрения степени жесткости жанровой нормы, которая определяется количеством разрешаемых вариантов и развитостью периферии – совокупности отклонений от композиционного или языкового инварианта» [48, с. 10]».

Стандартизованность как текстовая категория отражает такую стилистическую черту деловой письменности, как шаблонность.

Она в деловом тексте выступает как стилеобразующая, так как

- самые разные жизненные ситуации передаются с помощью ограниченного количества форм;
- деловые тексты отличает высокая степень регламентированности и наличие особой интертекстуальности, когда тексты документов, исходящих «от вышестоящего органа власти, частично или полностью цитируются в документах нижестоящих органов» [308, с. 82].

Средствами репрезентации категории стандартизованности в витебских деловых текстах XIV–XVII вв. являются 1) особая структурно-смысловая организация деловых текстов; 2) разнообразные устойчивые единицы; 3) этикетные средства.

2.1 Структурно-смысловая организация текстов

Важность структурно-смысловой организации деловых документов как одного из стилеобразующих средств деловой письменности эпохи Средневековья определяется 1) отличиями в структурной организации текстов разных жанров; 2) взаимосвязью структуры текстов и используемых в них лексических, морфологических и синтаксических единиц. В историческом языкознании структурно-смысловая организация деловых текстов описывается с помощью 1) терминов дипломатического анализа, 2) терминов текстологического анализа.

При *дипломатическом подходе* используются понятия *формуляра*, *протокола*, названия отдельных компонентов протокола, понятие *клаузулы* (работы Н. В. Полещук [276, с. 110], С. Ф. Рудневой [310, с. 22], А. А. Деруновой [105, с. 270–271]).

Под формуляром понимается 1) «стандартная языковая структура, позволяющая сопоставлять деловые тексты на высшем языковом (филологическом уровне)» (А. Н. Качалкин) [158, с. 5]; 2) «совокупность расположенных в установленной последовательности реквизитов документа» (А. Н. Качалкин) [160, с. 6]; 3) «языковая оболочка (набор устойчивых и обязательных формул – словосочетаний и предложений), в которую облекалось содержание акта и которая отличала данный акт от иных, имеющих близкое или аналогичное содержание, но совсем другую цель» (С. С. Волков) [61, с. 11]; 4) «совокупность формул» (Г. И. Багрянцева) [10, с. 14]; 5) «схема построения текста, структура текста» (С. М. Каштанов) [163, с. 26]; 6) «набор языковых формул, которые употребляются в начальной и заключительной части статьи и различают статьи разных типов» (Ю. Г. Захарова) [127, с. 6]; 7) «набор реквизитов официального письменного документа, расположенных в определенной последовательности», «последовательность клаузул, отражающих последовательность человеческих действий» (О. В. Трофимова) [352, с. 54–55]; 8) «количество и порядок следования частей документа» (Е. Г. Ганькова) [78, с. 27].

Лингвисты описывают начальный и конечный протокол деловых текстов, причем согласно принципам дипломатического анализа к начальному протоколу должны быть отнесены такие элементы, как *invocatio* (богословие), *intitulatio* (обозначение лица, от которого исходит документ), *inscriptio* (обозначение адресата), *salutatio* (приветствие); к конечному протоколу – *datum* (дата и место выдачи) и *apprecatio* (заключение); к основному тексту относятся *arenga* (преамбула), *promulgatio* (публичное объявление), *narratio* (изложение обстоятельств дела), *dispositio* (распоряжение), *sanctio* (запрещение нарушения документа), *corroboratio* (сведения об удостоверительных знаках документа) [164, с. 170; 275, с. 297–301; 277, с. 109; 210, с. 37], что не всегда соотносится с принципами грамматического членения текста, которые положены в основу лингвистического исследования.

При *текстологическом* подходе к описанию структуры деловых текстов используются другие термины. С точки зрения А. Д. Швейцера, структура текста состоит из следующих компонентов: *З* – *зачин*, *С* – *сообщение*, *И* – *источник*, *Сб* – *событие*, *М* – *место*, *В* – *время* [385, с. 188–189], с учетом когнитивной структуры текста, под которой понимается распределение информации между зачином и остальной частью текста, которая определяется номенклатурой основных компонентов, но не их жесткой последовательностью. Л. А. Ноздрина для описания композиции текста использует понятия *заглавия*, *зачина*, *середины* и *концовки* [253, с. 183–184], при этом заглавие может интерпретироваться как элемент, стоящий вне текста, смысловая доминанта, определяющая построение текста или один из элементов структуры текста. Зачин определяется как часть текста, вводящая читателя в его суть, подающая основную мысль «в виде утверждения или обобщения» [253, с. 185]. Концовка

рассматривается как последнее звено в раскрытии темы. Авторы учебного пособия «История русской дипломатической риторики» также указывают на наличие в дипломатических документах таких композиционных элементов, как зачин, главная часть, концовка [148, с. 9]. В. С. Мордвинцева использует понятия зачина, концовки и срединной части текста при описании местных деловых документов [242, с. 27]. М. Л. Ремнева – понятие зачина [298, с. 39].

Укажем также, что в исследованиях, анализирующих структуру восточнославянских деловых текстов средних веков, во-первых, наблюдается разное определение одних и тех же терминов, во-вторых, применяются разные термины для описания сходных явлений. Само понятие структуры интерпретируется, как а) набор подразделов, среди которых наиболее крупными являются подразделы нестандартизированного текста, формула адресанта, формула даты, места и обстоятельств написания текста, формула свидетелей, формула цели, указывающая на юридическую силу документа, формула зачина, формула заклинания, формула наименования писаря [286, с. 8–9]; б) соотношение и расположение отдельных частей, в ней выделяется три части: заголовок, основная часть, концовка (С. С. Волков [61, с. 4, 12]; в) соотношение и расположение отдельных содержательных и формулярных элементов (А. Н. Качалкин [160, с. 6]); г) набор и расположение отдельных частей; в структуре выделяется начальная часть, содержательная часть и заключительная часть (Ю. Г. Захарова [127, с. 6]).

Кроме этого, для описания структурно-смысловой организации деловых текстов используются понятия *внутренней формы* источника (Ю. Г. Захарова [127]), *трафарета* (О. В. Трофимова [352], Н. И. Тарабасова [347]), *шаблона* (Е. Г. Ганькова [78]), *структуры* (Ю. Г. Захарова [127], С. С. Волков [61], А. Н. Качалкин [158], О. И. Голованова [89]). Так, Ю. Г. Захарова внутренней формой называет «структуру и стилистические особенности (формуляр) документов» [127, с. 6]. Е. Г. Ганькова использует термин *шаблон*, который определяет как «форму текста в самом общем виде» [78, с. 27]. О. В. Трофимова описывает *трафарет* как «“жёсткие” документы с формализованной структурой и фиксированным лексическим составом, переменными в которых выступают собственные имена и детали экстралингвистической ситуации» [352, с. 10–11].

Отдельные смысловые единицы деловых текстов эпохи Средневековья также получили разные дефиниции: *статей* (И. Н. Попова [294, с. 9], Ю. Г. Захарова [127, с. 6]); *клаузул* (В. Я. Дерягин [109, с. 4], Е. И. Зиновьева [128, с. 66]); *разделов* (Г. И. Багрянцева [10, с. 12–13]); *ходов* (А. А. Зализняк [124, с. 160]), *реквизитов* (О. В. Трофимова [352, с. 54]), *блоков* (М. С. Выхрыстюк [74, с. 31]).

Считаем целесообразным употребление терминов, которые могут быть использованы без жесткой связи с жанром или типом письменности XIV–XVII вв., поэтому на основе текстологического подхода к анализу

структурно-смысловой организации деловых текстов предлагаем следующую схему:

1. В тексте обозначим две части: оформляющую и содержательную. Согласно работе А. Н. Качалкина, под оформляющей частью будем понимать «часть текста, в которой перечисляются авторы, исполнители документа, свидетели, подтверждается истинность дела, изложенного в содержательной части» [159, с. 22], под содержательной частью – «часть текста, в которой излагается замысел, сущность документа» [159, с. 22].

2. Единицей анализа структурно-смысловой организации деловых текстов будем считать *смысловый блок* (далее СБ). Понятие используется при исследовании текстов с XIV по XXI в. Указывается, что формуляр деловых текстов – это «линейная система блоков: начальный блок – от одного до десятков блоков основного содержания – конечный блок» (Н. В. Глухих [84, с. 32]); «последовательность блоков, состоящих из формул, определяющих модальное значение жанра» (О. И. Голованова [89, с. 16]). О. В. Владимирова рассматривает структуру южноуральских деловых текстов как цепочку блоков: «начальный блок (или зачин) – блок основного содержания (или серединная часть) – конечный блок (концовка)» [57, с. 8]. Понятие блока применяется в исследованиях О. В. Морковиной [243, с. 6], А. Г. Косова [190, с. 114], Н. В. Викторовой [50, с. 5], О. В. Зуевой [138, с. 4] и др. О. В. Морковина называет блоком единицу текста, которая «обладает смысловой цельностью, законченностью и имеет определенную функцию (бытовую, религиозную, юридическую и др.)» [243, с. 6]; О. В. Голованова понимает под блоком законченные «в смысловом отношении части, выполняющие строго определенные, экстралингвистически обусловленные текстообразующие функции» [89, с. 15–16]. Дефиниция понятия *блок* не является строго определенной, однако, «поскольку для языковой диахронии не вполне релевантны некоторые из понятий (фраза, строфа), наиболее адекватно... отражает суть явления термин «структурно-смысловый блок» [2, с. 429]. Сходное употребление термина смысловой блок обнаруживается в работах Е. Л. Куксовой [205, с. 13], Т. А. Литвиной [216, с. 219]. В качестве рабочего принимаем определение смыслового блока как относительно самостоятельного содержательного компонента. С позиции историко-стилистического исследования последнее определение представляется наиболее приемлемым, поскольку удобно для сравнения большого числа разных по структуре текстов. СБ определяют каркас текста.

3. СБ зачина могут быть отделены от содержательной части, а могут быть слиты с ней, что отражает уровень сформированности структурно-смысловой организации документа. Иногда несколько СБ концовки и содержательной части могут быть объединены общностью темы и выполнением законченной функционально-смысловой роли.

Г. Я. Солганик [330, с. 38] указывает различные наименования таких единиц: сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, компонент и т. д. В отношении исследуемых текстов нами используется понятие *смыслового фрагмента* (далее СФ), под которым подразумевается группа СБ, характеризующаяся общностью темы.

4. В некоторых случаях группа СБ и / или СФ в текстах эпохи Средневековья могут формировать и структурные единицы более высокого уровня, которые мы называем *смысловыми разделами* (далее СР) на основе работ С. С. Волкова [59, с. 71] и Г. И. Багрянцевой [10, с. 12]. Количество разделов и их наименование, способы связи в тексте предопределяются жанровыми характеристиками.

Схема построения деловых текстов эпохи Средневековья с точки зрения иерархии структурно-смысловых единиц выглядит следующим образом: смысловой блок – смысловой фрагмент – смысловой раздел – часть – текст. Анализ значительного числа текстов позволяет представить условную структурно-смысловую организацию изученных актов в виде следующей абстрактной модели (таблица):

Таблица – Условная структурно-смысловая организация текстов

Текст											
Зачин		Содержательная часть								Концовка	
		СР ₁				СР _n					
		СФ1		СФn		СФ1		СФn			
СБ1	СБn	СБ1	СБn	СБ1	СБn	СБ1	СБn	СБ1	СБn	СБ1	СБn

Представленная модель является эффективной при проведении сравнительно-сопоставительного исследования большого числа текстов разных жанров.

Жанровые особенности текста определяют наличие разных СР, разную степень распространенности СФ, разное количество СБ и отсутствие некоторых уровней системы. Так, например, в продажных листах элементы зачина включены в основную часть, содержательная часть состоит из блоков, а не фрагментов; среди привилеев встречаются как документы, в которых есть казусный и констатирующий разделы, так и документы, содержащие только констатирующий раздел.

Для вербального оформления СБ используются лексико-синтаксические модели, которые могут быть представлены конструкциями плана <именование адресанта> + спрягаемая форма глагола + + <именование адресата> + <именование объекта> и т. п.

Важным элементом в таких конструкциях являются разнообразные этикетные лексемы и устойчивые словесные комплексы.

2.1.1 Общие замечания относительно структурно-смысловой организации витебских текстов

Исследованные нами тексты первой половины XVI века были представлены или отдельно, или в книгах, где не содержалось указания на предъявление документа на суде. Все исследованные тексты конца XVI–XVII вв. включены в книги Витебского земского или городского судов. Специфика оформления этих книг предполагала наличие вступительной и заключительной частей, в которых описывалась процедура предъявления документа и его юридического заверения в актовой книге.

Обычно перед текстом самого документа описывается ситуация его предъявления на судебной сессии в земском или городском суде: *на рокох сѣдových земьскихъ в Трех Кролех, свѣта костела римьского, припалых и сѣдовьне порядкомъ статѣтовымъ в замькѣ г(о)с(по)д(а)рьскомъ Витебскомъ втѣправѣющихъ. Передъ нами, Балѣцеромъ Богдановичомъ Староселскимъ, судею, ...постановившысе вчевисто земенинъ г(о)с(по)д(а)рьский воеводѣства Витебског(о) панъ Семень Заньковичъ Ромеико Хотимьский вповедалъ в листехъ справахъ своихъ земельных ему по втѣцѣ его... и по матце его... зосталыхъ, мовечы таковымъ вбычаемъ* (ТБ, с. 182).

Здесь сначала указывается время “актыкацыи” документа на латинице:

1598, janu(arius) 17. Akt(ykacja) Testamentu JPZankiOlechnowicza Chocimskiego, także zapisu reformacyjnego od tegoż JP Chocimskiego zenie swej na m(aję)t(no)ść Raniony, danego y listow dzielczych imienia JP Olechnowiczew Chocimskich z ograniczeniami na m(aję)t(no)ść Chocimle y jinne dobra JP Siemienowi Chocimskiemu służących (ТБ, с. 182).

После этого идет указание даты на кириллице: *лета вт нароженьѣ Сына Божьего тисеча пѣтсот деветдесѣт шостого, м(е)с(ѣ)ца июня дванадцатог(о) днѣ* (ТБ, с. 190).

Далее следуют конструкции разной степени устойчивости, с помощью которых описывается процедура предъявления документа на суде. Они включают в себя

– дату и место заседания земского суда: *на рокох сѣдových земьскихъ витебскихъ по Светои Троицы, свѣта ко[с]тела римьского, порядкомъ статѣтовымъ втѣправѣющихъ, на местѣ звывломъ в замькѣ его милости г(о)с(по)д(а)рьскомъ Витебьскомъ* (ТБ, с. 196);

– именование лиц, участвующих в заседании (судьи, подсудка, писаря, урядников): *перед нами, Балѣцеромъ Богдановичомъ Староселскимъ, судею, Григоремъ Косовом, подсудькомъ, а Андреемъ Гусиновским, писаремъ, вѣдниками Его К(о)р(олевское) М(и)л(о)сти судовыми земьскими витебьскими* (ТБ, с. 204);

– именование лица, обращающегося с просьбой об “актыкацыи”, включающее в себя антропоним, социальный статус и конструкции,

подчеркивающее личное присутствие лица на судебном заседании: *постановившии вчевисто ѿсудѿмещанин г(о)с(по)д(а)рьскии места Витебско-го Миша Власовичъ Девѣтый* (ТБ, с. 211);

– предъявление документа или выписки этого документа: *вповедала и покладала перед нами, вѣдом, тестамент небожчика малжонка своег(о) п(а)на Щастног(о) Храновског(о) и выпис с книг кгородских витебских, переносечи тот выпис кгородскии с тестаментом до книг земских витебских* (ТБ, с. 220);

– просьбу о вписании документа в актовые книги земского суда: *А так деи ее м(и)л(о)сть п(а)ни городничѣа витебскаѣа переносечи тот выпис кгородскии витебскии на тых роках теперешних Трикролских судовых втправуючих просил, абы до книг справ вчыстных земских витебских был ѿписан* (ТБ, с. 235);

– рассмотрение документа судом (его печатей, подписей, содержания самого текста) и решение о возможности его внесения в актовые книги: *А такъ мы, вѣдъ, того выписѿи тестаментѿвгледавши и читаного достаточъне выслухавши, до книгъ справъ сѿдовых земских воеводства Витебъского ѿписать велели* (ТБ, с. 249–250);

– точность передачи текста документа: *которыи ѿписуючи до книгъ с початку аж до конца слово вт слова так се в собе мает* (ТБ, с. 235).

После текста документа указывается количество печатей и имена лиц, которые заверяли документы печатями и подписями: *ѿ того тестаментѿпечатеи чотыри и подѣпис рѣкъ тыми словы на немъ есть: ІА , Стефанъ Тимофеевичъ Лѣскина, ловчыи земьскии воеводѣства Витебъского, до сего своего дестаментѿпечатъ приложилъ и рѣкѿвласнѣю подѣписалъ; за вчевистою и ѿсною прозбою пана Стефана Лускины ѣа, Миколаи Деражиньскии, наместникъ витебскии, до того тестаментѿпечатъ свою приложилъ и рѣкѿподѣписал; ѿнепрошоныи вт всобы в семь тестаменте вышѣпомененое, вт пана Стефана Лѣскины, ловчого витебъского, ѣа, Богданъ Погоскии, при печати своеи и рѣкою своею подѣписалъ; прошоныи печенѣтаръ Григореи Наѣковичъ печать приложилъ и рѣкѿподѣписалъ* (ТБ, с. 202).

Полагаем, что в этом отрывке компилируются элементы оригинального документа и требований к его оформлению в актовых книгах. Судя по тексту *ѿ того тестаментѿпечатеи чотыри и подѣпис рѣкъ тыми словы на немъ есть* – это та часть, которая относится к правилам оформления вносимого в актовую книгу текста, тогда как фрагмент *ІА , Стефанъ Тимофеевичъ Лѣскина, ловчыи земьскии воеводѣства Витебъского, до сего своего дестаментѿпечатъ приложилъ и рѣкѿвласнѣю подѣписалъ* и ему подобные – это часть самого тестамена, поэтому подписи свидетелей мы включаем в текст завещания и рассматриваем их как отдельный СБ в концовке.

Подписи могут быть выполнены «русским и полским письмом», что оговаривается в тексте: *...а подѣпис рѣкъ писмом рѣским [и] полским*

подписано естъ тыми словы: Богдан Я нушковский рѣкою власною за ustnq oczewistq prozbq pana Bohdana Januszkowskiego, horodniczego witebskiego, yako pieczętarz do tego testamentu pieczęć swą przytożył y ręką własną podpisał; ...Mikolay Narbut за ѣсною и вчевистою прозбою п(а)на Богдана Я нушковского, городничог(о) витебског(о) (ТБ, с. 238).

Далее фиксируется внесение документа в книги Витебского земского суда: *которое вповеданье пана Кѣминского Ивановича, писара кгородского витебского, и тот тестамент вт небожчика брата его пана Матвея Можеика ему, тако впекаѣданьи, до книг справ сѣдовых земских воеводства Витебского ест записано (ТБ, с. 233).*

Часты случаи, когда в книги Витебского земского суда вносятся выписки из книг Витебского городского суда, что предполагает запись в актовой книге перед текстом всех данных о том, когда и где состоялся городской суд, кто осуществлял разбирательство, кто и как предъявлял документ, о чем просил и какое было решение. После документа отдельно указываются подписи судей городского суда, отдельно подписи судей земского суда.

2.1.2 Структурно-смысловая организация витебских привилеев

Особенности структурно-смысловой организации витебских привилеев обусловлены несколькими причинами: 1) представленностью изучаемых текстов в реконструкциях и копиях более позднего времени (из рассмотренных текстов привилей Витовта, датируемый 1393–1399 гг., представляет собой реконструированный И. В. Якубовским [392] текст, а другие привилеи сохранены в более поздних копиях); 2) разной структурой привилеев: реконструированный привилей включает в себя перечисление тех прав, которые даны были жителям города, в то время как копии привилеев 1481 г. и одного 1503 г. содержат в себе сжатое упоминание привилегий, которые были даны ранее, копии последующих привилеев построены по принципу подтверждения более давних привилеев, именно поэтому в привилеях конца XVI в. несколько раз в текстах повторяются СБ зачина и концовки.

Зачины витебских привилеев

Зачины витебских привилеев включают в себя СБ со значением – именованья адресанта, вербализация которого отражает особенности диахронического изменения этого текстового отрезка: *Мы, великий князь Витовтъ (ППБ, с. 56); Казимеръ, Божьею милостью король польский, великий князь литовский, руский и княжа пруское, жомойтский и иныхъ (ППБ, с. 59).* Состав титула великого князя в диахронии расширяется, что обусловлено как историческими причинами (расширение сферы влияния ВКЛ), так и стремлением к детализации изложения;

– публичного объявления, наличие которого представляет собой одну из отличительных черт структурно-смысловой организации деловой письменности Великого Княжества Литовского на старобелорусском языке. Для его вербализации используются конструкции, в основе которых лежат глаголы чынити, ознаймовати: *чинимъ знаменито симъ ншимъ листомъ, хто на него посмотрит або чтучи его вслышитъ, нншнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потреб того ведати* (ППБ, с. 79); *ознаимуем сим нашим листом всим посполите и кождому зъособна, кому того вѣдати будетъ потреба* (ППБ, с. 95). Обращает на себя внимание диахронический сдвиг в употреблении глаголов *чинити* – *ознаймовати*, второй из которых стал использоваться ближе к концу XVI в. в текстах различных документов, выданных от имени великого князя ВКЛ. Глагол *чынити/чинити* был одним из важнейших лексических компонентов устойчивых сочетаний различных жанров деловой письменности. Глагол *ознаймовати* является лексическим заимствованием из польского языка, имеет общее значение ‘паведамляць’ (ГСБМ, 22, с. 113), а его употребление вместе с комплексом других фактов может свидетельствовать о процессе изменения канцелярской традиции ВКЛ. В публичном объявлении обнаруживается и еще один примечательный факт: в привилеях 1582 и 1592 гг. исчезает указание на то, что документ читали или слушали (*посмотрит, чтучи вслышит*), что также было свидетельством древневосточнославянской традиции, когда изначально письменный текст слушали, и только потом могли его прочитать, остается более обобщенное сочетание с глаголом *ведати*;

– именованія адресата, который в реконструированном тексте привилея Витовта представлен конструкцией *дали есмо сию нашу грамоту витбляномъ* (ППБ, с. 56), позже адресат мог быть обозначен как индивидуальное официальное лицо: *наместнику витебскому пану Юрью Глебовичу* (ППБ, с. 61) или как коллективное официальное лицо: *што перво сего дали есмо привилеи нашъ всимъ княземъ, и бояромъ, и слугамъ витебскимъ, и воиту, и мещаномъ места тамошнього, и всеи земли Витебскои* (ППБ, с. 74);

– сакрализации, который отмечен в привилее 1547 г. и вербализуется конструкцией *во имя Божье стансе* (ППБ, с. 79). Блок факультативен, отмечен также в тексте привилея 1576 г., где встречается дважды;

– в двух привилеях в зачине после СБ со значением сакрализации употребляется СБ со значением записи текста привилея на вечную память: *Ку вечной речы и памети. Кгдыжъ продкове наши ихъ млсть славное памети короли польские и великие князи литовские, седечы на столицы маестату своего гсдрьского и о всихъ речахъ пришлыхъ обмыслеваючы такъ яко и завжды звыклыи того бегъ несець для ведомости всимъ вовець речы вечные писмом обьясняли и для незапаметалости на прышлы часы*

в память людъскую напотомъ будучымъ приводечы листы своими то упеvняли и утверждали... (ППБ, с. 90).

Содержательная часть витебских привилеев

Содержательная часть витебских привилеев отличается сложностью структурно-смысловой организации. Выявлено три ее типа.

Тип I. В содержательную часть включены только СБ, в которых определяются привилегии Витебска и его жителей (этот тип характерен для реконструированного текста конца XIV в.) Среди таких блоков СБ

– запрета действий со стороны князя ВКЛ, или со стороны княжеского наместника, или со стороны витебчан, основу которого составляют глагольные формы с отрицательной частицей: *не вступатися, не брати, не сажати, не посуживати, веры не няти* в значении ‘не верыць’ (ГСБМ, 21, с. 70) и др.: *и въ купленины въ витебскіе нам не вступатися* (ППБ, с. 56); *а въ подводы намъ коней въ витблянъ не брати, ни въ посельскихъ путниковъ, ни въ сябровъ городскихъ* (ППБ, с. 56);

– обязательных действий со стороны князя ВКЛ, или со стороны его наместника, или со стороны витебчан, который вербализуется с помощью инфинитивов разных глаголов: *а чоломъбитъ намъ въ витблянъ **пріймати*** (ППБ, с. 56); сочетания *быти + прилагательное*: *а съ нами имъ **быти готовымъ** на войну* (ППБ, с. 56);

– условий а) назначения наместников великого князя: *также намъ, господару, давати намѣстника нашего витблянѣ по их воли, а который будетъ намѣстникъ нашъ нелюбъ имъ, ино намъ имъ намѣстника иного дати по ихъ воли* (ППБ, с. 56); б) судебных разбирательств: *также въ которого витблянина загудятъ воскъ въ Ризѣ или индѣ, а приѣдетъ до Витебска, ино витблянѣмъ взяти тотъ воскъ къ собѣ въ городъ, а казнити того витблянѣмъ по своему праву, а намъ въ то ся не вступати* (ППБ, с. 56).

Тип II представлен в привилеях за 1481 и 1503 гг. В этом случае содержательная часть состоит из казусно-мотивировочного и констатирующего разделов. В казусно-мотивировочный раздел включены СБ со значением

– жалобы / челобитья: *жаловали нам тые видѣбляне Федько зъ братею... на подвойскихъ витебскихъ, штож дей они кривды имъ делаютъ, и новины уводятъ...* (ППБ, с. 61);

– ссылки на другие документы, содержание которых излагается общо: *и оны тые листы отъца нашего, короля его милости и пана, и пановъ Ильинича передъ нами покладали* (ППБ, с. 61);

– просьбы и били нам чоломъ, *абыхмо имъ на то нашъ листъ дали* (ППБ, с. 61).

В констатирующий раздел включен СБ со значением пожалования или подтверждения более ранних привилегий, основу которого составляет глагол *дати*: *и мы имъ на то сесь нашъ листъ **дали**, не надобе имъ всихъ тыхъ верху писаныхъ новинъ знати, нижли они мають намъ служить*

конемъ а доспехомъ, какъ же за великого князя Витовъта, и Жыкгимонъта, и за отца нашего короля его милости служыли (ППБ, с. 61).

Тип III представлен в 9 документах. По структуре он сходен со вторым типом, так как включает в себя казусно-мотивировочный раздел, состоящий из СБ 1) со значением жалобы / челобитья, 2) предъявления документов и 3) просьбы, и констатирующий раздел, включающий СБ со значением пожалования: *ино мы з ласки наше, за их к намъ веръную службу пожаловати есмо ихъ тымъ, дали им нашъ листъ по тому жъ, какъ отецъ нашъ, корол его млсть, имъ далъ былъ* (ППГ, с. 67). Далее следует текст, включающий в себя как различные привилегии, зафиксированные в реконструированном тексте конца XIV в., так и новые.

Концовки витебских привилеев

- Концовка рассмотренных текстов включает в себя СБ со значением
- места и времени создания грамоты *псанъ у Вильни, в летъ 7011, мсца июл 16 день, инъдиктъ 6* (ППБ, с. 69);
 - юридического закрепления документа печатью: *у того листу прывилею печать его королевское милости прытиснена* (ППБ, с. 60);
 - именования свидетелей: *а при томъ были панове рады ниши Великого Кнзства Литовского: бискупъ виленский, кнзь Павелъ, кнже Голишанское, воевода виленский... и иные панове рады наши* (ППБ, с. 81–82);
 - подписи: *подпис руки гсдръское* (ППБ, с. 89); *Sigismundus Augustus rex* (ППБ, с. 82).

2.1.3 Структурно-смысловая организация выроков

Зачины выроков

Зачины в приговорах не являются необходимым структурно-смысловым компонентом. В случае, если в грамоте выделяется зачин, в его состав входят СБ со значением

- даты, содержащей указание года, месяца, недели, числа, дня недели, индикта, которая может быть представлена как в распространенном, так и в сжатом виде. СБ характерен для записей приговоров суда: *<В неделю... > / <месяца... в неделю... > / <под леты Божего нароженья... месяца... день... индикт>: под лет(ы) Бож(его) нарож(енья) 1539 год, м(есе)ца июн 13 день, инъдиктъ дванадцатый* (КВЗС, с. 307);
- именования лица, осуществляющего суд: *Я <антропоним> + <социальный статус>: Я Я нъ Юрьевичъ Глебовича, воевода Витебъский, маръшалокъ г[оспо]д[а]ря короля его милости Жыкгимонта* (БА, II, с. 5);

- рассмотрения дела, для вербализации которого служит конструкция с глаголом *с м о т р е т и*: *смотрели есмо того дела* (БА, II, с. 8);
- личного присутствия на суде, который вербализуется устойчивым предложением *стояли перед нами вчевисто* (КВЗС, 145).

Содержательная часть выроков

Содержательная часть рассмотренных текстов состояла из обязательных и факультативных СБ. Обязательными были блоки со значением жалобы и со значением вынесенного по жалобе решения. В абсолютном большинстве грамот в состав содержательной части входят блоки со значениями сообщений участников процесса, опроса со стороны лиц, осуществляющих судебное разбирательство. В отдельных документах функционируют блоки со значением просьбы о назначении специального служебного лица, назначения служебного лица и доклада служебного лица, обращения к Статуту ВКЛ.

СБ со значением

– жалобы, начинающий содержательную часть исследованных текстов, вербализуется конструкцией, в основе которой лежит сходный глагол: жаловал + <именование истца>+ на <именование ответчика> + <изложение сути жалобы>: *жаловали намъ люди господарскии витебъские подводные на имя Карпъ, десятникъ, десятникъ, а Паишъко Боборика, а ГѸтрохимъ Грибовъ, а Дракуля, а ГѸльфѸр Плешивъцовъ з ынъшыми поплечъники своими на коваля витебъского ж Сохона Кононова сына и прискивали к собе у поводную службу* (КВЗС, с. 213). Для перехода к изложению сути жалобы могли использоваться элементы 1) *што ж деи*; 2) *и о том, што деи*; 3) *тым обычаем, што деи*. С жалобами обращались люди самых разных социальных групп: в текстах упомянуты жибентяи, бояре, мещане, пушкарѸ, господарские люди, наместники архиепископа, служебники княгини и др. Ответчиками выступали мещане, бояре, попы, рыболовы, подданные панов, дѸяки, городничие и т. д. Истцы и ответчики могли быть родственниками. Причины жалобы также были очень разнообразны:

а) споры о принадлежности собственности: *жаловали перед нами бояре господарскии повету Витебъского Иванъ а Василеи Илины сынове Мостыки, и позвы наши брали на боярына г(о)с(по)д(а)рьского витебъского Мишъка, Мостичиное зятя, и на жону его Марину в близкостъ и вб отчызну свою, именеицо дядка ихъ небожчыка Сенково Мостичыно, и в двор в Нижънемъ Замъку у Витебъску, и в челяд, иж бы тотъ Мишъко з жоною своею неведомо, в которыхи вбычаи, тую вztъчызну и близкостъ, дядковъщызну ихъ, держить, не маючы до того жадное причыны, а имъ яко близкимъ поступити не хочуть* (КВЗС, с. 239);

б) ограбление, нанесение телесных повреждений: *жаловаль намъ человекъ ключника г[оспо]д[а]рьског[о] Витебъского Григорья*

Гольвер[ъ]евича Грышко на боярына г[оспо]дарьского Витебьского-жъ Семена Юшковича в томъ, што-жъ дей вн[ъ] мене перед[ъ] ворота двора своего безъвинне збил[ъ] и к[ъ] тому еще гонил[ъ] мя аж[ъ] до пана Сопежиного двора, где-ж[ъ] угонивши мя, на дворе пана Сопежиномъ, за волосы рвал[ъ] (БА, II, с. 8);

в) невозвращение долга, денежного или вещественного: *жаловала намъ мещанька господарская витебьская Богдановая Клушина на имя Матруна на мещанина господарского витебьского на Ивана Мякинницу в томъ, што ж, деи, «внъ всталъ винень небожчику мужу моему два рубли грошеи широкое личьбы и платити ми не хочет. На што ж я и духовьницу небожчика мужа своего маю, в которой духовьницы вписано, што внъ есть винень»* (КВЗС, с. 279);

г) оскорбление, клевета: *жаловалъ перед нами мещанинъ господарский витебьский Васко Збоевич, слуга паньцерный, на братанича своего Аньдрея Микулича Збоевича ж в томъ, што ж, деи, «внъ мене злодеемъ звалъ и соромотилъ передъ Божиимъ Теломъ, в ольторокъ. А в томъ втъ него жалъ и легкость маю»* (КВЗС, с. 210);

– показаний ответчиков, вербализующийся с помощью конструкции, в основе которой обычно лежат глаголы поведити, мовити, сознати, знати, речи, казати: а / и <именование ответчика> + рек / мовил / поведил / знал / сознал + <сообщение ответчика>: *и Аньдреи к тому ся не зналъ: «Я, деи, тебе злодеемъ не звалъ. Нижли правьда есть, слова некоторыи ты мне говорилъ, а я противъ того тебе мовилъ, але ку чти тебе есми не мовил»* (КВЗС, с. 211). Ответчики либо объясняют причину своих действий (устно или с предъявлением документов), либо отказываются от предъявляемых обвинений. Блок может отсутствовать или в тексте содержится указание на то, что ответчик не явился.

Описание хода дальнейшего разбирательства содержит СБ со значением:

– показаний свидетелей, в основе которого лежат

а) конструкция, где определяются свидетели, вербализующаяся с помощью сочетаний давати сведков / подати сведки / выдати сведков / обрати сведки / в том ся послати + <именование свидетелей>: *и Фик подалъ светьки: Глеба Шапъку, Ждана Гэдинцевича, служебьника нашего, бывшого наместъника лужосенского, Богдана Конъя, конюшого витебьского* (КВЗС, с. 120); *и Красавец на то выдалъ трех светьков: Коска Скомороха а сына его Васюка, а Гэполка, чоловека г(о)с(по)д(а)рьского* (КВЗС, с. 59); *а в томъ ся послали на Гэсташъка Торгошу, десятника паньцерного, а на Степана Матъля, слугу паньцерного, а на Гэньдрона Кликуна* (КВЗС, с. 119); *а такъ, кнегини Настасья межи иньшыми светки вбрала Ждана Янушъковича и на его сведецтво ся послала* (КВЗС, с. 248);

б) сообщение свидетелей, которое передается в форме прямой или косвенной речи с глаголами светчити, поведити: *и тые светѣки светчили тымъ вбычаемъ, што-ж тая нива есть не Ходорова, але Гѣнѣдрея Коптевича и ниву тую ему присудили* (БА, II, с. 44);

– опроса со стороны лица, осуществляющего судебное разбирательство, который вербализовывался с помощью глаголов пытати / спытати / опытовати и касался показаний истца и ответчика, свидетелей, предоставления доказательств: *и мы пытали Богданы: естли бы на то которые листы альбо довод[ъ] мела, абы тое местѣцо w[те]цъ ее самъ на себе купилъ* (БА, II, с. 17). Блок располагался как перед сообщением ответчика, так и перед дополнительными сообщениями истца или сообщением свидетелей: *а такъ, [...] тии светѣки перед насъ были поставлены, и мы их в том [опы]товали* (КВЗС, с. 60);

– присяги истцов, ответчиков или свидетелей, вербализующийся с помощью устойчивых сочетаний ставити шапку / приставити шапку, имеющих значение ‘присягнуць, паклясціся’ (ГСБМ, т. 28, с. 465): *на штожъ и шапку до людей добрыхъ w ста копъ грошей на г[оспо]д[а]ра его м[и]л[о]сть ставилъ* (БА, II, с. 97). Отдельно описывается процесс поведения ответчика: *и Васко Жегало шапѣку былъ приставилъ, нижли зася ее подъяль и на тии светѣки слати ся не хотел* (КВЗС, с. 190);

– указания на доказательства, которое может быть включено в блоки со значением сообщения свидетелей, со значением присяги или может быть представлено отдельным СБ. Для вербализации этого значения используются конструкции, в основе которых лежат формулы с существительным довод: доводъ чынити (вчинити, учинити) в значении ‘даказваць віну’ (ГСБМ, т. 8, с. 178), доводъ ставити в значении ‘предстаўляць доказ’ (ГСБМ, т. 8, с. 178): *и священники поставили шапѣку, хотячи на них на то доводъ учинити* (КВЗС, с. 137); *ино Михаило перед нами доводъ учинилъ бояри господарскими, судьями, которыми тотъ попелъ на нихъ присудили: Гуркомъ, Зелепугою, Ленкомъ, Глебомъ Шапѣкою. И wни то перед нами сознали, иж шесть лаитовъ на людех его непоротовскихъ Михаилу присудили еднальнымъ вбычаемъ* (КВЗС, с. 311–312). В качестве доказательств также могли быть использованы документы, содержание которых излагается в исследуемых актах. В отдельных приговорах содержится указание на отказ или невозможность предоставления доказательств, ссылки на них: *и мещане на их довод слати не хотели* (КВЗС, с. 137);

– просьбы о назначении специального служебного лица, в основе которого лежит конструкция с глаголами просити, посылати: *и просили насъ тии люди данные, што быхъмо зася знову вижа своего тамъ посылали и старцомъ wбема выехати казали* (КВЗС, с. 205);

– назначения служебного лица, определяющего признаки рассматриваемых злодеяний либо выполняющего точные указания судьи, вербализуется с помощью разных конструкций:

а) посылати вижом: и мы, бачачы то, иж вни, вбедве стороне, вдинъ на другого жалуютъ, путьныи люди поведуютъ, же бы то ихъ земля была, а даньныи кажутъ, же бы ихъ то втѣчызна, и мы для вчыненья справедливости межи нихъ, вбеюхъ сторонъ, посылали вижом служебника н(а)шого Федора Валаха. И рассказали есмо старцомъ вбема, путьному старцу на имя Гѡлхиму Лукьяновичу а даньному Суфрону Ивановичу, жебы вни посполъ с тымъ вижомъ нашимъ, и к тому взявши з собою мужовъ, людеи добрых, тамъ, на тую землю, выехали и вгледали, и того межы нихъ справедливе досмотрели, и мне бы тот суд свои втѣказали (КВЗС, с. 205);

б) высылати врадника / боярына господарского / ездоками: а такъ, мы для певънейшее речы и хотячы ся того достачъне доведати, высылали есмо тамъ на тыи земли врадника нашего вболецького, усвятъского и взерицьского Гришъка Васильевича Углика, а с нимъ боярына господарского ключъника земъского витебъского, пана Ивана Яцъковича Зелепугу (КВЗС, с. 163);

в) казати поехать служебнику нашему: и мы казали шапъки подняти и тамъ до Полоцька поехать служебнику нашему Яну Вербицькому. И казали есмо доведати ся и вгледети того Василья Мостыки, если внъ есть немоцонъ а в постели лежить на мазаныи (КВЗС, с. 240);

– доклада служебныхъ лицъ, который репрезентируется с помощью глаголов отказати, поведити: а так, намесникъ нашъ витебъский Климъ там, на тую землю, выездил з людьми добрыми, бояры и мещаны, и того межы нихъ досмотрель, и намъ тотъ суд свои втѣказаль в тотъ вбычаи: Иж напервеи привели его Сухоруки к ляду в Кочанова ручъя на сходе, вбаполь дороги великое, што з Витебъска до Полоцька идетъ, по Пипчыну землю, и жаловали на Слижыковъ, иж ихъ с того ляда вытискають. А поведили, иж тое лядо ихъ цотовое (КВЗС, с. 251).

Одним изъ важнейшихъ в содержательной части является СФ, определяющий вынесенное решение. Для этого используются СБ со значением:

– обращения к Статуту, когда лицо, осуществляющее судебное разбирательство, в особенно сложныхъ случаяхъ, при наличии сомнений фиксирует в текстахъ свое обращение к Статуту. Этот СБ вербализуется либо посредствомъ конструкции у Статутъ углянувшы в составе другихъ смысловыхъ блоков, либо посредствомъ прямой цитаты из текста Статута: и мы казали Статутъ втѣворити. Ино в Статуте пишеть, иж кождому жалобънику долгъ вишелякии на листъ маеть плачонъ быти (КВЗС, с. 275); и мы казали Статутъ втѣворити и в Статуте пишеть: «коли бы хто, вбѣмовяючы кого-кольвекъ, вчиниль ему ку сорому або ку страченью головы, а шло бы в горло або в именье, або в которое-кольве каранье, тогды тотъ, хто на кого помовить, а не доведеть, тымъ караньемъ самъ маеть каранъ быти» (КВЗС, с. 153);

– определения правого и виновного включает в себя изложение решения и иногда дополнительную оговорку о понимании сути дела. Указание правого или виновного в судебном споре осуществляется посредством сочетаний *найти / найти правого, найти / найти винного / виноватого: и мы водле сознанья тыхъ светѣковъ Ивана в томъ правого есмо знашѣли* (КВЗС, с. 60). Дополнительная оговорка вербализуется конструкцией и мы тому поразумевши / зрозумевъши / вырозумели: *и мы тому порозумевъшы, кды ж Глебъ Шапѣка сведомѣя жадного на то не вчинилъ и листа закупного не положилъ, Якова Голуба в томъ правого есмо знашѣли и при тои сеножати его zostавили, и пересуд втѣ того в него взяли* (КВЗС, с. 68);

– перечисления предписаний судьи представляет собой четкое указание на то, что должно быть сделано ответчиком: *и мы, порозумевъшы тому, приказали есмо Сеньку на томъ перевозе возити до воли п(а)на его м(и)л(о)сти* (КВЗС, с. 73);

– установления срока исполнения решения вербализуется конструкцией *положити / назначити рок / рок земский + <обозначение срока>: и мы в тои полѣтинѣ и въ законце Конона знашѣли винного, и рокъ заплате тымъ пенезямъ положили: втѣ сего часу за чтыры недели* (КВЗС, с. 63); *и положеню того листа назначили есмо рокъ земский: втѣ сего часу за чтыры недели, то естъ у понеделокъ на се-мои недели после Великоднѣя* (КВЗС, с. 82);

– в некоторых текстах в конце содержательной части находится блок, определяющий просьбу о записи обращения: *и просилъ насъ, абыхъмо тыи жалобы его казали у книги записати* (КВЗС, с. 332).

Концовки выроков

Концовки, как и зачины, также характерны не для всех исследованных актов. В состав концовки входят СБ со значением

– записи для памяти: *и то про память казали у книги записати* (КВЗС, с. 63). Типичной была ситуация, при которой этот блок был первым в концовке, а после него следовало указание свидетелей и указание даты. Однако в отдельных документах наблюдались нарушения названной последовательности (блок мог отделяться от блока со значением именованія свидетелей дополнительными замечаниями или находиться после именованія свидетелей);

– именованія свидетелей, который встречается в большинстве документов, связанных с фиксацией приговоров. Вербально блок представлен типичной для старобелорусских текстов конструкцией а при том были *<именование свидетелей>: при томъ былъ боярынъ г(о)с(по)д(а)рьский Богушъ Васильевичъ а дворанинъ пана ег(о)м(и)л(ост)и Авѣкгушътынъ, а Аньдреи, неводничьи* (КВЗС, с. 63). Особенности оформления блока проявляются в тех случаях, когда после перечис-

ления свидетелей следует указание на их достаточное количество: *а при томъ были бояре з(о)с(по)д(а)рьские витебьские: Михаило Куреишов, а ключьникъ земский, а ключьникъ земский Иванъ Яцьковичъ Зелепуга, а конюшый земский Богданъ Копоть, а Костя Кузминичъ Косов, а Матъфеи Молодень, а Глебъ Шапъка, и иных людей добрых при том досить было* (КВЗС, с. 149). Конструкция *а при томъ были* <именование свидетелей> фиксируется в грамотах ВКЛ достаточно рано: среди исследованных нами документов она отмечена уже в тексте дарственного листа второй половины XV в., в одном тексте продажной грамоты 1505 г., написанной в Гродно, представлен вариант этой конструкции: *а при том мѣстѣ был пан Половко а старец Борисо-Глѣбский Гѣнбросеи и иных много* [236, с. 176];

– указания места и времени составления документа, представленный типичной конструкцией *писан у Витебску <дата>: писанъ у Витебьску, под лет(ы) Бож(его) нарож(енья) 1539 год, м(е)с(е)ца июня 15 день, инѣдиктъ дванадцатыи* (КВЗС, с. 209). Вербализация блока могла быть как более сжатой, так и более расширенной;

– указания на выдачу документа с печатью, который вербализуется с помощью конструкции и на то есмо <указание адресата> *дали сесь нашъ судовый листъ з нашою печатью: и на то есмо тымъ мещаномъ Харку а Корнилу дали сесь нашъ судовый листъ з нашою печатью* (КВЗС, с. 124), *и то есмо тому Алексьанѣдру а Ивашку дали сесь нашъ судовый листъ з нашою печатью* (КВЗС, с. 142).

В рассмотренных текстах отражается процесс формирования оформляющей части, что проявляется в

– возможности размещения блоков содержательной части после блоков концовки: например, в приговоре суда решение находится после указания места и даты написания документа: *и у вине есмо того Гѣлтушъка и Химинъка винъныхъ знашъли, што ж вни у булѣгачъныхъ часъ через заповед и через заруку мед жольнеромъ продавали* (КВЗС, с. 126);

– отсутствии единого состава блоков в зачинах и концовках.

Состав СБ в содержательной части и способы их вербализации характеризуются следующими особенностями:

– значительное место в текстах документов отводится речи участников судебных процессов, в которой отражается разговорная стихия эпохи XVI в.;

– вербальное оформление СБ в содержательной части характеризуется вариативностью оформления, связанной с употреблением синонимичных глаголов, различных устойчивых сочетаний.

2.1.4 Структурно-смысловая организация завещаний

Исследованные тексты витебских завещаний по своей структуре характеризовались нами вместе с другими завещаниями на старобелорусском языке [172], Н. В. Полещук с позиций дипломатического подхода к материалу анализировала структуру слонимских завещаний [266].

Зачины витебских завещаний

Завещания составлялись в соответствии с теми требованиями, которые были изложены в Статуте ВКЛ, где есть определенный раздел, называющийся *О завещаниях*. В составе зачина исследованных завещаний обязательными являются СБ со значением

– сакрализации, вербализация которого представлена разными способами: *во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь* (ТБ, с. 205), *во имя Святого Бога Отца и Сына и Святого Духа. Аминь* (ТБ, с. 197), *во имя Отца и Сына и Духа Святого, станса воля Божья* (ТБ, с. 217), *всемогущая воля Божья нехай се во всем ку фале Его Святой деет на века. Аминь* (ТБ, с. 221);

– завещания, для вербализации которого используется распространенная конструкция, содержащая в себе именование составителя завещания, глаголы, определяющие действие, и разнообразные обстоятельственные сочетания. В общем виде блок может быть представлен конструкцией в виде: <именование завещателя> + <публичное объявление> + <создание завещания> + <дееспособность> + <добровольность> + <причины создания> + <размышления о смертности человека> + <цели создания завещания>:

а) при именовании завещателя используется антропоним и указание социального статуса лица: *Я , Андрей Я кубовичъ Сивицький, конюший г(о)с(по)д(а)рьский и земенин воеводства Витебского* (ТБ, с. 205), факультативно употребляются сочетания *раб божий, раб божий и Христа его, грешный человек, за помочю Г(о)с(по)да Бога Сотворителя неба и земли. Среди завещателей – городничий, земляне, ловчий, конюший, мещане;*

б) публичное объявление факультативно в зачине завещаний, для его вербализации используются конструкции с глаголами чинити, ознай-мовати, визнавати, сознавати и указанием адресатов, которые могут быть пропущены: *чиню павно и созноваю тымъ моимъ завещан-томъ встаточное воли моее всимъ вовець и кожъдому зособъна, кому бы в томъ принадлежало ведати* (ТБ, с. 187); *чиню павно и визнаваю симъ завещантом встатнее воли моее* (ТБ, с. 240);

в) в основе вербализации значения создания завещания лежат глаголы писати, зоставити, чинити, сочетание умыслити справо-вати: *пишу сес мои завещанть встаточною волею своею* (ТБ, с. 253), *Умыслил есми сес завещанть встатнее воли моее справовать* (ТБ, с. 241);

г) дееспособность завещателя подчеркивается с помощью сочетаний прилагательных добрый, зуполный, целый, способный, неусталый с существительными розум, память, смысл, здоровье (*добрый розум, добрая память, зуполный смысл, зуполный розум, целый розум, добрый и зуполный розум, целый и добрый розум, неусталые смыслы, способное здоровье*): *прето за доброе памети и зѣполного розѣму моег(о)* (ТБ, с. 222);

д) добровольность создания завещания описывается сочетаниями добрая воля, жадное примушенье, нищия / людская намова: *не с примушеньѣм жадного а ни щиеи намовы, але самъ по доброй воли своеи* (ТБ, с. 241);

е) среди причин создания документа самой частой является болезнь (*на тот час хоробою вбложною навезжоньи*), есть упоминание о возрасте (*будучи веку в летех подошлого*) и ссылка на то, что записанный текст хранится значительно дольше устного (*и што не бывает варовано писмом, не бывает трвало, але в запаметанье людское приходит*);

ж) понимание смертности человека подчеркивается глагольными формами розумеючи, памятаючи, бачечи, ведаючи: *и ведаючи то певне, иж не естъ на свете жадное певнеише речи каждому чоловеку, ꙗко час и година смерти, котора жадного минути не может* (ТБ, с. 212–213);

з) при вербализации цели составления завещания указывается на время после смерти завещателя (*по моем животе*), перечисляются родственники (*жона, жонухна, малжонка, дети, дочка, зять, внучата, приятели, кривные, кривные приятели, повинные, братья, близкие*), оговаривается желание избежать между ними конфликтов (*никоторых ростыркѡвъ и гневѣ не мели, ни-якое трудности, ростырку и заваснена в маетность мою не было и т. п.*): *прето ꙗ, постерегаючи повинности хрестиянское, хочечи того, абы по моем животе зѣати и дочки мои промеж собою в ѣбогои маетности моеи жадных почварѡвъ и ростыркѡвъ не мели, але спокоине и добротливе каждыи на своемъ переставал и ѣживал* (ТБ, с. 253). В завещании, датированном 1559 г., используется конструкция, сходная с конструкциями ст.-рус. текстов: *што маю комѣ вѣдати и на комѣ што взѣати* (ТБ, с. 184).

Факультативным является СБ со значением записи текста на вечную память: *Станъсе ку вечьнои речы* (ТБ, с. 183). *Ку вечьнои а несмертелнои памети ж тое речы* (ТБ, с. 187).

Содержательная часть тестаментов

Содержательная часть витебских завещаний включает в себя как СБ, так и СФ.

Начинается содержательная часть витебских текстов, как правило, со СБ со значением

– поручения души и тела милости Бога после смерти, который вербализуется конструкцией <описательное указание времени смерти> + поручаю душу мою + <упоминание бога> + <распоряжения относительно тела>: *то есть, наперед, кгда мене Пан Бог до фалы Своее Светое зъ сег(о) света поволат рачит, порѣчаю душу мою П(а)ну Б(о)гу Всемогуцому во Троицы Единому въ вопатрность Ег(о) Светую* (ТБ, с. 205), при этом упоминание о теле факультативно;

– распоряжения относительно места захоронения тела завещателя, которое может быть включено в ряд однородных членов с распоряжениями относительно поручения души Богу, а может быть представлено отдельным блоком <поручение похоронить тело> + <описание места захоронения> + <уточнение того, согласно какой религии проводится обряд> + <обозначение лица, отвечающего за захоронение> *...а тело мое грешное кѣ похованю. Месце назначаю пры церкви Светое Пречыстое Богородицы ѿ Великом Селе, которое маеть быти поховано ѿчѣстиве вбычаем хрестиянским водлуг законѣ греческого через малжонкѣ мою Любкѣ Ждановну Шыбечанку* (ТБ, с. 227), могут содержаться указания на необходимость построения каплички, упоминаться люди, которых должны позвать на похороны, деньги, которые приготовлены для погребения: *а над теломъ моимъ капличку збудовать мает, обыход погребу тела моего мает быти обычаемъ збору евангелицкого вѣдправлень, везавши до погребу повинныхъ моихъ з Литвы и иншихъ пригатеи тутошнихъ* (ТБ, с. 206).

Далее следует несколько СФ, в которых даются распоряжения относительно движимого и недвижимого имущества, зависимых людей, денег, несовершеннолетних детей, опекунов.

СФ, содержащий распоряжения относительно движимого и недвижимого имущества, обязательно присутствует в содержательной части. Он включает в себя СБ со значением

– передачи имущества адресатам (имений, земель, фольварков, дворов, домашнего скота, предметов домашнего обихода, одежды, хлеба и т. п.). Блок вербализуется конструкцией *а что ся ткнеть / напрод <указание собственности> + отписую / дарую / + <именование адресата>*: *а што се ткнеть [о] маетности моее ѿбогое, статкѣ, быдла, коней, збожѣ вшелѣ [кого], спратѣ домового, што вдно-кольвекъ есть, цыны, меди, [...]тъѣ вт мала и до велика, то все втписую жоне моеи Кате[ри]не Я новьне Деражинскои* (ТБ, с. 232). Подробное перечисление собственности, как правило, следует после или перед обобщающими сочетаниями *спрат домовый, маетность убогая, речи рухомые и нерухомые, от мала до велика: ку тому чарку серебряную мою и ложкаъ серебряныхъ всмѣ и иншии шаты*

мои, которыхъ в сес тестамент не поменил, есми также кони мои возники, кони робочие, клачи, быдло рогатое и всакое, цын, медь, зброи, шышаки, панцири и рыништунокъ всакии, до коней седла всакие, стрелбу и въсакие брони военъные, возы, збоже молочоное и немолчоное, засееное, и въси речи мои рухомые от велика до мала, што-кольвекъ по мъне зостанет маетности моее, и ѿвесь спрат домовый, вынавишы с того, што есми вышеи поменил, дочкам моимъ (ТБ, с. 208–209). Могут быть подробно описаны границы передаваемой собственности, способы ее приобретения, упомянуты документы, на основании которых адресант получил собственность;

– указаний на свободу распоряжения адресатов собственностью, в основе вербализации которого формула с прилагательным *волен*: и волни теж будут припатели мои кождый свою част по животе жоны моее Мари продати, втдати, и даровати, и заменити, и на церковь записати к лепшому ѿжиточному своему вберънути, *п*ако свою власност (ТБ, с. 213);

– запрета родственникам вмешиваться в эту собственность, который вербализуется конструкциями с глаголами поискивати, уступоваться, мети, с существительными выступ, дело: а <перечисление наследников> + в то не мають уступоватися, и на + <перечисление новых собственников> + ничего не мають поискивати / ничего мети не мають: *маеть тата ѿнѣка мога пани Полагета и малжонка ея панъ Филипъ Голѣбъ на томъ перестати, на внѣкохъ моихъ, Степановых сынохъ, никакового статкѣ моего дедовъского и втцовского рѣхомого и бабъчына лежачого, полъ, земель, именеи моихъ выслѣжоных, кѣпленых и всаким правомъ набытымъ, полъ, сеножатеи и пѣцов в замъку и на посаде ничего-кольвекъ поискивати не мають и не бѣдѣть мочы вечъными ч(а)сы* (ТБ, с. 198);

– условий пользования собственностью в

а) случае последующего замужества женщины: *а если бы малжонка мога Дорота Линчевскага, не хотечи на вдовемъ столци до живота своего мешкати, замужъ пошла, тогда сынове мои звышпомененые ѿси мають малжонце моеи а матце своеи, кгда вна замуж поидеть, суму п(е)н(е)зеи, то ест, триста коп грошей литовских дати* (ТБ, с. 223);

б) случае достижения возраста совершеннолетия детьми: *а што се тѣкнет дочок моих, тые кгда доростутъ летъ своих и замуж выдаваны будутъ, мают быть водлуг можности выпр[а]вованы зъ четвертое части того ж именича моего, за которѣю четвертую част того именича на дочки назначаю сорокъ копъ грошей литовских пенезми, половицѣ речами рухомыми, дрѣую половицу дочкам моим дано быти маеть* (ТБ, с. 228);

в) случае смерти наследников: *а жоне моеи Ганъне в томъ дворе четвертага часть до живота ея, а по животе своемъ мает сыномъ*

моимъ вставити (ТБ, с. 185); а если бы до летъ того *ѡ*на моего *Ѧ*роша Радиминского мела бы на него приити смерть, то по животе его приити и спасти маеть тые дв[а] пол~~а~~ мои на сынов Степановых, на вн~~ѡ~~ков моих *в*д~~ѡ~~ных (ТБ, с. 199).

СФ, содержащий распоряжения относительно несовершеннолетних детей, основывался на соответствующем положении Статута ВКЛ, в котором было указано, что их права в отношении собственности должны оберегаться опекунами. Этот СФ включает в себя блоки со значением

– назначения опекунов для несовершеннолетних из числа родственников или других людей: *также сыны мои молодые тры до летъ ихъ з~~ѡ~~полныхъ, Александра, Юра а Григора поручаю и злецаю симъ тестаментомъ моимъ в опеку сыномъ моим старшимъ, летъ дорослымъ, Ѧ ну а Миколаю Андреевичом Сивицьким* (ТБ, с. 206);

– распоряжений опекунам относительно воспитания несовершеннолетних и переданной им собственности: *которых детеи моих малжонка мо~~а~~ звышречона~~а~~ с тое ж маетности моее ѡбогое такъ до школы, ~~а~~ко и до вшел~~а~~ког(о) твичене ведле пристоинности выправити будетъ повинна* (ТБ, с. 222–223);

– распоряжений несовершеннолетним детям: *а тые сынове мои звышпомененые вси мают малжонку мою а матку свою въ великои ѡч~~ѡ~~стивости до живота еи мети, чинечи, *в*тдаючи еи вс~~а~~кое посл~~ѡ~~женство, ~~а~~ко родителце своєї, до чого им Пан Бог з ласки Своее допомогати будетъ рачил* (ТБ, с. 223).

Распоряжения относительно зависимых людей в исследованных текстах могли быть даны вместе с распоряжениями относительно имений, земель, денег, а могли быть представлены отдельным блоком. В первом случае используются конструкции, характерные для передачи любой собственности: *тоє именьє Ранено з люд~~ь~~ми и со вс~~а~~кими пожит~~ь~~ками маеть жона мо~~а~~ Ган~~ь~~на Глебов~~ь~~на вод~~ь~~ле листу моего записного в тых тридцати копах грошей литовскихъ на себе дер~~ь~~жати и *в*живати (ТБ, с. 184). Во втором случае используется отдельный СБ со значением*

– освобождения некоторых зависимых людей, в основе вербализации которого лежит лексема *вольность*: *а иж ест~~ь~~ чела~~д~~ь дворна~~а~~ ѡ дворе моем Добрине. Если бы которыи з нихъ буд мужского або белоголовского стану не похотели ѡ дворе ѡ сыновъ моихъ жыти, в томъ имъ волность такову заховую, иж сынове мои, пры которомъ хто зостати ѡсхочет, не мають их неволити и ѡ дворе ихъ ѡ себе ховати, але ихъ, хто где захочет, за дворомъ на земли их по~~в~~саживати маеть, запо~~м~~о~~ж~~енье имъ слуш~~ь~~ное давши, которые место *в*тчичов захованы быти мают (ТБ, с. 209).*

Распоряжения относительно денег также могли даваться вместе с распоряжениями относительного другой собственности, а могли быть представлены отдельным СФ, состоящим из блоков со значением

– возвращения долгов завещателем другим людям, который включает в себя перечисление долгов и именование того, кто долги будет возвращать: *Сзнаимую тежъ сею моею встаточною волею, што кому винень: то ест, напервеи, винен есми Гавриле Клызе коп десеть грошей, Станиславу Светицкому винен есми былъ семь копъ грошей, том втдалъ, а вн мне мемъраму втдати не хотел, зплатю моему п(а)ну Павлу Исаковичу винен есми готовыхъ позычныхъ копъ вдинадцат, [па]ко ж и лист мои на то в нег(о) ест, п(а)ну Лаврину КомарѸ, зплатю своемѸ другому, винен есми коп сем грошей литовскихъ готовыхъ позычныхъ. Та сын мои мает заплатит, абы на души моеи не вставовал непакых* (ТБ, с. 218);

– возвращения долгов завещателю: *которѸю тежъ двадцать копъ грошей литовъскихъ винъни мне мещане витебъские Сипъко и з братьею своею, Митпавы дети, тыхъ двадцати копъ грошей, десет копъ грошей дочъце моем Марыне, ...а дрѸгѸю дестптьма копами грошей мають долги мои поплатити и тело мое грешное Ѹпочтивости поховати* (ТБ, с. 185).

СФ, содержащий распоряжения о передаче имущества церкви и церковным служителям, включает СБ со значением

– передачи собственности, денег для совершения определенных служб: *а на СорокоѸсть крילוшаномъ Светого ДѸха вписую сорокъ грошей...* (ТБ, с. 185);

– передачи собственности духовному отцу: *а дѸховному моему втцѸ ФедорѸ, свещынъникѸ воскресенскому, втписую по животе своемъ з статкѸ моего домового корову, которѸю маеть зплатъ мои панъ Александро Неишико втдать, а вн маеть за мою грешную дѸшу Г(о)с(по)да Бога просить Ѹпрестола Божего* (ТБ, с. 255–256).

СФ, посвященный опекунам, содержит в себе СБ со значением:

– назначения опекунов, в основе вербализации которого лежат глаголы назначати, обирати и формула поручати в опеку: *а для вбороны встпко[и] малжонце, детем и именичѸ моемѸ сим тестаментом моим впекѸном и вборонцою назначаю и вбираю велможного его м(и)л(о)сти п(а)на Петр[а] Стабровского, старосту треиданского и скуинского, тивуна в земли Ж[о]моитскои, вешиванского, моего м(и)л(о)стивого п(а)на* (ТБ, с. 228–229);

– просьбы, в основе вербализации которой лежат глаголы просити, рачити, формулы чолом бити, ласку учинити, кривд боронити: *а до того теж прошѸи чоломъ бью панѸ зплатю своему пану*

Александръ Ю новичъ Нешиице, жебыи внъ над тою ѿбогою маестностю дочки моее милое панъны Ълены Кгарлинское, котораѣ на сем тестаменте моемъ поменено, впекуномъ и строжомъ был, и тую ѿбогую дочкѣ мою, свестъ свою, панъну Ълену, кѣды до того приде по моемъ животе в станъ светыи малжонскии замуж, за кого Пан Бог рачы дать, ѿчистиве, не лютуючы працы своее, выдал (ТБ, с. 255);

— награды, представляющий собой выражение уверенности в божьей награде за выполнение распоряжений завещателя: *за што их м(и)л(о)стьѣмъ Панъ Богъ ласкою Своею Светою нагоружатъ...* (ТБ, с. 193).

Блоки в составе СФ факультативны, могли быть соединены между собой, кроме того во фрагменте могли содержаться и дополнительные распоряжения опекунам.

Завершает содержательную часть витебских завещаний СБ со значением санкции, в основе которого угроза страшного суда: *а хто сее встаточное слово мое смерътное ѿрѣшитъ, тотъ со мною розѣсѣдится на Страшномъ сѣде передъ Небеснымъ Царемъ вовеки. Аминъ* (ТБ, с. 201). Блок отличается вариативностью вербального оформления и является факультативным.

Концовки тестаментов

Концовки витебских завещаний включают в себя СБ со значением

— юридического закрепления акта от имени составителя завещания, основу которого составляют сообщения о печати и подписи завещателя: *и на то ѣ, ... далъ малжонце своей милои кнѣжне... сес testamentъ встатнее воли моее моею печатью и с подписомъ рѣки моее власное пи[смом] рѣ[ским]* (ТБ, с. 238), при этом указание на подпись может отсутствовать;

— именованія свидетелей, который представлен распространенными конструкциями *а при том / при справованю того testamentу / при которомъ справованю сего testamentу моего были и тому / того будучи добре сведоми (за усною и очевистою прозбою моею) люди добрые / люди зацные / их милость зацные панове + <перечисление свидетелей>: а при томъ были и томѣ добре естъ сведоми люди добрые земѣне г(о)с(по)д(а)рьские витебские: панъ Гурько Ълехновичъ, братъ мои; а панъ Тимофеи Гурковичъ, дворенинъ г(о)с(по)д(а)рьскии; а панъ Степанъ Александровичъ; а панъ Аньдреи Радивоновичъ* (ТБ, с. 185);

— юридического закрепления акта свидетелями, в составе которого есть

а) просьба о печатях и подписях свидетелей: *а просилъ есми ихъ милости пановъ земѣнъ в семъ моемъ тестаменте нижепомененыхъ в приложенье печати его милости пана Миколаѣ Ю новича Деражиньского, намѣстника воеводства Витебского, а пана Богдана Ивановича Погоского, а пана Григорью Ънацковича* (ТБ, с. 201–202);

б) указание на наличие печатей и подписей свидетелей, в котором сначала фиксируется согласие свидетелей, а потом приводятся их подписи и печати: *яко ж их м(и)л(о)сть на прозбу мою ꙗчинити а до сего моего тестаменту печати свои приложивши и руки свои подписати рачили, хто и яко зъ их м(и)л(о)сти писати ꙗмел. ...В того тестаменту печате притисненых п^ать а подписъ ꙗрѣкъ подписано есть тыми словы: вчивисто и ꙗснепрошоныи въ п(а)на Щасного Храмовского ^а, Иван Гутор, суд^а кгородский витебский, бѣдѣчи при справованю сего тестаменту, до которого печат приложивши и руку подписал; Григорей Есиповичъ Городницкий рукою властною; вчивисто и ꙗснепрошоныи въ п(а)на Щасного Храмовского ^а, Григорей Иванович Жолнеровский, бѣдѣчи при справованю сего тестаменту, до которог(о) печать приложивши и рѣкою своею властною подписал (ТБ, с. 223–224). Примеры показывают, что части разрываются описанием печатей документа и более поздним указанием на подписи;*

– указания места и даты написания завещания, вербализация которого стандартна: *писанъ ꙗ Витебскѣ, лета въ нарощень^а Сына Божьего тисеча п^атьсотъ деветде[с]ѣть четверьтого, м(е)с(е)ца июля второго дня (ТБ, с. 202).*

2.1.4 Структурно-смысловая организация витебских писем в Ригу

В рассмотренных нами витебских письмах идет речь о просьбах прислать мастера для ремонта кирпичного здания, привести в соответствие с рижской шкалой новые витебские весы, переправить их в Витебск, освободить витебского мещанина от выплаты пошлин, есть жалоба на рижского фасовщика селедки, благодарность за возвращение в Витебск местного мещанина, который нарушил запрет и продавал неприятелю кольчуги.

Зачины витебских писем

В зачины витебских писем входят СБ со значением именованя лиц, вступающих в коммуникацию, и СБ со значением информирования адресанта о себе. Первый блок вербализуется конструкцией от <именование адресанта> + <именование адресата> + <благопожелания>: *От Миколаа Нѣмировича, старосты Витебског(о) и Мценског(о), паном вашѣи м(и)л(о)сти всим бѣрмистром и ратманом наше при^ательство с разъоумноженьемъ м(и)л(о)сти вашѣи (ВРА, I, с. 26).*

При этом а) именование адресанта включало в себя как упоминание индивидуального официального лица (войта, воеводы, старосты), так и упоминание коллективных лиц (официального лица и мещан,

жителей города): *wt воита, и wt всих мещан места г(о)с(по)д(а)рьского Витебского* (ВРА, I, с. 39), оно могло быть пропущено, употреблено после именованя адресата, использовано в форме Им. п.: *а ꙗ, будѣчи ꙗко суседъ и приѣтел вашей м(и)л(о)сти, всего добраго а справедливаго ѡслугавать хочу вашей м(и)л(о)сти такъ много, ꙗко собе самъ* (ВРА, I, с. 30);

б) именоване адресата включало в себя упоминане коллективных и индивидуальных лиц всего Великого Княжества Литовского или коллективных лиц, осуществляющих управление Риги: *Ѹчитиве вроженнымъ, а добре впатреным п(а)ном синато(ро)м, ратманом, бурмистромъ, и радцамъ места Рызского* (ВРА, I, с. 33);

в) благопожелания отличались разнообразием: желали разъоумноженья, здоровья, счастья, всего доброго и справедливого, подчеркивалась божественная помощь как адресату, так и адресанту: *в которомъ здорови вашу м(и)л(о)сть, моихъ пановъ рач(те) пане Боже здорово а щастливо ховать подле воли и прозбыи вашей м(и)л(о)сти ку пану Богу* (ВРА, I, с. 30).

К благопожеланиям примыкает СБ, в котором авторы письма сообщают о себе: *а сами есми з ласки м(и)л(о)стивог(о) Б(о)га добръ здорови до Б(о)жее воли* (Доўн., с. 76).

Содержательная часть витебских писем

Несмотря на то что содержательная часть проанализированных писем отличается разнообразием, ее важнейшей частью являются СБ, в которых представлено «изложение каузирующих письмо интенций» [139, с. 31]. Это СБ со значением

– информирования: *при томъ, мои ласкавыи панове, ѡбачили есмо речъ прешкодливу месту Витебскому его к(о)ролевское м(и)л(о)сти, иж вага старѣа витебскѣа, которѣа wt давныхъ часовъ направена естъ, зменшела, и в томъ купцомъ витебскимъ великаѣа шкода сѣ дееть* (ВРА, I, с. 30);

– просьбы: *ино мы просим ваше м(и)л(о)сти и чолѣм бѣем, штобы ваша м(и)л(о)сть на нашоу прозбѣи чоломбитие то вчинили: тым нашим мѣщаном Харку а Ермолѣ спроведливостъ вделали, товар бы, ваша м(и)л(о)сть, им втдали* (Доўн., с. 75).

Просьба переплетается с информированием, характеризуется оттенками агитации и увещевания.

В содержательной части витебских писем таже отмечены СБ со значением

– констатации получения письма адресата: *такеж што ваша м(и)л(о)сть писали до насъ, иж мѣщанин г(о)с(по)д(а)ра нашего Короля и Великого кн(я)зя его м(и)л(о)сти витебский, мимо заповедь в землю*

неприятелскѹю панцири продавал и ваша м(и)л(о)сть его поймавши до насъ прислали (ВРА, I, с. 28);

– благодарности и обещания ответить сходным образом: *ино мы вашей млсти за то велико дакѹем и хотим тую приѣзнь вашей млсти тежѹтдавати, в чом са колвек вашей м(и)л(о)сти к нам зда* (ВРА, I, с. 28).

Концовки витебских писем

Концовка витебских посланий состоит из СБ со значением:

– прощания: *а затым иже даючи вамъ ѿ п(а)на Б(о)га в долгий векъ доброго здоровѣя, и на всемъ фартунливог(о) помножена службы свои приятельские вашей м(и)л(о)сти поручаемъ* (ВРА, I, с. 43);

– места и даты написания грамоты: *п(и)сан ѿ Витебскѹ м(е)с(е)ца август(а) 18 дна* (ВРА, I, с. 37);

– юридического закрепления документа печатью: *...и на то есмо ему дали сей лист безмытный под нашою местькою печатью* (ВРА, I, с. 39);

– подписи: *приятел в(ашее) м(илости) воит Витебский Стефан Тимофеевич Лускина и мещане витебские* (ВРА, I, с. 34).

В витебских документах наблюдается использование подробных характеристик адресанта и адресата послания, распространение этикетных выражений, вербализующих пожелания, почтение, уважение, а концовки витебских посланий имеют вариативный состав СБ.

2.2 Формулы в деловых текстах

Устойчивые единицы являются одним из важнейших признаков текстов XIV–XVII вв., в том числе и деловых. Историками языка обсуждаются принципы разграничения таких единиц и свободных сочетаний, их классификация, характеристика выявленных вариантов, способы их лексикографического описания (см. работы Т. Г. Трофимович [360], М. В. Пименовой [288], А. А. Деруновой [106], М. В. Артамоновой [7], К. М. Богровой [32], Е. В. Генераловой и Е. И. Зиновьевой [80]).

Такого рода единицы в деловой письменности анализировались в работах С. Г. Шулежковой [388], М. М. Пещак [287], С. С. Волкова [60; 61], В. Я. Дерягина [107; 109], А. П. Майорова [224], Е. И. Зиновьевой [129; 130; 131], Т. Г. Трофимович [360], Н. В. Полешук [277; 279] и др.

По отношению к этим единицами применяются разные термины: *устойчивое сочетание* (С. Г. Шулежкова [388], Н. М. Хоменко [371]), *устойчивый словесный комплекс* (А. Г. Ломов [221], С. Г. Шулежкова [389]), *формула* ([Е. И. Зиновьева [131], В. В. Колесов [184, с. 139], В. Я. Дерягин [109, с. 5–6]), *клише, клишированные конструкции* (О. В. Зуева [138], И. Н. Щемелина [390, с. 122]), *стилистический штамп* [344, с. 28–33], *синкретема* (М. В. Пименова [288, с. 197]).

Термин *формула* понимается в широком или узком смысле. В широком смысле к *формуле* причисляют фразеологизмы, которые соотносятся со словосочетанием и предложением [320, с. 7], и синтаксические модели предложений, словосочетаний, которые часто повторяются, но не имеют признаков фразеологизации (В. Я. Дерягин [109, с. 5–6], Г. И. Багрянцева [10, с. 14], Ю. Г. Захарова [127, с. 6]). М. М. Пещак указывает, что «формулы как существенный признак структуры текста отличаются строго фиксированным началом и расплывчатыми основной частью и концом» [286, с. 9]. При широком понимании термина *формула* применяются дополнительные пояснения: формулы в собственном смысле слова и формулы-отрезки, формулы-зачины, формулы-концовки и формулы-медии (Г. И. Багрянцева [10, с. 14–16], формулы-предложения, формулы-приложения, формулы адресата и адресанта [60, с. 178]. О. В. Баракова называет формулой «часть субтекста» [12, с. 178] и описывает формулы, непосредственно эксплицирующие концепт-доминанту, и формулы, эксплицирующие концепт-доминанту опосредованно [12, с. 179]. Ю. В. Кириллов формулой называет «устойчивые, повторяющиеся и воспроизводимые в документах одного типа языковые средства, служащие для передачи какой-либо информации и являющиеся формо- и стилеобразующими для данной разновидности документов» [167, с. 7]. В работах Е. Н. Поляковой [293], Л. Я. Костючук [194; 195], О. В. Бараковой [12] происходит детализация термина *формула*, вводятся дополнительные понятия *трафарета* (Е. Н. Полякова [293, с. 14]) и *штампа* (Л. Я. Костючук [194, с. 73; 195, с. 15]).

Е. В. Генералова и Е. И. Зиновьева [80] обращают внимание на важность широкого понимания устойчивых единиц в истории языка, так как такие единицы находятся на разных стадиях формирования в них фразеологического значения.

Существуют различные классификации устойчивых единиц эпохи Средневековья: в классификации М. В. Пименовой выявлены *синкретемы парадигматического типа* (парные именованья, двандва (устойчивые сочинительные бинарные сочетания, компоненты которых выражены антропонимами), триады), *синкретемы синтагматического типа* (словосочетания с постоянными эпитетами, с устойчивыми книжными атрибутами, описательные глагольно-именные обороты, предикативные конструкции, устойчивые сравнения), *синкретемы эпидигматического типа* (этимологические фигуры) [289, с. 31–42].

Е. В. Генералова и Е. И. Зиновьева, подчеркивая невозможность жесткой классификации устойчивых сочетаний в диахронии, диффузность фразеологической картины [80, с. 43–44], обозначают такие ряды, как *идиомы* (фразеологизмы в узком смысле, значение которых не определяется суммой значений входящих компонентов), *стереотипные формулы* (словосочетание, номинирующее общепринятую

норму, обычай, правила поведения, житейскую ситуацию, этикетное действие и заменяющее собой развернутое информативное описание), *тавтологические сочетания* (состоят из однокоренных слов или форм одного и того же слова), *плеонастические устойчивые сочетания* (один из компонентов является семантически избыточным, поскольку дублирует смысл (часть смысла) второго), *расчлененно-описательные устойчивые сочетания*, в том числе с широкозначными лексемами (расширенное описание предмета, явления, часто эквивалентное однословному синониму), *терминосочетания* (устойчивые номинативные сочетания, являющиеся обозначениями (часто терминологическими) какого-либо объекта или действия, возникающие прежде всего для точного обозначения каких-либо понятий), последние можно определить как коллокации, *предложно-надежные сочетания* (воспроизводимые двухкомпонентные предложно-падежные сочетания, имеющие целостное значение, выполняющие определенную синтаксическую функцию, характеризующиеся устойчивостью семантики, грамматической структуры и лексического состава) [80, с. 43–82]. Исследователями также предложены варианты функционально-грамматической и структурной классификаций, классификации с точки зрения устойчивости [80, с. 82–88], тематической и стилистической классификации [80, с. 92–107]. Последняя классификация кажется нам наиболее актуальной для историко-стилистических исследований.

Классификации устойчивых единиц в деловой письменности также связывают с той частью текста, где они употребляются, в связи с чем Н. В. Полещук были обозначены формулы зачина, формулы основной части и формулы концовки [277].

Оценка устойчивости отдельных единиц в деловых памятниках представляет собой один из сложнейших вопросов исторической стилистики. Типы таких единиц, основания для их классификации, характеристика по-разному обозначаются в лингвистических исследованиях. Количественное и качественное распределение формул, тенденции их корреляции с частями документа, способы интеграции в пределах предложения конституируют лингвостилистические характеристики текстов. Формулы являются важнейшим стилеобразующим средством деловой письменности, поскольку широко в ней распространены, встречаются в смысловых блоках зачина, содержательной части и концовки, вербализуют важные для делового текста понятия.

Под формулой в деловой письменности будем понимать лексико-синтаксическую единицу, постоянно повторяющуюся в определенной текстовой позиции, по структуре соотносящуюся с простым предложением, придаточной частью сложного предложения, сочетанием подлежащего и сказуемого, однородных членов, служебной и знаменательных единиц,

словосочетанием, характеризующуюся вариативностью лексического наполнения. Слова могут реализовывать в формулах прямые или переносные значения (метафорическое или метонимическое употребление).

Из всех предложенных в исследованиях классификаций для анализа используемых в витебской деловой письменности формул остановимся на структурной и стилистической классификациях.

Структурная классификация формул. В витебских текстах выявлены такие **структурные** группы, как:

а) сочетания подлежащего и сказуемого: *кзвалт стал, они были сведоми, путь чист, правда есть, право было, справедливость учинилася* и др.;

б) словосочетания

глагольные

гл. + В. п. без предлога: *дати исправу, дати поруку, дати покой, дати увезанье, делати кривды, держати место, зламати суд, знайти правого, мети довод, мети право, отложити новины, отложити право, подняти шапки, положити рок, положити запис / лист, подняти шапки, поставити шапку, приставити шапки, уводити новины, целовати крест, чинити втиски, чинити конец, чинити кривды, чинити отказ, чинити справедливость, чинити шкоды* и др., большинство из этих сочетаний представляют собой сказуемое, в котором основное лексическое значение выражено существительным, такие сочетания являются одним из средств выражения категории абстрагизации, поэтому будут проанализированы ниже;

гл. + В. п. с предлогом: *впасти в заруку, в то ся не вступати, выпустити на волю, дати за поруку, зазвонити на огонь / з огнем, ни во что обернути, поручати в опеку* и др. ;

не + гл. + Р. п. без предлога: *не запускати старины, не няти веры, не пришивати заруки, не рухати / рушыти старины, не таити рек и озер, ни пяди не поступить* и др. ;

гл. + Р. п. с предлогом: *боронити от кривд, выломатися з права, выпустити з заруки, держати водле близкості, записати для памяти, слатися до книг, слатися до людей добрых, сходити с права, сходити с того свету* и др.;

гл. + Д. п. с предлогом: *взяти к рукам, давати по ихъ воли, казнити по ихъ праву, мети к рукамъ, поставити к праву, привернути къ двору, прийти к недостатку и убоству, судити по целованью* и др.;

гл. + Тв. п.: *бити чолом, взяти вижом, искати правом, служывать службою, служывать конем и доспехом* и др.;

гл. + П. п.: *быти при том, искати в неволи, сидети на вдовьем стольцы, стояти в праве;*

гл. + наречие: *въехати безправне, дати вечно и непорушно, ехати кзвалтом, збить невинне, пограбити безправне, учинити по-давньому, чиним знаменито* и др.;

именные

сущ. + прилаг.: вина (*вина смертная, господарская*), гроши (*гроши литовские, узкие, широкие*), земля (*земля местская, пустовская, тяглая, чистая*), именье (*именье купленное, отчизное*), кгрунт (*кгрунт власный, кгрунт паиный и непаиный, кгрунт пенный* и др.), лист (*лист вызнанный, купчий, продажный* и т. д.), люди (*люди вольные, господарские, добрые, похожие, стародавние, тяглые* и т. д.), речи (*речи домовые, нерухомые, рухомые*), рок (*рок завитый, земский, остаточный*), рочки (*рочки кгородские, маевые, марцовые*), служба (*служба панцерная, тяглая*), суд (*суд земский, кгородский, трибунальский*), а также сочетания *воля добрая, гон бобровый, зарука трибунальская, куница свадебная, лета дорослые, лета зуполные, маетность набытая, нароженье божее, обычай стародавний, печати притесненные, поклон великий, порадок статutowый, постель смертная, право писаное, право посполитое, раны синие, спрат домовый, статок домовый, урад замковый, часы давние* и др.;

сущ. + мест. *ваша милость, его милость, его мость*;

сущ. + предлог + сущ. *слово отъ слова, слово в слово, с початьку до конца*;

предлог + прилаг. + предлог + прилаг. *от мала до велика*;

(предлог) + мест. + предлог + мест. *совсимъ на все, собе до себе*;

наречные

нареч. + нареч. *обель вечно и непорушно*;

в) сочетания служебной и знаменательной единицы: *а се я, без зачепки, водле давности, водлуг поведанья, водлуг сведецтва, водлуг суда, до живота, на вечность, на твердость, по смерти, подле сознанья, после живота, при животе* и др.;

г) сочетания знаменательных однородных единиц: *поклон, и приязнь, и здоровьи, и щастьи; просячы и чолом бьючи* и др.;

д) придаточные части *что маю кому отдати и на ком што взяти; со всим на все, яко се само в себе маеть; хто тому добре сведоми* и др.

е) отдельные простые и сложные предложения: *Смотрели есмо того дела. Стояли перед нами очевисто.*

Стилистическая классификация формул обусловлена 1) употреблением формул в текстах определенного жанра, их тематической направленностью; 2) их функциональной направленностью.

1. Анализ формул витебской письменности, связанный с их употреблением в текстах определенного жанра и тематической направленностью, позволил выявить такие группы формул, как

а) формулы деловой письменности

— общеделовые формулы, свойственные разным жанрам исследованных текстов: *бити чолом, в листу стоить, ваша милость, ваша мость, гроши широкие, гроши узкие, давние часы, до живота, добрая*

воля, его милость, его мость, за живота, земля отчизная, именье отчизное, люди добрые, от мала до велика, по животе, право писаное, право прирожденное, приложити печати, рука власная, со всим на все, чыним знаменито и др.;

– формулы законодательных текстов (привилеев): *давати по их воли, дати исправу, заплатити гибель, казнити по своему праву, казнити по вине, не вступатися в церкви Божьи, не вступатися в отмерицыны, не няти веры, отложити новины, путь чист, примати челобитье, рухати старины, служити конем, служити службою, увести новины, целовати крест и др.;*

– формулы судебных текстов: *ани знаю, ани ведаю, было право, вернути на поруку, взяти пересуд, давати жалобы, дати право, заплатити бесчестья, збити безвинные, найти в том правого, карати горлом, мети право, отложити рок, поднати шапки, положити грани, поправити душою, посадити в казнь, поставити истца, правда есть, прийти у згоду, рочки судовые, стояти в праве, стояти перед нами очевисто, тратити горло, учинити еднанье и др.;*

– формулы частноправовой письменности: *боронити от кривд, дати задаток, до живота, што маю кому отдати и на ком што взяти, на том не поискивати, лета зуполные, не мети се уступовати, не мети поискивати, память добрая, по животе, поручати в опеку, разум зуполный, речи рухомые и нерухомые, спрат домовый, учинити ласку и др.;*

– формулы официальных писем: *бачене ласкавае, век долгий, навежати доброго здоровья, панове ласкавые, приязнь добрая, приятели звыклые, пожиток добрыи, поклон и верная приязнь, речи пристойные а справедливые и др.;*

б) книжно-церковные формулы: *во имя отца и сына и святого духа, в день страшного суда, милостью божьей, раб божий;*

в) разговорные формулы: *дошел слух, дети неведомо где, верити на слово.*

2. По функциональной направленности можно обозначить терминологические и этикетные формулы:

а) терминологические формулы вместе с отдельными лексемами, относящимися к юридической или финансовой сфере, репрезентируют как категорию стандартизованности, так и категорию точности, в связи с чем они будут анализироваться позже. К таким формулам можно отнести формулы со словами *гроши, лист, люди, право, суд* и др.;

б) этикетные формулы вместе с этикетными одиночными лексемами представляют собой отдельную группу стилеобразующих единиц, являющихся средством репрезентации текстовой категории стандартизованности.

Формулы отличает наличие вариантов, которое проявляется в

а) расширении лексического состава формулы за счет включения дополнительных единиц: за што **ѿ** и повторе **в(а)шѿ м(и)л(о)сть**, моих ласкавых **п(а)новъ**, **покорне проишѿ и низко чоломъ бью** (ВРА, с. 37);

б) синонимической замене одних компонентов на другие: **бити чолом** – **вдарити чолом**: а который **ч[е]л[о]вѣкъ** до збора, або в зборе, **чоломъ не вдарить**, тотъ маеть **ч[е]л[о]вѣкъ** за тымъ **г[оспо]д[а]ремъ** своимъ до того жъ году быть (БА, II, с. 48); люди добрые – люди зацные: их **м(и)л(о)сть** тые **люди зацные** в семъ моемъ тестаменте **вышѣмененные** на **ѿстною** и **вчевистою** прозбѿмою **ѿчинили** (ТБ, с. 215); **кривду чинити** – **кривду делати**: **wn** нам **кривду чинит** (КВЗС, с. 265), а в томъ намъ **кривду делаете** (КВЗС, с. 326);

в) использовании разного порядка следования компонентов: **дати исправу** – **исправу дати**, **ставити шапку** – **шапку ставити**, **добрые люди** – **люди добрые**, **кривду чинити** – **чинити кривду**, **лист продажный** – **продажный лист**: на сем **листе** нашемъ **продажѣномъ**, нашиъ **сполечѣный продажѣный листъ** (ИЮМ, 31, с. 30);

г) варьировании словообразовательных средств: **приставити шапку**, **поставити шапку**: и до всея волости и **шапку приставили** (БА, II, с. 69),

д) варьировании морфологических форм или видовых форм глаголов: **найти правых** – **найти правых**, **класть грани** – **положити грани**, **бить чолом** – **чолом бѣючы**, **ставити шапку** – **поставити шапку**;

В витебских текстах мы встречаемся с формулами, которые имеют разное происхождение:

а се а (Паздн., с. 119) – формула, отмеченная нами в единственной грамоте XV века, связана с церковнославянской формулой **се азъ**, которая согласно исследованию А. Золтана в XIV–XV вв. характеризует жалованные и духовные грамоты, реже другие виды грамот из разных регионов восточной Руси, позднее элемент **азъ** вытесняется **язъ** и **я** [136, с. 9];

ни знаю, ани / ни ведаю – формула, которую издатели КВЗС считают стилистическим штампом, характерным для витебских текстов [344, с. 24] имеет аналог в старорусских текстах [80, с. 158]. В панхроническом корпусе русского языка конструкция **знати и ведати** отмечается в «Русской правде»: **оже слышавъ кто или зная и вѣдая**, в «Житии Василия Нового», датированном концом XI в.: **азъ тебе не знаю и не вѣдѣ кто ты и ѿкоудѣ ты еси** (НКРЯ);

што маю кому отдати и на ком што взяти – формула, отмеченная в одном витебском тестаменте второй половины XVI в., известна с XIV в. по духовным старорусским грамотам, где сначала фиксируется вариант **где ми што взяти и кому што дати**, а с XV в. у кого **ми што взяти и кому ми што дати**;

поклонъ от... – формула, зафиксированная в письмах, была известна самым древним деловым документам: ее можно увидеть в грамоте от имени рижан в Витебск, в отдельных новгородских, смоленских и полоцких грамотах. Причину распространения формулы А. Золтан объясняет активными контактами северо-западнорусских земель с прибалтийскими немцами [136, с. 23];

формула *чиним знаменито сим нашим листом* является аналогом сходной формулы из латинской канцелярии [136, с. 15].

2.3 Этикетные единицы

Этикетные единицы деловых документов эпохи Средневековья рассматриваются как одна из групп устойчивых единиц в работах С. С. Волкова [60], Е. И. Зиновьевой [131, с. 15] и как особая группа в исследованиях Н. А. Новоселовой [252]. К этикетным единицам исследователями относятся очень разные группы: а) обращения, приложения, которые используются при упоминании лиц, этикетные определения, существительные с суффиксами субъективной оценки [59, с. 112–157]; б) определения, построенные по образцу *вышейписаный, означенный*, указательные местоимения *сей, оный, тотъ*, разнообразные эпитеты [252, с. 119]; в) «формулы, якія адлюстроўваюць уяўленні складальнікаў і перапісчыкаў дакументаў пра стварэнне дакументага тэксту пэўнага жанру; формулы, якія ілюструюць нормы маўленняга этыкету – зводу нормаў і правіл, на аснове якіх грунтуецца вусныя ці пісьмовыя зносіны» [281, с. 151], к последним относятся формулы приветствия; формулы с компонентом *милость / мость*; формулы при упоминании умерших лиц высокого социального статуса *блаженной* (светобливой, святой, славной, солодкой, щастной) *памети*; отдельные лексемы (брат, пан, пани, прятель); этикетные определения (богобойный, велебный, добрый, ласкавый, милый, милостивый, мудрый, намилостивший, наяснейший, цнотливый); этикетные приложения; этикетные обращения; г) единицы, «которые регулировались социальной иерархией, статусом общающихся, национальной культурой, принятыми ритуалами» (зафиксированные в разговорниках и отражающие разговорную речь (пожелания благополучного пути, пожелания соблюсти кого-либо от опасности), формулы частной переписки (желание знать о здоровье адресата, сообщения о том, что пишущий находится в живых, формулы выражения почтения адресату, пожелания здоровья и благополучия адресату) [131, с. 15–16]. Основываясь на исследовании Е. И. Зиновьевой, рассмотрим этикетные единицы, которые

а) обусловлены национальной культурой, принятыми ритуалами:

– средства выражения почтения адресату и адресанту: *наше ж приѣтельство с разъоумноженьемъ м(и)л(о)сти вашеи* (ВРА, I, с. 26), *которые писане наше в(ашее) м(илости) рачили ѿчитиве принаѣти* (ВРА, I, с. 33),

– пожелания здоровья и благополучия и сообщения о них: *в здорovou в(аших) м(лостей) рад бых слашал кожного часу* (Дзярн., с. 201), *тымъ писаньемъ моимъ доброго здоровья в(ашей) м(илости) навежамъ... всего добраго а справедливаго Ѹслугавать хочу* вашей м(и)л(о)сти такъ много, *такъ себе самъ* (ВРА, I, с. 30); *в которомъ п(а)на Б(о)же рач(те) в(а)шу м(и)л(о)сть щасливе и фортѸнливе ховати* подле прозбый *в(а)шее м(и)л(о)сти кѸп(а)ну Б(о)гу* (ВРА, I, с. 36), *...даючи вамъ вѣт п(а)на Б(о)га в долгий векъ доброго здоровья* (ВРА, I, с. 43);

– выражение благодарности: *ино мы вашей млсти за то велико дѣкѸем* (ВРА, I, с. 28);

– выражение поздравления: *тымъ писанемъ нашимъ в(ашу) м(илость) поздравляемъ* (ВРА, I, с. 33), *вашимъ м(и)л(о)стѣмъ поздравене вѣт насъ с навеженьемъ всего доброго и Ѹчтивостѣхъ* ваших м(и)л(о)сти *ради кожного Есус слышимъ* (ВРА, I, с. 41–42);

– обещание взаимного хорошего отношения: *которую тую приѣзнь в(ашее) м(илости) будемъ Ѹметь заслужоват в(ашее) м(илости) такими ж речми пристойными*, *подле справы наше суседское* (ВРА, I, с. 33–34);

– выражение просьбы о помощи или надежды на помощь: *а с тымъ ваше м(и)л(о)сти приѣтели моихъ ласце сѣ порѸчам* (ВРА, I, с. 28), *... давамъ у ласкова бачене* (ВРА, I, с. 31), *за то просѣчи и чоломъ бѣючи* (ВРА, I, с. 31), *...покорне прошѸ, а низко ч(о)л(о)мъ бѣю...* (ВРА, I, с. 37);

б) определяются социальной иерархией и статусом общающихся

– этикетные единицы, которые используются при упоминании Бога, Божественной Силы, святых, Библии, других религиозных понятий: *Пан Бог, Пан Бог Всемогуций (Небеский), Усемогуций Господ Бог, Пан Бог Всемогуций во Троицы Единый, Светый Бог мой Вседержитель, Его Светая милость, Небесный Царь, Светой Бог Отец и Сын и Светой Дух, Сын Божый и Збавитель наш Езус Хрыстос, Светая Живоначалная Нерозделимая Троица, Сын Божий, ласка Божья, до фалы Своее Светое, писмо Святое*, среди которых доминирующими являются прилагательные *святой, всемогуций, божий, единый, нерозделимый, существительное пан*, сочетания *его святая милость, небесный царь*;

– этикетные единицы, которые используются при упоминании великого князя, короля, королевы, представителей панов рады: *княгиня великая, князь великий, король его милость, его милость, наосвещеный король, великий король, твоя милость, господин, господар, наш король и великий князь его милость, господар наш, пан мой милостивый, их мило-*

сти Паномъ Раде, в которых определяющими являются сочетание *его милость*, прилагательные *наосвещенейший*, *милостивый*, существительные *пан*, *господарь*, *господин*: *г[оспод]у г[оспо]д[а]ру великому королю слуга твой Василей Микуличъ твоее милости, г[оспо]д[а]ру своему, низко чоломъ бьетъ* (БА, II, с. 40);

– этикетные единицы, которые используются при условии обращения к равному по социальному статусу адресату, родственникам: *его милость*, *ваша милость*, *ваша мость*, *их милость*, *милии панове*, *врожденные панове*, *мои ласкавыи панове*, *зычливе ласковые панове*, *паны вашей милости*, *вельможныи и опатрьныи паны*, *добрый пан*, *паны и приятели мои милыи*, *пан вельможный*, *славутный пан*, *приятели мои милыи*, *приятели мои ласкавыи*, *правдивый приятель*, *добрые приятели наши*, *добре посведоми*, *господин и зять мой*, *господин и брат мой милый*, *свои великии добродей*, *приятелька*, *учтивый зять*, среди них распространены сочетания *его милость*, *ваша милость*, прилагательные *ласкавый*, *милый*, *добрый*, *вельможный*, *славутный*, *правдивый*, *учтивый*, существительные *брат*, *добродей*, *пан*, *паны*, *панове*, *приятель*, *приятелка*;

– этикетные единицы, которые используются при упоминании умерших: *привилеи короля его млсти славное памяти Жыкгимонта Августа* (ППБ, с. 90), *небожчикъ пан Стефан Роскии* (ТБ, с. 188);

– этикетные единицы, имеющие уничижительное значение и часто используемые в завещаниях при характеристике составителя документа: *душа грешная*, *раб божий*, *раб грешный*, *тело грешное*, *человек грешный*;

в) обозначим также группу этикетных определений, связанных с упоминанием разных объектов (собственности, городов и др.): *дар вечистый*, *маетность убогая*, *свет недзный*, *мизерный*, *речь вечная*, *славное место Ризское*, *прыстойность учтивая*, *выхованье учтливое*.

Используемые в витебских текстах средства репрезентации категории стандартизованности позволяют сделать следующие выводы:

1) во всех исследованных привилеях, судебных частноправовых актах и официальных письмах четко прослеживается трехчастная структурно-смысловая организация текстов, что соотносится со структурно-смысловой организацией современных деловых текстов;

2) состав смысловых блоков и порядок их следования характеризуются относительным постоянством в зачинах и концовках текстов, тогда как в содержательной части порядок следования смысловых блоков и их состав не являются постоянными: блоки могут располагаться в разной последовательности, отдельные блоки, фрагменты и разделы являются факультативными;

3) формулы, используемые в витебской деловой письменности, относятся к разным структурным, тематическим и стилистическим

группам, отличаются широким варьированием лексических, словообразовательных, морфологических средств, варьированием порядка следования компонентов. Среди этих формул можно найти как аналоги старорусских устойчивых единиц, так и аналоги латинских формул;

4) среди стилистических групп формул особую значимость имеют терминологические и этикетные формулы. Терминологические формулы являются как средством репрезентации категории стандартизованности, так и средством репрезентации категории точности;

5) в ряду этикетных средств витебской деловой письменности доминируют те, которые обусловлены социальным статусом общающихся. Для характеристики адресатов текстов и других упоминаемых в них лиц используются этикетные прилагательные, которые отличаются позитивными коннотациями (*вельможный, добрый, милый, учтивый, славутный, правдивый* и т. д.), для характеристики адресанта – лексема *грешный*, имеющая значение уничижения.

ГЛАВА III

КАТЕГОРИЯ ТОЧНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Точность является важнейшей в любом деловом тексте, так как определяет отсутствие возможности инотолкований, разночтений, которые могут сказаться на судьбе многих людей. При описании категории точности ее средствами называют термины, повторы, ограниченное использование синонимов, сложные предложения с придаточными условными, предложения с однородными членами и др. [342, с. 275]. Точность как стилевая черта и текстовая категория в различных жанрах современных деловых текстов рассматривалась в работах Н. В. Востриковой [65, с. 11], средствами ее репрезентации названы термины, повторы, сложноподчиненные предложения. Несмотря на активность использования понятия точности по отношению к деловым текстам, до сих пор нам не встретились работы, посвященные разработке теории этой категории.

С нашей точки зрения, точность в деловом тексте формируется как за счет обозначения реалий окружающей действительности (внешняя / фактическая точность), так и за счет специального использования языковых средств, с помощью которых избегают возможности неправильно понять изложенную ранее информацию, забыть ее (внутренняя / текстовая точность).

Внешняя точность обусловлена развернутыми именованями участников деловой коммуникации, перечислением количественных, временных и пространственных характеристик, употреблением терминов. Внутренняя точность связана с повторением информации в деловом тексте, использованием разнообразных синтаксических структур, которые детализируют сообщение (предложения с однородными членами, уточняющие и поясняющие конструкции, сложноподчиненные предложения).

3.1. Средства репрезентации внешней точности

3.1.1 Именования субъектов деловой коммуникации

Для именования субъектов деловых отношений используются лексико-грамматические единицы, включающие в себя однословные или многословные антропонимы и их дополнительные характеристики (указания социального статуса, степени родства, места проживания, этикетные выражения).

Состав субъектов, обозначенных в текстах, имеет четкую жанровую дифференциацию. В привилеях – это правитель, от имени которого выдается документ, отдельные сословия, должностные лица, жители города или определенной территории. В судебных документах – это лицо, осуществ-

ляющее суд (великий князь / король, представители местной власти), истцы, ответчики, свидетели происшедшего, лица, упоминаемые в ходе судебного разбирательства. В духовных грамотах – завещатель, члены его семьи, опекуны и поручители, лица, присутствующие при составлении документа. В официальных письмах – это коллективные или индивидуальные представители власти Витебска, Риги, Полоцка, представители отдельных сословий или горожане, обращение которых к официальным властям стало поводом для написания письма.

Обязательно в состав субъектов рассмотренных текстов входит Божественная сила, Бог, Божья мать, святые. Жанром документа определяется, в каком контексте встретится упоминание о них и насколько частым будет такое упоминание. Упоминание Бога в деловых текстах может быть прямым (непосредственное обращение к Богу) или косвенным (этикетные сочетания, даты и т. п. единицы, в которых употребляется прилагательное *божий*).

В привилеях упоминание Бога встречается в сочетании *божьей милостью*, с помощью которого подчеркивается божественная природа власти.

В витебских судебных документах упоминание божественной силы только косвенное:

– в сочетании *божее нароженье, божее тело* при упоминании какого-либо срока или даты: *и прыдатокъ п[е]н[я]зеи втдати на божее нароженье* (БА, II, с. 6); *собравъшы ся з многими людми перед Гѣкѣтавою Божего Тела, в ольторокъ* (КВЗС, с. 228), *у пятънищу, назавѣтреи Божего лета* (КВЗС, с. 212), в последнем случае показательно ошибочное употребление слова *лета* вместо нужного *тела* (КВЗС, с. 212), что, с нашей точки зрения, обусловлено частым использованием с лексемой *божий* временного сочетания *под леты божего нароженья* (сходный случай там же на 222);

– при указании сроков и дат упоминание Божьей Матери: *на рокъ w Матѣце Божой последней...* (БА, II, с. 30), *положилъ рокъ праву по Матѣце Божьей перъвой третего дня инѣдикта четвртого* (БА, II, с. 35);

– при указании соборов, церквей: *на три соборы записаль: на Пречыстую святую Богоматер на сорокоустъ и на впись – чоторы копы грошеи, а Святому Духу – чоторы копы грошеи, а Святой Пятъницы – чоторы копы грошеи по своихъ душах* (КВЗС, с. 140), *на церковь Божю Светое Зофеи* (КВЗС, с. 132), различных церковных служб: *аще кто божественымъ таинам или иным светым службамъ свершаемомъ* (КВЗС, с. 158);

– в различных формулах: *з божого доущенья, Боже уховай, Божья воля, фалы Божее: матъка наша тепер з Божего доущенья немоцна... А если бы, чого Боже уховай, матъка наша змерла... (КВЗС, с. 79), а естѣли бы над нимъ воля Божя стала... А естѣли ся надо мною воля Божя станеть* (КВЗС, с. 129), *дайте намъ фалы Божее дослужити* (КВЗС, с. 137).

В тестаментях упоминание Бога представлено наиболее широко:

– это уже упомянутые формулы в зачине текстов: *во име Ѡтъца и Сына и Светого Дѣха Светое Живоначалное Нерозѣдимое Троицы* (ТБ, с. 183); *во имя Бога в Троицы Единого* (ТБ, с. 187); *во имя Светого Бога Ѡтъца и Сына и Светого Дѣха. Аминь* (ТБ, с. 197);

– конструкции со значением угрозы страшного суда за невыполнение распоряжений завещателей: *а хто сее встаточное слово мое смертное ѡзрѣшитъ, тотъ со мною розсѣдится на Страшномъ сѣде передъ Небеснымъ Царемъ вовеки* (ТБ, № 37, с. 201);

– этикетное сочетание *рабъ божии* при именовании завещателя *рабъ Божьи и Христа Его* (ТБ, с. 197);

– указание на обстоятельства составления завещания *бѣдѣны вѣбдароныи втъ Пана Бога хоробою своею* (ТБ, с. 183); *бѣдѣны есми на сес часъ з ласки Божее ѡспособномъ здоровью* (ТБ, с. 197). В первом примере интерес представляет лексема *вѣбдароныи*, употребляемая в значении ‘абдарыць, надзяліць падарункам’ (ГСБМ, 21, с. 114), которая сочетается с лексемой *хороба*. Таким образом подчеркивается абсолютное принятие любого события в жизни человека, восприятие его как божественного подарка, будь это болезнь или здоровье. В то же время в тестаментях болезнь объясняется как наказание от Бога: *будучы на сесъ час от П(а)на Б(о)га хоробою вбложною навежоныи* (ТБ, с. 205), что подчеркивается лексемой *навежоныи* в значении ‘пакараць, выпрабаваць, наслаць на каго-небудзь што-небудзь’ (ГСБМ, 18, с. 312);

– при поручении души Богу: *напрод по смерти свои порѣчаю дѣиѡ свою ѡсмогоѣцомъ Господъ Богу* (ТБ, с. 197); *то ест, напервеи поручаю Г(о)с(по)ду Богу моему многом(и)л(о)стивому дѣиѡ мою многогрешную, а тело мое земли* (ТБ, с. 217);

– при описании условий распоряжения собственностью: *а ижъ тежъ з воли и пре[зрен]ѣ [с]воего Светыи Богъ мои Вседержитель поволатъ и ѡзѣмѣт [р]ачыль сего света сынов моихъ рожоных Васильѣ, Стефа[на] а Ридивона перьвеи, нижъли мене до фалы Своее Светое* (ТБ, с. 197); *а кды жону мою Марю Господ Бог до фалы Своее Светое зъ сего света взмѣтъ* (ТБ, с. 213); *кды мене Пан Бог до фалы Своее Светое зъ сег(о) света поволат рачит* (ТБ, с. 205). Семантика последнего отрезка в смысловом отношении совпадает со ст.-рус. *Бог по душу сошлет*, однако важным кажется посмотреть на значение формул: на месте ст.-рус. формулы *как богъ сошлетъ по душу*, сообщающей о чьей-либо смерти (СРЯ, 26, с. 193), в которой реализуется значение глагола *сослати* ‘ниспослать’ (СРЯ, 26, с. 193), в ст.-бел. текстах употребляется формула *поволати до фалы Своее Светое* в значении ‘забраць да сябе’ (ГСБМ, 25, с. 64). Поддерживается это значение в ст.-бел. текстах и глаголом *рачити* в значении ‘мець ласку, захацець, пажадаць’ (ГСБМ, 30, с. 36). В качестве синонимичных вместо или вместе

с глаголом *поволати* могут употребляться глаголы *взяти, принять*. Один и тот же момент смерти в ст.-рус. духовных описывается через ниспослание смерти, а в ст.-бел. как процесс присоединения к Богу.

Божественная любовь к человеку подчеркивается и в других конструкциях витебских тестаментов: *з ласки П(а)на Бога Всемогущого и с преизъренья Его Светое милости* (ТБ, с. 187); *а напервеи ПанѸБогѸВсемогѸщомѸ [Не]бескомѸ в моцѸ и вопекѸ Его Светои Милости дѸиѸ* (ТБ, с. 192); *в ласку и милосерде Его Светое дѸиѸ мою* (ТБ, с. 213); *Г(о)с(по)ду Богу моему многом(и)л(о)стивому* (ТБ, с. 217); *веречи, же ме ведле незмерного милосердѧ Своего Божского в день Судьныи черезъ Сына Своего милого Пана Езуса Крестуса, за нас на смерть выданог(о), з мертвыхъ взбудить и животомъ вечнымъ даровать рачи* (ТБ, с. 221); *помънечи теж и на слово Сына Божого и Збавителя н(а)шого ЕзѸса Хрыста* (ТБ, с. 205).

В витебских письмах упоминание Бога встречается в контексте высказанных адресату пожеланий: *в котормъ здорови вашу м(и)л(о)сть, моихъ пановъ рач(те) пане Боже здорово а щастливо ховать подле воли и прозбыи вашей м(и)л(о)сти ку пану Богу* (ВРА, I, с. 30).

В привилеях значимым является именование правителя, от имени которого выдается документ. Вопросам интитуляции верховного лица в ВКЛ посвящены многочисленные исторические и филологические исследования (см. работы С. М. Каштанова [161, с. 73; 162, с. 69], Б. А. Успенского [367; 368], Н. Б. Кардановой [152], Н. В. Соловьевой [331], О. Б. Страховой [343]). В рассмотренных нами текстах представлены как сжатые, так и распространенные варианты. Самый сжатый вариант обнаруживается в привилее Витовта XIV в.: *Мы, великий князь Витовтъ...* (ППБ, с. 56), в привилее 1481 г. интитуляция расширяется за счет употребления сочетания *Божьею милостью*, и ряда приложений: *король польский, великий князь литовский, руский и княжа пруское, жомойтский и иных* (ППБ, с. 59), позже возможно употребление как менее, так и более распространенной интитуляции: *Сам Александръ, Божю млстю корол* (ППБ, с. 67), *Жикгимонт Август, Божю млстю корол полскии, великии кнзь литовскии, рускии, прускии, жомойтскии, мазовецкии и иных* (ППБ, с. 79).

Важным приложением при упоминании правителя является лексема *господаръ*, которая имеет значение ‘правитель’ (ГСБМ, 7, с. 105). Употребление лексем *господар* / *государь* неоднократно обсуждалось историками и лингвистами. Б. А. Успенский указывает, что слово *господар* употреблялось в московских текстах в течение первой половины XVI в. и было заимствовано из титула великих князей литовских [367, с. 135–136]. А. Золтан подчеркивает, что сама лексема *господар* является калькой с лат. *dominus* [134, с. 15].

Именование правителя может встречаться в содержательной части привилея, где употребляется в сокращенном варианте: *у привильи дяди нашего АлекѸсанѸдра, короля его млсти, выписано* (ППБ, с. 91). В офици-

альных письмах упоминание имени правителя отличается наличием этикетных элементов *его милость, наисвенцейший*.

Судебные документы и письма были составлены от имени коллективного или индивидуального официального лица.

Именования коллективных официальных лиц редки и включают в себя именование высшего должностного лица Витебска и определенной группы жителей города: *воит Витебский Стефан Тимофеевич Лускина и мещане витебские* (ВРА, I, с. 34).

Коллективные официальные лица выступают в качестве адресатов витебских писем или тех, кто обращается с жалобами и просьбами к представителям городского управления. Коллективные официальные адресаты витебских писем – это представители органов управления Риги, их именования характеризуются наличием этикетных определений, указанием социального статуса и места: *Ҫитиве вроженным а добре впатреным п(а)ном синато(ро)м, ратманом, бурмистром, и радцамъ места Рызского* (ВРА, I, с. 33). В некоторых случаях на обороте письма содержатся личные имена адресатов: *ве(л)можнымъ, а мне ласкавымъ паномъ ратманомъ и справцомъ места Рызского пану Юри Подле, а пану Ганусъ Б҃҃[тт]е, а пану Ганусу Збаку ма(е) дан быти* (ВРА, I, с. 31).

При именовании тех, кто обращается с жалобой от имени официального коллективного лица, обобщенно указывается вся группа: *панове бо[таре] Вытебьские* (БА, II, с. 10), *попы Вытебьские приходили до нас[ъ]* (БА, II, с. 13), называется один из представителей и обобщенно указываются все остальные: *тивунъ Лужосеньский Анан[ъ]я со всею волостью Лужосенскою* (БА, II, с. 14) или перечисляются имена всех лиц после обобщенного упоминания: *трубачи г[оспо]д[а]рьские Вытебьские Иванъ а Нестер[ъ], Пашко а Куземъка* (БА, II, с. 20).

Именования индивидуальных официальных лиц содержат, как правило, трехсловный антропоним и приложения, указывающие на социальный статус адресанта: *ит Ивана Богдановича Сопъги, воеводы Витебского маршалка г(о)с(по)д(а)ря Корола и Великого кн(я)за его м(и)л(о)сти Жикгимонта* (ВРА, I, с. 28), *а, ѿ нъ Юрьевичъ Глебовича, воевода Витебьский, маръшалокъ г[оспо]д[а]ря короля его милости Жыкгимонта...* (БА, II, с. 5).

Именования индивидуальных частных лиц в исследованных витебских документах характеризуются следующими особенностями:

1) превалируют мужские имена, хотя женские имена упоминаются в качестве участниц судебного процесса, адресантов и адресатов завещаний. Диспропорциональное соотношение мужских и женских имен обусловлено социальными факторами: как правило, все жалобы были поданы от имени мужчин, они же выступали в качестве свидетелей. Женщины могли быть субъектами судебных разбирательств (*што жаловаль перед нами и позвы нашими позываль городничии и хоружьи витебьский Роман*

Гарасимовичъ... на сестру свою Чаплиную Ганьну... (КВЗС, с. 79)), однако чаще их имена встречаются либо при упоминании жены субъекта судебного процесса (*тогда жона твоее м(и)л(о)сти кнегини Анъна* (КВЗС, с. 65), либо при упоминании умерших родственников (*небоица Гѳртюшкова на имя Богдана, сестричъна ихъ* (КВЗС, с. 70)), либо при характеристике социального статуса мужчины (*иже наместникъ пани Федковое Будовестъское на имя Еско* (КВЗС, с. 75);

2) среди мужских и женских имен распространены однословные и двухсловные антропонимы, трехсловные антропонимы используются значительно реже: *врадника нашего вболецького, усвятъского и взерицьского Гришъка Васильевича Углика, а с нимъ боярына господарского ключника земъского витебъского, пана Ивана Яцъковича Зелепугу... Иванъ Шхимовичъ Заико* (КВЗС, с. 163, 166), при именовании завещателя употребляются этикетные сочетания, указания социального статуса и места проживания завещателя: *Я , рабъ Божьи Занько Гѳлехнович Хотимъский, земенинъ г(о)с(по)д(а)ръский поветъ Витебъского* (ТБ, с. 183). Среди однословных антропонимов встречаются как имена (*Богуш, Иван, Ян, Костя* и др.), так и прозвища, фамилии (*Красавец, Гѳтрошковици, Пилецкий*); однословные именованья женщин могли состоять из имени или указаний на мужчину, место проживания женщины: *Гѳлександровая, Багриновская*;

3) в двухсловных именованьях мужчин в судебных текстах может проявляться разница в социальном статусе: *мещане г(о)с(по)д(а)ръский витебъский: Харко Шека а Корнило Игнатовъ сынъ* (КВЗС, с. 123), когда форма имени на -ко используется при именовании крестьян или мещан; в двухсловные именованья женщин включены имена и указания на мужчину или место проживания: *небоица Гѳртюшкова на имя Богдана* (КВЗС, с. 70), *на сестру свою Чаплиную Ганьну* (КВЗС, с. 79), *на дочку ее Гѳлену Молоденовую* (КВЗС, с. 86);

4) трехсловные модели именованья женщин содержат имя, указание на мужчину и место проживания: *боярины г(о)с(по)д(а)ръская повету Витебъского Поддубеиская Ждановая Ганьна* (КВЗС, с. 128), *на боярокъ г(о)с(по)д(а)ръских повету Витебъского: на Михайловую Куреишовую Богдану* (КВЗС, с. 86);

5) единичны четырехсловные и пятисловные модели: *на подданую пана Бобоедову глазомицкую Анъну Семенову, жону Тупичыныхъ* (КВЗС, с. 129), *кнегини Василевои Семеновичъ Жилиньское – Ганьны Борисовны* (КВЗС, с. 80);

6) особенности именованья индивидуальных частных лиц определяются их значительной вариативностью. Если это родственники завещателя, антропонимы распространяются за счет указания степени родственных отношений *сын, дочь, дочка, жона, жонухна, малжонка, малжонок, муж, брат, братанец, братанок, братья, сестра, сестронец, дети, внучата*

(унучата), внук (унук), унука, матка, зять, невестка, деверь, свекор, употребления притяжательных местоимений *мой, свой, его, её, их*, указательного местоимения *тотъ*, прилагательных *большый, меньшый, роженой*, порядковых числительных *першый, другой*, указания возраста детей *до летъ ихъ зуполныхъ, летъ дорослыхъ*, местоимений *звышъпомененые, вышепомененый* и т. п.: *брата моего роженого пана Семена Хотимского* (ТБ, с. 254), *тата малжонка моя Марына Тюлпанка* (ТБ, с. 246), *сыномъ моим старшимъ, летъ дорослымъ, Я ну а Миколаю Андреевичом Сивицким* (ТБ, с. 206), *сыномъ моимъ вышепомененымъ Я ну, Миколаю, Александръ, Юрю и Григорю Андреевичомъ Сивицкимъ* (ТБ, с. 209).

Функционирование различных структурных типов рассмотренных антропонимов в текстах исследованных документов подчиняется общим тенденциям использования имен в деловых документах: 1) двухсловные и трехсловные модели антропонимов типичны для смысловых блоков в начале и в конце текста, где содержится информация об обращении в земский суд и о свидетелях; 2) имя обычно не употребляется изолированно, чаще всего оно используется вместе с различными определениями, содержащими указания на социальный статус человека, его родственные отношения, используется отдельная лексема *небожчик / небожчица* для именования умершего человека: *з небожчикомъ Жданомъ* (КВЗС, с. 67); 3) при повторяющихся в тексте именах может употребляться указательное местоимение *тот* в различных формах: *тотъ Юшко* (КВЗС, с. 72), которое используется для организации внутренних связей.

3.1.2 Количественные характеристики

Количественные характеристики выступают в качестве одной из ключевых составляющих категории точности в деловом тексте. В науке количество интерпретируется как одна из наиболее обширных и многогранных категорий человеческого мышления [204, с. 108]. Выражением значения количества служат не только математические, точные формы, но и нематематические, приблизительные, в определенной мере субъективные формы [76, с. 24], т. е. количество может быть выражено определенно, точно, с помощью чисел, и неопределенно, приблизительно, с помощью таких средств, которые показывают значение больше, меньше, приблизительно равно и т. п. [204, с. 109].

Средства выражения количества пронизывают все языковые уровни: от фонетического до синтаксического. Мы остановимся на типичных для деловой письменности средствах выражения точного и приблизительного количества.

Перечень средств выражения точных количественных характеристик не является окончательно устоявшимся. Обычно к ним относятся разнооб-

разные числительные, существительные и наречия с количественным значением (*двойка, вдвойне*), прилагательные с определенно-количественным значением (*трехчастный*) [317, с. 171].

Точные количественные характеристики в витебской деловой письменности связаны с указанием числа субъектов, объектов, денежных средств, печатей, времени. Основными средствами выражения точных количественных характеристик являются

– разнообразные числительные, употребление которых в деловой письменности рассматривается лингвистами в русле грамматического и культурологического подходов (Г. М. Ярмаркина [396, с. 173], Е. А. Галинская [75, с. 56], А. С. Улитова [364, с. 113]): *на которого-жъ ся **вбадва** зволили на то послати* (БА, II, с. 19); *«и^нъ выручылъ у мене **девятеро** животины зятя ж своего Ан^дрееви в полътине гроши, и мель ми тыи пенези заплатити або **девятеро** тое животины вернути и^тъ того часу за две недели»* (КВЗС, с. 62); *у того листу печати притисненыхъ **четыри*** (ИЮМ, 31, с. 22);

– сочетания числительных с лексемами, обозначающими определенное количество, среди которых *копа* ‘грашова адзінка, яка змяшчала 60 грошаў’ (ГСБМ, 15, с. 293) *до людей добрыхъ **в ста копъ грошей** на г[оспо]д[а]ра его м[и]л[о]сть ставиль...* (БА, II, с. 97), *индикт* ‘адзінка старога царкоўнага летазлічэння, роўная 15 гадам’ (ГСБМ, 14, с. 115): *писанъ у Витебъску, мая 23 ден, **инъдиктъ десятии*** (КВЗС, с. 90); *берковескъ* – мера веса, равная примерно 10 пудам (164 кг): *што-жъ и^жъ бы взял в него товару его **четырынацать беръковесковъ** сала* (БА, II, с. 27); *камень* – мера веса, равная примерно 6,35 кг: *нижли только дають пенези в **сто каменей** воску* (БА, II, с. 30); *неделя*: *и той за плате роки есмо положили два, **по четыры недели**, то естъ **всмъ недель*** (БА, II, с. 31), *сажень* – мера, равная примерно 2,16 м: *пять сетей заечыхъ **по тридцати сажонъ*** (БА, II, с. 22) и др.

Интерес представляют собой лексемы *половина* – *половица*. С одной стороны, значение этих лексем соответствует точному математическому понятию 1/2, с другой стороны – точное восприятие включенного в лексему объема передаваемой собственности неразрывно связано со знаниями субъектов деловой коммуникации о полном объеме рассматриваемого предмета: *и присудили есмо ей **половицу** такъ и^тчызны, такъ и местъца того въ городе **такъ** и^тчыце и^тчызны ее, а другую **половицу** брату её Новицькому* (БА, II, с. 17), *в[ъ] томъ Лугу сорокъ лосей вбилъ и далъ тому Иваишу Дашковичу того зверу **половину*** (БА, II, с. 46). Сходные явления наблюдаются и при использовании лексемы *часть*, которая употребляется как с количественными и порядковыми числительными, так и с прилагательными, местоимениями: *две, три части, первая, другая, третья, четвертая часть, ровныя части, тая часть, своя часть: всег(о) именья и^тчызного **две части** и^тдати* (КВЗС, с. 78);

– существительные с первой частью *пол-*: *полгроша, полкопы, полкорца, полчварты*: *взати в него **полькорьца** ввса* (БА, II, с. 22), *взати в него только **полчварты** копы грошей литовскихъ и п(е)н(е)зеи дванадцать* (ТБ, с. 214);

– числительные с первой частью *пол-*: *полтора, полтретьдцать*: *по **польтретьдцати** рогатинъ в[ъ] кожъдый годъ на замокъ давати* (БА, II, с. 47);

– наречия с частью *пол-*: *то тые пчолы с[ъ] г[оспо]д[а]ромъ **наполь**, дворные и лесные, и мед[ъ] **наполь**, а борть по тому-жъ **наполь*** (БА, II, с. 48);

– наречия с количественным значением *двакрат, трехкрат*: *вжо по **двакратъ** бобровые гоны ихъ властные у Середокоротныхъ роскопали и бобры побили, и зеремено, и всады показали* (КВЗС, с. 149).

К средствам выражения приблизительных количественных характеристик относятся

– числительные *кольконадцать* ‘некалькі адзінак пасля дзесяці’ (ГСБМ, 15, с. 228): *ижъ вни зашли землю властное втчизны ее в **кольконадцать** местехъ* (БА, II, с. 56), *колькодесять* ‘некалькі дзесяткаў’ (ГСБМ, 15, с. 227): *ижъ вни моцно кгвальтомъ взеро посполитое с паномъ его Дух зволючили и в **колькодесять** воз рыбъ възяли* (КВЗС, с. 72–73);

– определительное местоимения *весь* и формула с определительными местоимениями *со всим на все*: *з людми вселыми, похожими и зас[е]делыми и **совсимъ на все**, **яко** се тот кгрунт самъ в себе мает* (ТБ, с. 188);

– относительное местоимение *колько*: *а инъише кони, **колко** ихъ будетъ, в себе пограбивши держалъ* (БА, II, с. 14);

– неопределенное местоимение *колькосъ* ‘некалькі’ (ГСБМ, 15, с. 229): *и на томъ селищи внъ **колькос[ъ]** летъ жилъ* (БА, II, с. 90);

– наречия *вцале* ‘зусім, цалкам’ (ГСБМ, 5, с. 61), *огулом*: *маетностью всею лежакою и рухомою **вцале** ее водлугъ росписана моег(о)* (ТБ, с. 206), *буд по частемъ, або и все **огуломъ*** (ИЮМ, 31, с. 11);

– прилагательные и формулы с прилагательными *от мала до велика*: *зо всею маетностью моею вт мала и до велика* (ТБ, с. 200).

3.1.3 Временные характеристики

При изучении истории развития деловой письменности время рассматривается в грамматическом аспекте или характеризуется как текстовая категория. Функционирование временных форм глагола в деловой письменности анализируется в работах Т. В. Кортавы [188], В. В. Колесова [185, с. 306–327], Н. А. Беловой [22]. Особенности употребления падежей со значением времени описаны В. И. Борковским [35, с. 356–357; 375–376;

380], активность придаточных времени в допросах XVIII в. обозначена А. И. Сумкиной [345, с. 241], особенности выражения времени в восточнославянских языках охарактеризованы авторами труда «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения» [334, с. 271–274]. Время как текстовая категория, репрезентирующаяся средствами разных языковых уровней, анализируется в работах О. А. Горбань [91], Н. В. Полещук [273]. Мы предлагаем рассматривать указания на время как необходимый компонент детализации делового текста, способствующий точности изложения материала и восприятия делового текста.

В витебских текстах представлено календарное и описательное время. Под календарным временем понимается то, которое включает в себя названия дней недели, месяцев или указания на год согласно принятой системе летоисчисления. Описательное время – это указания срока какого-либо события, отрезков времени, повторяемости действий в определенный промежуток, их последовательности без упоминания названий дней недели, месяцев или указания конкретного года.

Лексико-синтаксические единицы, указывающие на календарный год, известны в самых первых памятниках витебской деловой письменности. Сначала они фиксируются в концовке текстов, в конце XVI – начале XVII в. – при описании процесса внесения документа в актовые книги, при характеристике времени в содержательной части деловых текстов, в концовке. Если в начале XVI в. типичным было употребление сочетания *лета божьего нароженья*, то в конце XVI – начале XVII в. активно используется и конструкция с лексемой *рокъ*: *лета от Божьего нароженья тысяча пѣтъ сотъ деветдесѣтъ второго, м-ца марѣца осмо́го днѣа* (ИЮМ, 31, с. 23); *в року деветдесѣтѣмъ* (ИЮМ, 31, с. 9). Названия месяцев и указания индиктов также были характерны для концовок.

В разных частях витебских текстов употребляются названия дней недели: *рок[ъ] праву положили: по св[я]томъ Сп[а]се на завѣтрее, в[ъ] неделю* (БА, II, с. 7) и названия христианских праздников согласно православному или католическому календарю: *в Светом Михаиле, свѣта косте[л]а рымског(о)* (ТБ, с. 186).

Значимыми для рассматриваемых текстов являются средства репрезентации описательного времени, среди которых наречия, прилагательные, сочетания с различными существительными, предлоги с временным значением, деепричастные обороты и придаточные части.

В тексте фиксируются наречия с временным значением, которые обозначают:

а) прошедшие, настоящие или будущие события, их последовательность: *далей, давно, затым, звеков, напервей, напотом, недавно, ныне, первей* ‘спачатку’ (ГСБМ, 24, с. 82), *потом, тепер, сегодня, скоро* и др.: *как[ъ] давно тотъ Юрко тое земли въ держаньи есть. Ъни поведили:*

и какъ **давно** можетъ память наша зъсегнути, а инъ тое земли естъ в[ъ] держаньи (БА, II, с. 28);

б) постоянные действия: вечно, завжды: а з людymi посторонними, границками моими, заишѣсть **завжды** не мели (ТБ, с. 218);

в) повторяемость действий знову, колькокрот, многокротъ, двакрот, трехкрот / тры крот, неоднократно, опять: и ини вси поведили, ижъ **многокротъ** тые Латыгольцы на небожъчика пана Сенька Дашковича пану Ивану Сопезе жаловали (БА, II, с. 45), ино вси мещане и поспольство места Вытебъского збиралися **тры кротъ** на въсопъ (БА, II, с. 30);

г) отрицание возможности совершения действия николи: и того человека **николи** есми инъ тебе не слыхала (КВЗС, с. 247);

д) неопределенность времени действия кольвек: а естлибы которому з нихъ што **кол[ъ]векъ** самъ, альбо слуги его, вчинили, а то бы на него слушине было переведено (БА, II, с. 38).

Постоянно употребляются наречия *тогда, тогда, вжѣ, вжо*.

Относительные прилагательные, определяющие описательное время, встречаются в разных структурных частях текстов. Среди таких прилагательных *будущий, давний, минувший, нынешней, прошлый, стародавний, теперешний* и др.: тые доходы им[ъ] з **давных** летъ даивали и в[ъ] той копѣи того листу ихъ **давного** с[ъ] того даванья тыхъ доходовъ ихъ не вызволено, казали есмо тому конюшому нашему на них[ъ] тые доходы водле **давного** обычая брати (БА, II, с. 43).

Существительные, использующиеся для репрезентации описательного времени, употребляются как самостоятельно, так и в составе различных сочетаний. Используются лексемы *час, век, рокъ, лето, год, година, месяц, неделя, день, раз, дата* и др. Лексема *година* ‘неканкрѣтны час’ (ГСБМ, 7, с. 21) употребляется в тестах в сочетании *яко час, година смерти: иж не естъ на свете жадное певнешное речі каждому человеку, **яко час и година смерти*** (ТБ, с. 212). Лексемы *час, рок, лето, год, неделя, день, раз, дата* отмечены в текстах разных жанров и в разных структурных частях текстов, что дает нам повод обозначить их употребление как одно из стилиобразующих средств рассматриваемых текстов.

Лексема *часъ* используется в сочетаниях с местоимениями: *инъ час, тот жа час, тья часы* в значении ‘тады, у той час’ (ГСБМ, 36, с. 298), *сий час*, с прилагательными *минувые часы, часы прошлые, давные часы, вечные часы* ‘навѣчна’ (ГСБМ, 36, с. 294): *и з них се вырекаю **вечными часы*** (ИЮМ, 31, с. 36), *потомные часы* ‘назаўсѣды, навѣкі’ (ГСБМ, 27, с. 296): ... *вызнаваемъ то сами на себе сим нашимъ вызнаннымъ листомъ, добровольне данымъ от нас на **потомные часы*** (ИЮМ, 31, с. 44).

Лексема *рокъ* употребляется в нескольких значениях: 1) ‘год’: *в **року** теперъ идучомъ тисеча пѣать сотъ девѣтъ десѣать второмъ* (ИЮМ, 31, с. 5), 2) ‘тэрмін судаводства, судовое пасяджэнне’ (ГСБМ, 30, с. 354–356): *и мы положили **рокъ** Ленарту тыхъ пасынъковъ своих, братаничов ихъ,*

перед нами поставити: *втѣ Зборное недели за всмѣ недел, которыи жоуни рокъ с obu сторонѣ приняли* (КВЗС, с. 67). Лексема может согласовываться с порядковыми числительными, прилагательными, местоимениями: *то естъ встатѣный рокъ по Святомѣ Петре, в четвергѣ* (КВЗС, с. 117).

Лексема *лето* употребляется при указании даты: *лета вт нарощеньѣ Сына Божьего тисеча пѣтсот деветдесѣт шостого, м(е)с(ѣ)ца июнѣ дванадцатог(о) днѣ* (ТБ, с. 190) и в устойчивых сочетаниях, обозначающих взросление человека: *а по животе еѣ сыны мои вышепомененые, которые з них лета зѣолные водлугѣ Статуту метѣ будет, то такѣ свою част в семѣ тестаменте моемѣ вписаную, ꙗко и брати своеѣ, которые лет зѣолных мети не бѣдет, маѣт до себе взѣт и в целости заховат до възросту лет его* (ТБ, с. 188). Лексема *год* употребляется в сочетании с прилагательными, числительными, местоимениями обычно в содержательной части текста. В текстах конца XVI – начала XVII в. прослеживается тенденция употребления лексемы *год* вместо лексемы *лето*: *писан у Витебску в году идучомѣ по нарощенью Сына Божьего Иисуса Христа тисеча пѣт сот деветдесѣт девятого м-ца марца третего днѣ* (ИЮМ, 31, с. 46).

Лексема *раз* используется при обозначении однократного действия, последовательности действий (первый раз, другой раз), времени действия в отношении ряда подобных действий: *...и перьвымѣ разомѣ давали ему трыдцатѣ копѣ грошей, и вн[ѣ] в нихѣ того взѣти не хотѣлѣ; а другимѣ разомѣ давали ему шестидесѣт коп[ѣ] грошей тыхѣ, которые на князи Петри Духничи правомѣ зыскали и к[ѣ] тому готовыхѣ давали ему двадцатѣ копѣ грошей, и внѣ в нихѣ и того взѣти не хотѣлѣ; и третимѣ разомѣ въѣднали его в[ѣ] томѣ: – изволилисѣ есмо вси мѣщане и посполство дати ему всмѣдесять каменей воску чистого, топленого, доброго* (БА, II, с. 30).

Единичны абстрактные существительные, имеющие разные временные оттенки: *давность, нарощенье, старость*: *всказали есмо Селютиничомѣ тот[ѣ] держати водле ихѣ давности* (БА, II, с. 40).

Названные существительные часто употребляются в сочетании с различными временными предлогами: *водле даты писанья того листу втѣца нашого* (БА, II, с. 47).

Для выражения описательного времени используются также временные предлоги в сочетании с существительными или местоимениями, которые не содержат в себе значения времени.

В витебских текстах это предложно-падежные сочетания

а) до + Р. п.: *до воли, до живота, до опытанья, до права, до суда* и др.: *приказали есмо Сеньку на томѣ перевозѣ возити до воли п(а)на его м(и)л(о)сти* (КВЗС, с. 73), *втложил есми до впытанья пана его м(и)л(о)сти* (КВЗС, с. 78);

б) после / опосле + Р. п.: *после брата, после замятков ‘смута, хваляванне’* (ГСБМ, 11, с. 41), *после живота, после того листу, после мужа*:

а теперь, после замятъковъ валеčnýchъ кгда тая дорога закажона, почали есмо ее теребити (БА, II, с. 57);

в) перво, первой + Р. п.: *внъ перво сего былъ з нами въ службе паробоцкой посполит[е]* (БА, II, с. 35);

г) по + Д. п.: *по вычитаню, по зоистю, по зописаню, по зыстю, по животе, по мне, по нем, по себе, по Светои Троицы, по смерти, по отда-нью: а тепер на роках земских, перво по зоистю з с[его] света небощыка Или Воротынца прыпалых* (ТБ, с. 245);

д) перед + Тв. п. *перед зоистем, перед смертью, перед тым: вни в подданныхъ г[оспо]д[а]рскихъ будут покупили, с[ъ] которыхъ перед[ъ] тымъ сторожа городовая бывала* (БА, II, с. 13), *бѣдучы хорыи, перед зоистем [смер]тью зъ сего света справил тестамент състаточное воли своеи* (ТБ, с. 225), *еще добре перед смертью* (ТБ, с. 253);

е) при + М. п.: *при бытности, при животе, при оповеданью, при све-кре и т. д.: еще при животе* своемъ людми и землею делилъ (БА, II, с. 39), *при моемъ свѣкре* (Пазд.; с. 119), *и тот тестаментъ свои при вповеда-нью* своемъ самъ вчевисто перед нами покладаючи просилъ (ТБ, с. 240).

Среди указанных конструкций в текстах разных жанров повторяются или те, которые относятся к формулам (*до живота, по животе, после живота, при животе*), или те, которые включают в себя местоимения (*по мне, по нем, по себе, перед тым*).

Используются формы глаголов *идти, прийти*, обозначающие настоящие или будущие события: *положили на д[е]нь св[я]того Юрья нинешне-го году прийдучого св[я]та* (БА, II, с. 54).

Распространены сложные предложения с придаточными времени, в которых в качестве средства связи используются союзы

– кгда, появившийся в результате влияния польского языка: *кгда внъ служилъ пану Ивану Сопезе, взялъ в мене шесть меръ меду и тог[о] теперь мне заплатити не хочет* (БА, II, с. 55);

– коли: *коли есмо ся тут перед[ъ] г[оспо]д[а]ремъ его м[и]л[остью] тегали на пана Сопегу, воеводу перъвого, ино Ѳедор[ъ] Бака поднѣлъ шапки* (БА, II, с. 5–6); *«Правѣда естъ, коли есмо шли до Риги, тогды будучы намъ на Друи, мовилъ на Костъка Кострыца тымъ вбывчаемъ»* (КВЗС, с. 153);

– яко: *яко ж вышодшы тамъ на тои земъли, ставъшы на межи, тая семь чоловоковъ, которыхъ Марътиновичы вбрали, и инъшыи поплечъники ихъ присягънули* (КВЗС, с. 167);

– поки: *маеть тая Марътиновая, невестъка ихъ, до жывота, або по-ки замужъ пойдетъ, на вѣдовѣмъ-стольцы сидети* (БА, II, с. 12); *и мы тую речъ втѣложили, поки Чаплиная с тое форобы выидеть* (КВЗС, с. 80);

– паклижъ: *а парого вжо не маеть сѣпати, паклижъ вни на тотъ рокъ тыхъ пенезей ей не втложать* (БА, II, с. 54–55);

– покуль, поколь: *на тои пожни, поставити до права, покуль ся сточить право* (КВЗС, с. 237), которого им давано по петидесять золотыхъ, еще по десять золотыхъ, то есть по пяти копъ грошеи, **поколь** еще себе у г(о)с(по)д(а)ра его м(и)л(о)сти тое службы свое поправлять (КВЗС, с. 89–90);

– какъ: *а теперь какъ досталися королевой ее милости и того платити, не ведаю для чо[о], мне не хотять* (БА, II, с. 24).

В текстах отражается процесс формирования составных временных союзов, характерных для книжных текстов *до техъ часовъ*: *всказали есмо Кости тое дворицо в[ъ] половицы шкоды свое держати до **техъ часовъ**, поколь тая Мар[ъ]я ему тое шкоды его половицу две копе и пол[ъ]всма гроша вузкихъ заплатит* (БА, II, с. 20).

Действия, которые передаются в текстах документов, происходят до момента составления грамоты, поэтому тут распространены глагольные формы прошедшего времени.

3.1.4 Пространственные характеристики

Точность изображения внешнего мира в деловой письменности связана с подробными характеристиками упоминаемых в текстах субъектов и объектов. Среди них важную роль играют пространственные характеристики, которые вербализуются с помощью ряда лексико-морфологических и синтаксических средств. К первой группе относятся разнообразные топонимы, существительные, относительные прилагательные, глаголы и глагольные формы, наречия, которые определяют явления объективного или социального пространства.

Ко второй группе относятся обстоятельства места, выраженные предложно-падежными сочетаниями, и придаточные обстоятельственные места в сложных предложениях.

В витебских текстах широко представлены топонимы, с помощью которых обозначены города (*Витебск, Ориа, Полоцк, Вильня, Краков, Рига* и др.), волости (*Задвинская, Лужосенская* и др.), села (*Хадуловское, Гостилово, Демидовичи, Бабиничи, Василишки* и др.), имения и дворы (*Глазомичи, Марково, Храповичи, Освея, Засекл, Биливичи* и др.), земли (*Караевская, Семенковщина* и др.), реки (*Двина, Витьба, Лучоса, Вепряжъ, Дриса, Рана* и др.), озера (*Долгое, Слукое, Белое* и др.), дороги (*Межовская, Корниловская* и др.) и многие другие объекты окружающего мира.

Используются существительные, указывающие на

1) обобщенное пространство: *свет, место, местце, сторона*. Лексема *светъ* в деловой письменности употребляется в значении ‘зямное, свецкае жыццё у процілегласць незямному, духоўнаму ці манастырскому’ (ГСБМ, 31, с. 114). В судебной витебской письменности с первой трети

XVI в. используется с таким же значением сочетание *того света / сего света*: *ижъ тот[ъ] небожъчикъ Григорей wt[ъ] рукъ Микалаевыхъ с[ъ] того света* зышель (БА, II, с. 33);

При описании процедуры внесения завещаний в книги витебского земского суда используется второе сочетание: *...сходечи з сего света, вод-лугъ вбычаю хрестианского* *ѿчинил тестамент* (ТБ, с. 186), которое отмечено и в текстах некоторых testamentов. Характерно, что в конце XVI в. встретим и конструкцию *идучи на тот свет: то и пишу и ведомо чиню за доброе памети моее, идѿчи на тот свет* (ТБ, с. 218); и сочетание *тым нендзным светом*: *кды се будѿ с тым недзным светомъ* розлучать (ТБ, с. 241), и сочетание *на оном свете*: *и за нарѿиенье сего тестаментѿ встаточное воли моее со мною розсудитсе на вном свете* на Страшномъ сѣде перед Небесным Царемъ (ТБ, с. 256).

Лексема *место* употребляется в исследованных текстах в разных значениях, среди которых самыми распространенными являются следующие: ‘город’ (ГСБМ, 17, с. 360): *с[ъ] тых[ъ] дворовъ и дворишовъ своихъ, которые в[ъ] месте Витебъскомъ и по селомъ повету Витебъского ма-ють* (БА, II, с. 10), ‘простора або пункт, дзе што-небудзь адбываецца або размяшчаецца’ (ГСБМ, 18, с. 3): *и мы гречиху сказали засе в[ъ] томъ местъцы собрати, где росыпана* (БА, II, с. 22), ‘становішча ў грамадстве, служба, пасада, работа’ (ГСБМ, 18, с. 6): *и листъ перед нами положили па-на ІА на Петровича Немировича, в[ъ] которомъ описано, ижъ кды былъ у Витебъску на местцы пана Ивана Сопега...* (БА, II, с. 103), ‘участак зямлі рознага прызначэння, пляц, пляцоўка’ (ГСБМ, 18, с. 5): *и мы пры томъ их[ъ] заховали, нижли которые люди албо местца г[оспо]д[а]рѣ его милость имъ подавалъ, албо которые местца вни в подданныхъ г[оспо]д[а]рскихъ будут покупили* (БА, II, с. 13). Также характерны значения ‘спецыяльна абсталяваны пункт, дзе можна размясціцца, стаяць, сядзець’ (ГСБМ, 18, с. 6): *и внѣ вседиши на того коня и поехалъ за место коштовати* (БА, II, с. 6), ‘пэўная частка прасторы, прызначаная для чаго-небудзь’ (ГСБМ, 18, с. 3): *бобровые гоны держу по тыхъ местехъ, поки мне дворець Моклоковъский водле даты г[оспо]д[а]рское от[ъ] увяжъчог[о] заведенъ* (БА, II, с. 105–106).

Согласно исследованию М. Д. Макарова, в 30-е гг. XV века на территорию белорусского Подвинья проникает термин *мяшчане*, позже на этих территориях начинает употребляться термин *место* под воздействием письменности Вильни, Трока, Бреста и Гродно [225, с. 82–83].

Несмотря на то что основные значения лексемы *сторона* в рассмотренных текстах ‘удзельнік судовага працэсу’ (ГСБМ, 32, с. 429): *мають тые судьи межи ними на вбе стороне* *конецъ вчинити без[ъ] кождое втволоки* (БА, II, с. 7), ‘чалавек альбо група людзей, арганізацыя, краіна, якія супрацьстаяць другому чалавеку, групе людзей, арганізацыі, краіне’ (ГСБМ, 32, с. 429): *кды были тии земъли и села наши за се втвѣрнены*

в *сторону* з(о)с(по)д(а)ра нашего (КВЗС, с. 165), встречаются примеры, в которых реализуется значение ‘прастора злева, справа або вакол каго-небудзь, чаго-небудзь’ (ГСБМ, 32, с. 426): *рубежи вписаны по вбе **стороне** дороги Межовское* (БА, II, с. 108), *ижъ бы на правой стороне тая земля вся была **Ю** нушовского къ Моклокову, а по левой стороне пана **Ю** цькова* (БА, II, с. 107), *тая сторона вбъ сю **сторону** Ловоти реки: вси села и земли, и тотъ встровъ нашъ втърубленъ былъ в сторону московского, к Лукамъ* (КВЗС, с. 164); ‘бакавая частка аб’екта (паселішча, будынка і інш)’ (ГСБМ, 32, с. 425): *а **стороны** бѣдованѣа моего дворного поступил есми **Ѹ**дв[оре] моем **Бѣ**левском светлицѣ **Ѹ**з сеньми и з дема коморками* (ТБ, с. 247);

2) лексемы, называющие собственность, с обобщенным значением: *дедизна, именье, материзна, отчина, отчизна* и др.: *во всей той **отъчизне** и **материзне** пани матки моей в **ыйменью** Покрышках* (ИЮМ, 31, с. 38);

3) единицы административного деления: *воеводство, князство, повет* и др.: *в который кольвекъ **поветъ** и **воеводство** и термин на рокъ завитый **статутовый*** (ИЮМ, 31, с. 80);

4) населенные пункты и объекты в них: *город, лавка, место, местце, пляц, посад, селищю, село, сельце, улица* и др.: *дал(и) есмо... **сел(ь)це** свое* (Пазд., с. 119);

5) строения: *будованье, дом, замок, клетъ, склеп, турма* и др.: *што бы мѣль оу Витебску **склеп** вѣчаныи вправити* (ВРА, I, с. 26);

6) географические природные объекты: *болото, бор, гай, гора, дуброва, заросли, лес, мох, озеро, присека, пуца, река, речка, сажавка* и др.: *... зъ **лесами, борами, гайами, заросліаи, пуцой**...* (ИЮМ, 31, с. 62);

7) сельскохозяйственные угодья: *гон, земля, кгрунт, лов, ловенье, ляд, лядищю, нива, оборка, огород, пашня, погной, поле, полянка, пустовицина, пустошь, сад, сеножать, след* ‘надзел зямлі’ (ГСБМ, 31, с. 416) и др. В ряду этих терминов выделяется термин *пустовицизна*, который может по памятникам фигурировать при обозначении тех земель, которые были покинуты или были заселены новыми крестьянами, не платившими феодальную ренту [369, с. 98];

8) религиозные и благотворительные учреждения, здания, их части: *збор, капличка, собор, церковь*: *...а **напротивко збору веры **Евангелицькое***** (ИЮМ, 31, с. 83);

9) границы: *граница, грань, копец* ‘межавы знак у выглядзе насыпу’ (ГСБМ, 15, с. 298), *межа, обыход, рубеж*: *подле тое дороги **копець** и **рубежы** в липе* (ИЮМ, 31, с. 7), *іако се з давних часов само в собе въ **границах, межах** и **обыходехъ** своих мела и тепер мает* (ИЮМ, 31, с. 62);

Перечисление географических объектов и сельскохозяйственных угодий, как правило, включено в ряд однородных членов при указании объема передаваемой собственности: *зо **всими земліаи** пашьными и*

не паішнымі, с **польмі** оремымі і не оремымі, з **дэревамъ** бортьным, з **боры** лесамі, **дубровамі**, **сеножатымі**, зъ **ліады** і зъ **ліадыцамі**, со **мъхи** і **болоты**, з **заросліамаі**, **присекамаі**, с **хмелі** і зъ **хмеліцамаі**, с **пруды** і с **прудыцамаі**, з **ставы** і з **сажавъкамаі** (ІЮМ, 31, с. 74);

Актыўна існуюцца адносіельныя прылагательныя, указываючы на месце: *вiтeбскiй, вышнiй, здешнiй, кгродскiй, нижнiй, подляшскiй, полоцкiй, тамошнiй, тутошнiй, стороннiй*.

Для указання прастранства размяшчэння ўжываюцца нарэччя месца: *около, там, тут*, для указання напраўлення руху ўжываюцца нарэччя *куды, налево, направо, проч, туды, вверх, вниз*: «Ямъ ему мовиль, абы *втѣ* Церкви Божее **проч** пошол...» (КВЗС, с. 142).

Прасторнае можа характарызавацца як статычнае ці дынамічнае. Статыка перадаецца з дапамогай глаголаў і глагольных форм, абозначаючых месцазнаходжанне прастранственных аб'ектаў. Гэта лексемы *лежати, стояти* і іх формы: *котораѣ таѣ* зямля **лежыт** (ТБ, с. 189), *поле свое Селезьневское, **лежащее** за встрогомъ посаду Завитебьного* (ТБ, с. 198). Дынаміка ў прасторным рэалізуецца з дапамогай глаголаў руху і іх форм, глаголаў перамяшчэння ў прасторным і іх форм. У даследаваных тэкстах такія глаголы іграюць значную стылістычную ролю, так як 1) яны распаўсюджаны, 2) прадставлены самімі разнаобразнымі формамі, 3) часта рэалізуюць переносныя значэнні. Намаі адзначаны формы глаголаў

ідці, ехаць: **идучи** намъ на Лучосе *поведиль перед[ъ]* нами боярынь (БА, II, с. 57);

прыіці, войці, абойці, перейці, выехаць, прыехаць, поехаць і др.: **пришедши** *перед насъ боярынь г(о)с(по)д(а)рьскии повету Витебьского* (КВЗС, с. 80), *и инъ черезъ тую заруку, **перешедши** черезъ границу* (КВЗС, с. 238), *и мы рассказали владнику н[а]шому Левонидову там[ъ] **выехати*** (БА, II, с. 8), *алижъ есми в[ъ] Лукахъ по собе паруку дал[ъ] и до него **приехал[ъ]*** (БА, II, с. 15);

палажыці, пакладаты: глагол *положити* ў тэкстах даследаваных дакументаў чаццё ўсёга сустрачаецца ў значэннях 'вызначыць' (ГСБМ, 26, с. 184): *и мы той присезе его рокъ **положили*** (БА, II, с. 106), 'прад'явіць што-небудзь (дакумент, доказ) афіцыйным уладам' (ГСБМ, 26, с. 183) *и **покладалъ** передъ нами панъ Семень Хотимъскии тѣ же зарозомъ тѣстаментъ* (ТБ, с. 183), 'абзначыць' (ГСБМ, 26, с. 182): *и по границы тому кгрунту моему Кичиньскому, **положоную** втцомъ моим п(а)на писаровым п(а)ном Я рошом Василевичом ГДсиповскимъ* (ТБ, с. 187–188), 'пахаваль' (ГСБМ, 26, с. 183): *тело мое мають **положити*** (ТБ, с. 185).

Статыка і дынаміка важны і пры перапісванні аб'ектаў сабственнага, якія вызначаюцца ў апазіцыі *рухомый – нерухомый*: *маетность мою всю, [речи] [рухо]мые и нерухомые* (ТБ, с. 188).

Встречается огромное количество лексем, отсылающих к упоминаемым ранее или позднее в текстах субъектам, объектам, документам и т. д. Такие лексемы отмечены нами уже в текстах 20–30-х гг. XVI века, фиксируются сочетания наречия и страдательного причастия в краткой или полной форме: *а што **вышей** статку того **написано** въ списку его невестъки* (БА, II, с. 11). Используются формы лексем *вышейпомененый, вышеймененый, вышменованный, звышъпомененый, вышей написало, вышей поменил; нижеипомененый, нижеиописанный, нижеи на остатку описанныи*, с помощью которых упоминаются ранее или позже названные лица или объекты собственности.

Важным средством репрезентации пространства являются предложно-падежные сочетания, указывающие на

а) место расположения предметов:

у + Р. п.: *у того **листу** печать притиснена а подпись руки тыми словы* (ИЮМ, 28, с. 102);

подле / водле + Р. п.: *заведеную прилегълую **водле земли** братанцовъ его* (ИЮМ, 31, с. 10);

коло + Р. п.: *лежащие тутъ **ѿ** воеводстве Витебском **коло реки** Лучосы... **набытые коло** реки Лучосы* (ТБ, с. 237);

по + Д. п.: *иж намъ его м(и)л(о)сть мыто **вппустил** сухимъ путемъ и **по рекамъ** вечно* (ВРА, I, с. 39);

перед + Тв. п.: *стояли **перед[ъ]** нами **вчевисто*** (БА, II, с. 5); *а такъ мы, **росказавшы** вси **вные** листы его **передъ собою** **вычитать** и **печатеи ѿ** **нихъ** **вгледавшы**, ...* (ТБ, с. 183);

над + Тв. п.: *а **над теломъ** моимъ **капличку** **збудовать** **мает*** (ТБ, с. 206);

под + Тв. п.: *которое **мает** **быти ѿчъстиве** **через сына** **моег(о)** **старшого** **Ѿ** **на погребено ѿ** **вгороде** **моемъ**, **под дворомъ** моимъ **Добрыномъ**, **подле саду** моего* (ТБ, с. 205–206);

за + Тв. п.: *и **кругъ** **земли** **за селомъ** **Тумищовичы*** (ИЮМ, 31, с. 12);

у / в + М. п.: *тутъ **у повете** **витебскомъ** **у селе** **Онъдроновичохъ*** (ИЮМ, 31, с. 11); *на **местцу** **звыклом** **взамку** его **кор. милости** **Витебском*** (ИЮМ, 28, с. 95); ***ѿ** **ашии** **м(илости)** **есть ѿ** **месте** **Ризкомъ*** (ВРА, I, с. 31);

на + М. п.: *и **на вrade** **в суду** **кгородского** **витебского** **призналъ*** (ИЮМ, 31, с. 9);

при + М. п.: *бы **положеньѧ** **мети** **при могилахъ** **сыновъ** **своихъ**, **при Васильевои** и **Степанои*** (ТБ, с. 197).

2) направление движения:

до + Р. п.: ***до дому** **не пустилъ**, ...**взял** **з собою** **до** **Витебска*** (БА, II, с. 5), ***просиль**, **абы** **был** **до книгъ** **земскихъ** **Витебскихъ** **акътыкованъ** и **уписанъ*** (ИЮМ, 28, с. 98);

з / с + Р. п.: *съ которых книг сей видымусь в року теперешнимъ тысяча шестсотъ тридцать девятомъ стороне потребуючой есть выданъ* (ИЮМ, 30, с. 40–41); *п(и)сан з Витебскѹ..* (ВРА, I, с. 28), *десеть копъ грошей литовских мають сыны мои з ыменей моих втѣчызных дати* (ТБ, с. 184);

од / от + Р. п.: *также вѣд озера Кичина тымъ ровомъ* (ТБ, с. 189);

к + Д. п.: *котораа таа вага направенаа к намъ до Витебска* (ВРА, I, с. 33); *и тые Латыгольцы тамъ привели нас[ъ] к[ъ] дубу и к[ъ] другому, и к[ъ] третему* (БА, II, с. 45);

в / у / на + В. п.: *который уписуючы вкниги слово от слова так се в собе маеть* (ИЮМ, 28, с. 107); *...в землю непригательскѹ панцири продавал* (ВРА, I, с. 28);

через + В. п.: *а вт дѣба Мажчалиною черезъ дорогѹ великую* (ТБ, с. 217);

под / пад + В. п.: *алижъ под[ъ] его дворъ всякий зверъ ловити* (БА, II, с. 45).

Приведем пример: *На первой чынили есмо рубежы над ручьемъ Крутымъ у дубе, с того дуба рубежи у другомъ дубе, потомъ у третьемъ дубе подъ каменіа надъ ручьемъ Крутымъ; с того дуба у ели рубежи, потом у дубе, опять у дубе, з дуба у ель, з ели у дубе... с того дуба у дубъ потомъ поточною у право мошкомъ, з мошѣка межою, тамъ рубежы у ели и въ липе, з липы у дубе, потом опіать у дубе, у дубе, у ели, у дубе, з дуба у ели подле дороги Любовъское; потомъ у сосне надъ дорогою; тою дорогою Любовъскою граница лежитъ, потомъ рубежы у ели над дорогоюжъ, подле тое ели копецъ; отъ того копѣца з дороги у лево черезъ суходоль нивою, на той ниве копецъ, отъ того копѣца у каменъ, который на той же ниве лежитъ, с каменіа опять у копецъ, с копца к дорозе великой Высоцкой, подле дороги копецъ и рубежы у березе, черезъ дорогу тую просто перешедшы з березы рубежы дубровинькою у сосне, с тое сосны у сосне, потомъ у соснежъ и въ третье сосне, межою подле бору моего Кротовъского, ажъ до дороги рубежами Добриіанское подле тое дороги копецъ и рубежы в липе, с того копѣца черезъ дорогу рубежами, межою у мохъ великий тамъ се граница сконѣчыла* (ИЮМ, 31, с. 7).

Используются придаточные со значением места: *с[ъ] тыми своѣки своими або самъ вдинъ перед[ъ] нами права достопати, где кольвекъ мы в[ъ] тот[ъ] час[ъ] будемъ* (БА, II, с. 37), *а тело мое грешное там теж ворячаю, вткул створонъ естъ, в землю* (ТБ, с. 241).

Разноуровневые средства репрезентации пространства стилистически значимы в витебских текстах, так как характеризуются значительным распространением и представлены разнообразными лексическими, морфологическими и синтаксическими единицами.

3.1.5 Употребление терминов

Употребление специальной лексики интерпретируется как одно из основных стилеобразующих средств деловой письменности в разных исследованиях (см. работы В. П. Сташайтене [340], В. М. Лозовского [220], З. Даунене [102; 103], Н. И. Гилевич [81], Т. М. Казаченко [149], М. А. Новик [250], Е. А. Чащиной [377]). Не касаясь в данном разделе проблемы разграничения терминологической и нетерминологической лексики, вопросов становления терминологической системы деловой письменности, обратим внимание на то, что группы терминов в деловой письменности определяются по-разному. В СЭС обозначены термины дипломатические, юридические и экономические [342, с. 275], М. С. Медведь выявляет такие группы терминов, как юридические и финансовые [234, с. 106]. Отметим также, что лингвисты сходятся во мнении относительно того, что термин может считаться не только слово, но и словосочетание.

Исследованные нами витебские тексты в основном включены в книги земского и городского судов. Именно поэтому дипломатическая терминология не может быть здесь подробно описана, хотя в привилеях и официальных письмах в Ригу используются такие дипломатические термины, как *целовати крест, путь чист, старина, новины* и др.

В текстах других жанров доминируют термины, с помощью которых характеризуются виды правовых отношений, документы, представители судебных органов, участники судебного процесса, нарушители закона, виды наказаний, штрафов, пошлин, различные противоправные действия, денежные средства.

Для характеристики правовых отношений употребляются лексемы *обычай, право*. Лексема *обычай* имеет значения 1) ‘звычай, традыцыі, прывычка, манера’; 2) ‘спосаб’ (ГСБМ, 21, с. 327), в деловых текстах, согласно исследованиям М. Ф. Шацкой [383, с. 86], слово *обычай* реализует значение ‘неписаный закон, издавна, по традиции установившийся порядок’ и возникло из *ob-vuśajъ < *obvukъ ‘привычка, обычай’ [383, с. 86]. В витебских текстах слово *обычай* встречается в сочетаниях *водле обычая права, стародавний обычай, старый обычай, тот обычай: входы мети и борти держати, и медведя, и рыс[ь], куніцу, лисицу, бельку по самые алижъ Храповичи ловити, водле стародавнего вбычая* (БА, II, с. 46), *тые мають захованы быць по старому вбычаю* (БА, II, с. 48), *маеть две части пенезми заплатити водле вбычая права* (БА, II, с. 51).

Лексема *право* употребляется в витебских деловых текстах письменности в значениях

1) ‘закон, сістэма ўстаноўленых дзяржавай сацыяльных норм’ (ГСБМ, 27, с. 454) *право посполитое, право писаное, слушное право, право земское, всякое / вшелякое право, вечное право: тако власность свою слѣди-*

нымъ правомъ набытью (ТБ, с. 201), водлуг **вбычаю правъ земьскихъ**: дванадцать недель (КВЗС, с. 82);

2) ‘суд, судовы орган’ (ГСБМ, 27, с. 457) в сочетаниях *быти на праве, вести право, держати до права, доводити право / правом, обрати на праве, осветчити перед правом, поднести право*: ...*вни несправедливе всветъчили мне **перед правом*** (КВЗС, с. 127), *нижли з жоною своею **яко то з отчичькою того именья хочу на томъ право поднести*** (БА, II, с. 60);

3) ‘судовы працэс, судовое разбіральніцтва’ (ГСБМ, 27, с. 457): *было право, вести право, вступати в право, выламоватися с права, высказати с права, зник права, зыскати з права, искати правом, меть право, отложити право, положити рок праву, стояти у праве, сходити с права, утратити права, чинити через право*;

4) ‘паўнамоцтва, прадстаўленая каму-небудзь свабода дзейнічаць або карыстацца чым-небудзь’ (ГСБМ, 27, с. 458) в сочетаниях *право господарское, право духовное, право прирожное, право спадковое, дати право, доводити право, просити право, тратити право*: *и мы водлугъ **правъ г(о)с(по)д(а)рьских** писаных тому человеку Богдану на Михаиле присудили корову коровою* (КВЗС, с. 84).

В текстах также употребляются разнообразные лексемы с общим корнем *-прав-*, связанные с понятиями законности / беззакония, судебной системы:

– правый 1) ‘той, на чым баку правата’, 2) ‘не вінаваты’ (ГСБМ, 27, с. 468): *и за выступъ попа есмо в томъ знашъли правого* (КВЗС, с. 88); *знашъли есмо того Мартина Черньцова в томъ правого, а Готрошъко и сынъ, и внука его Хоня тыхъ чотырохъ рублевъ грошей на нем ся не доискали* (КВЗС, с. 121);

– правный ‘прававы, юрыдычны, законны, судовы’ (ГСБМ, 27, с. 454) *способ правный, обычай правный: трѣдности никотор[ые] в том задавати и **никаким-колвекъ вбычаем и способом правны[м]*** (ТБ, с. 238), *закупленные и **таким-колвекъ вбычаем правным** в молодости лет моих через мене самого набытые* (ТБ, с. 241);

– справный ‘юрыдычна правільны, прававы’ (ГСБМ, 32, с. 228): *абы внь тые **справные** речы в нихъ моцю а не з доброе воли бралъ* (БА, II, с. 22);

– безправне ‘незаконна, самавольна, несправядліва’ (ГСБМ, 1, с. 250): *и тепер тыи земъли кнегини ее м(и)л(о)сти **безправне** пашутъ* (КВЗС, с. 357).

Для описания документов и их частей употребляются лексемы *артыкул, видымус, вырок, духовница, квит, книги, лист, маестат, тестамент (дестамент), позва, справа, статут* и др.

Лексемы *статутъ* ‘статут, звод законаў’ (ГСБМ, 32, с. 364), *артыкуль* ‘артыкул, параграф, раздзел’ (ГСБМ, 1, с. 145) употребляются при указании правовых документов ВКЛ: *и право ему казало каранье вчинити*

такое, яко в *Статуте тотъ артыкулъ на розбоиники вписуеть* (КВЗС, с. 124); *чотыры недели водле обычая права и Статуту земьского* (КВЗС, с. 203), а и ж тот *выпис через трои роки земские ведле Статуту права посполитог(о) припадающие* (ТБ, с. 220).

Лексема *книга* в значении ‘сшытак для дзелавых записаў’ (ГСБМ, 15, с. 141) употребляется в сочетаниях *книги судейские, судовые, земские, кгородские, книги справ кгородских, книги справ земских, книги справ судовых земских*.

Лексема *справа* в значении ‘збор дакументаў’ (ГСБМ, 32, с. 215) употребляется в сочетаниях *справы вечистые шляхетские, справы матчыны*.

Лексема *листъ* в значении ‘афіцыйны дакумент, указ, паведамленне, грамата, сведчанне’ употребляется в сочетаниях, которые обозначают разные виды документов: *купный, закупный, купчий, продажный, увязчий, дозволенный, дельчий, заставный, меновный, веновный, вызнанный, судебный, еднальный, еднанный, лист вмовленный, лист записанный, лист слушный, неслушный, неблагословенный, листы потребные записные, лист земельный, лист фальшивый, лист вспоминальный, лист позовный* и др.

Для обозначения завещаний использовались лексемы *духовница, тестамент, дестамент*. Для обозначения приговора суда использовалась лексема *вырок*.

Лексема *квитъ* в значении ‘дакумент, якім што-небудзь пацвярджаецца, загадваецца’ (ГСБМ, 15, с. 26) употребляется в сочетаниях *квит сознанья, квит интромисийный, квит возный: В того квити возного печати три притесненных* (ИЮМ, 31, с. 65).

Лексема *позва* в значении ‘выклік у суд, павестка, позва’ (ГСБМ, 26, с. 5) употребляется при описании судебного процесса: *в томъ ниіакими причинами правными, позву и року не збиваючы ничым* (ИЮМ, 31, с. 76).

Лексема *выпись* в значениях 1) ‘выпіска з дакумента, копія’, 2) ‘запис, пісьмовы пераказ паказанняў’ (ГСБМ, 6, с. 13), употребляется в сочетаниях *выпис судейский, выпис кгородский*, в текстах содержится и подробная характеристика: *выпись с книгъ кгородских замьку г(о)с(по)д(а)рьского воеводства Вит[е]бского* (ТБ, с. 191). Лексема *впись / упись* имела значения 1) ‘запис у канцелярскую кнігу’, 2) ‘плата за ўнясенне, упісанне дакумента ў канцелярскую або судовую справу’ (ГСБМ, 4, с. 228, 230).

Лексема *запись* в значениях 1) ‘дзеянне па дзеяслову записаці’, 2) ‘тое, што запісана, запис, дакумент’, 3) ‘дагавор, абязацельства’, 4) ‘дакумент аб якім-небудзь юрыдычным акце (аб прыналежнасці маёмасці, завяшчанні, падараванні, продажы і інш.)’, 5) ‘распіска’ (ГСБМ, 11, с. 81–82) встречается в витебских текстах с конца 20-х гг. XVI в.: *и вна перед[ъ] нами запис в[ъ] втца своего Порѡеновъ положила* (БА, II, с. 17), *и на то внъ запись его перед нами вказывал* (КВЗС, с. 64).

Лексема *опись* в значениях 1) ‘дакумент аб якім-небудзь юрыдычным акце’, 2) ‘дагавор, абязацельства, распіска’ (ГСБМ, 22, с. 252) употребляется

в сочетаниях *добровольный опис, добровольный вечистый опис: чыню іавъно самъ на себе симъ моимъ zostавънымъ листомъ и добровольнымъ описомъ* (ИЮМ, 31, с. 74) и характерна для текстов конца XVI – начала XVII в.

Для названия документов используются также лексемы *декрет, выдумус ‘копія, выписка’* (ГСБМ, 3, с. 258), *маестат, оповеданье*.

Группа терминов связана с именованіем лиц:

– составные термины с лексемой *люди*: *люди владычные, заседелье, зарубежские, зацные, княжие, оселье, отчизные, панские, подводные, постронные, путные, сторонные, торговые, тяглые* и др.;

– термины, обозначающие социальный статус человека, его чин: *бoryшник, боярин, боярыня, воевода, войт, вradник, городничий, господар, дворанин, державца, жибентяй, князь, княгиня, ключник, конюшок, кормник, король, королева, купец, лазебник, мещанин, мещанка, наместник, наметничок, осочник, слуга, служебник ‘службовая асоба нiжэйшага рангу’* (ГСБМ, 31, с. 445), *соколник, подданный, подскарбий, потужник, староста, тивун, трубач, хоружий* и др.;

– термины, обозначающие церковные чины: *дьяк, владыка, поп* и др.

При характеристике системы судопроизводства используются термины, которые называют

– виды судов: *суд головной трыбунальскій, суд земскій, суд кгородскій, суд копный, суд подкаморскій*;

– представителей судебных органов: *вижъ ‘службовая асоба, абавязкам якой было засведчанне прыкмет злачынстваў, удзел у iнвентарызацыi маёнткаў’* (ГСБМ, 3, с. 260), *дьякъ, децкiй ‘пасыльны пры велiкакняжацкiм двары, судовы выканаўца’* (ГСБМ, 8, с. 73, 75), *судья, писарь, подсудокъ*. В древнерусской традиции для указания человека, писавшего грамоту, использовалась лексема *дьяк*, употребление в витебских текстах лексемы *писарь*, заимствованной из польского языка, свидетельствует о том, что происходит «разрыв светского, государственного делопроизводства с византийскими традициями» [136, с. 18];

– участников судебного процесса: *бoryшникъ ‘пасрэдник, сведка пры гандлёвай здзелцы’* (ГСБМ, 1, с. 199), *истец, жалобникъ, сведок, сторона*;

– нарушителей закона: *кгвалтовник, персона кгвалтовная, человек подоизренный*;

– различные противоправные действия: *бой, втиск, головицина, грабеж, драпежство, кгвалт, кривда, наездка, похвалка, разбой, шкода: абы внъ намъ черес[ъ] то до права крывдъ, кгвальтовъ, шкодъ, грабежовъ, боевъ, головицинь, наездокъ и похвалокъ никоторыхъ не делалъ и далъ намъ во всемъ впокой* (БА, II, с. 36);

– виды наказаний, штрафов, пошлин: *карати горлом; вина, децкованье, противень; дань, плата, навязка, посекирицина ‘грашовы падатак*

замест удзелу ў цеслярскіх работах' (ГСБМ, 27, с. 142), *проездное, служба тяглая, служба пригонная*;

– общие названия судопроизводства: *довод слушный, присяга, сведецтво, увезанье* 'увод ва уладанне паводле рашэння суддзі' (ГСБМ, 34, с. 205), *порука, придаток, задаток, впасть в заруки, выпустить с заруки*.

Особую группу представляют собой термины, обозначающие названия различных денежных единиц: *деньги, гривна, грош, грошик, золотой, копа, монета, пенязь, рубль*.

Лексема *пенязь*, заимствованная из польского языка, употреблялась как название денег вообще: *мы ему в[ъ] тот[ъ] воскъ пенези брати* (БА, II, с. 30) и при указании типа денежных средств: *поручные пенези* 'сума грошай, якую абавязваўся заплаціць паручыцель у выпадку парушэння яго ручальніцтва' (ГСБМ, 24, с. 79), *пенези позычоныя, пенези белые* 'мелкая монета' [102, с. 58], *пенези битые* 'чаканенныя' (ГСБМ, 2, с. 17). Количественные числительные с лексемой *пенези* употреблялись в единичных случаях, как правило, использовались сочетания с местоимениями *тыя пенези, вси пенези*. Распространяется сочетание *певная / тая сума пенезей*: «Сведома л ты, иж бы муж твои позычылъ **В**трошъку **тую суму пенезей**, яко в листе вписано?» (КВЗС, с. 130).

Лексема *золотой* использовалась в витебских текстах с числительными: *которымъ давано по петидесять золотыхъ кождому на год* (КВЗС, с. 91). В единичных документах использовались лексемы *алтын, гривны, деньги*: «...**деньги** тые хто в тебе видалъ а где еси взялъ?» (КВЗС, с. 196), *указали на нем сто **гривень** золота* (КВЗС, с. 160).

Лексемы *рубль, копа* употреблялись, как правило, с лексемой *гроши* для обозначения конкретного количества денежных средств: *вчинилъ ми шкоды на **пять копъ грошей** кром травы, итожъ есми травилъ... выдал[ъ] дей мя тот[ъ] Перевалка пану Я ну Скинъдеру в поруце **десети рублехъ грошей**, а в того-жъ моего коня были посварылися, и панъ Я нъ Скиндер[ъ] взялъ в мене поставъ сукна за **чотырынаццаць копъ грошей*** (БА, II, с. 5–6).

Термины широко распространены в витебской деловой письменности, что показывает развитость стилеобразующих средств в исследуемый период.

3.2 Средства репрезентации внутренней точности

Основными средствами репрезентации внутренней точности являются повторение информации, употребление предложений со второстепенным сказуемым и однородными членами, употребление уточняющих и поясняющих конструкций, сложных предложений с придаточными определительными и условными.

3.2.1 Повторение информации

Поскольку в основе точности лежит принцип повторения смысла как «необходимое условие появления и существования текста» [256, с. 40], к одному из важнейших средств внутренней точности следует, по нашему мнению, отнести и повторение наиболее значимой информации. Среди способов повторения информации можно назвать такие, как: 1) полные лексические повторы одного слова, группы из нескольких слов или целых отрезков текста; 2) употребление однокоренных слов; 3) использование синонимов; 4) широкое распространение личных, указательных и относительных местоимений.

Согласно верному замечанию С. И. Виноградова, повторы текстовых единиц связаны с системой ценностей и оценок, так как «здесь мы тоже имеем дело с выбором, причем неосознанным: повторять или не повторять соответствующую единицу, и если повторять, то каким образом» [51, с. 266]. Повтор неоднократно становился предметом исследования в лингвистических работах, связанных с анализом стиля деловых текстов: изучался как одно из средств когезии текста, анализировался с позиции выполняемых функций в деловых текстах. В деловых текстах используются полные лексические повторы при упоминании субъектов, объектов, значимых действий, географических наименований, наименований документов, абстрактных понятий. Т. В. Милевская указывает на то, что «под лексическим повтором следует понимать употребление тождественных лексем (точный повтор) или лексем с одинаковыми, однотипными морфемами (гомеологический, деривационный повтор) в разных предикативных частях сложного синтаксического целого» [237, с. 158]. При этом «контактно или дистантно расположенные дублирующие лексемы обладают двусторонней направленностью – как по отношению к вербализуемому концепту, так и по отношению к самому тексту, скрепляя его, тем самым, и на уровне семантическом, и на уровне структурно-композиционном. Текст, насыщенный повторами, предстает ритмически организованным» [237, с. 168]. Л. В. Глухих отмечает такие повторы в деловых эпистолярных текстах конца XVIII – начала XIX века, как повторы именованных ответственных лиц, обращений, ключевых слов и фраз, названий документов, сходных частей блоков основного содержания, канцеляризм (вышеупомянутый) и др. [85, с. 174–177].

Для повторения информации в витебских текстах используются следующие способы: 1) полные лексические повторы одного слова, группы из нескольких слов или целых отрезков текста; 2) употребление однокоренных слов; 3) синонимы; 4) широкое распространение личных, указательных и относительных местоимений.

1. В употреблении полных лексических повторов определены следующие закономерности:

а) наиболее распространенные составные повторы используются в тех случаях, когда называются представители верховной власти: *с пана нашего(о) приказаньемъ, нахсвѣщенѣишаго Короля.., иже ми панъ наш нахсвѣщенѣишій Корол, ... для пана нашего К(о)роля его м(и)л(о)сти, ... для пана нашего нахсвѣщенѣишаго(о) Короля, ...а пан нашъ нахсвѣщенѣишій К(о)рол...* (ВРА, I, с. 26); составные повторы характерны и для упоминания коллективных официальных лиц, которые выступают в роли адресантов или адресатов писем, при этом возможно усечение полного наименования коллективного лица в случае второго, третьего или последующих упоминаний за счет пропуска относительных прилагательных; при упоминании других лиц (не адресанта и адресата), о которых шла речь в документе, могли использоваться как составные, так и простые повторы;

б) повторяются наименования объектов, значимых действий, географические названия, наименования документов, отдельные абстрактные существительные, некоторые прилагательные и наречия: *котораіа четвертаіа часть приходила на мене и на брата моего рожоного кніазіа Константына Богдановича Друцкого-Соколинского, а въ той четвертой чусті намъ належачой прийти бы мела на мене половица четвертое части от помененого брата моего кніазіа Костантына Соколинского* (ИЮМ, 31, с. 21); *двор мои и с поддаными моими бѣлевскими в моцы и в держаню своем и з сынами моими мають метъ и мешкат, з моцы их жаден чол[о]векъ, так з близких крєвных и повиноватых моих воимовати не маеть ани бѣдетъ мочы* (ТБ, с. 246).

Особый тип лексического повтора используется при выражении указаний на совершение противоположных действий или антонимичных явлений: *речи рухомые и нерухомые, кгрунты пенные и непенные, быдло рогатое и нерогатое, речи стравные и нестравные: нижли штося ткнуть тыхъ всих[ъ] стравных[ъ] речей, што на нас[ъ], на кони прислушало, то вни все з доброе воли мне давали, а штося дотычетъ тыхъ нестравныхъ речей* бранья, што менуете на слуги, того есми у вас[ъ] имъ брати не казалъ... (БА, II, с. 22).

2. Среди однокоренных слов распространено употребление глаголов и отглагольных существительных *тым писанемъ* моим... *што (я)мъ перве сего писал до в(а)шее м(и)л(о)сти* (ВРА, I, с. 36), глаголов несовершенного и совершенного вида: *што-жъ внѣ намъ в лес[ъ] в[ъ] Мудреный Лугъ не дозволяетъ вступа мети и зверъ ловити и борѣти и буды в[ъ] томъ лугу держати, а самъ въ томъ лугу и будю держитъ и зверъ ловитъ, а тотъ Лугъ звековъ нашъ цотовый, в[ъ] который есмо входы мевали и борѣти держали и зверъ ловливали алижъ по самы Храповичи* (БА, II, с. 45), разнообразных приставочных глаголов. Встречаются отрезки текста, в которых употребляются однокоренные глаголы, глагольные формы (причастия и деепричастия), существительные, прилагательные, наречия: *которого мы листу и выпису такъ кгородского, іако и земского, печатей и подпису рукъ*

огледавши и достаточне вычитавши, за прозбою пана Кузминьского до книг земьских **вписати** велели; который **выпис** с початьку и до конца **уписуючы** до книг слово отъ слова такъ се в собе маеть (ИЮМ, 31, с. 9); на роках **судовых** земьских... въ замьку государьскомъ витебьскомъ **судовьне** отправуючых, передо мною Балцеромъ Богдановичомъ Староселскимъ **судею**, Григорьемъ Костантынвичомъ Косовымъ **подсудькомъ**, а Аньдреемъ Іарошевичомъ Осиповьскимъ писаромъ врадъники его милости государскими витебьскими **судовыми** земьскими (ИЮМ, 31, с. 15).

3. Случаи употребления синонимов в смысловом отношении сходны со случаями употребления повторов. Для витебских текстов характерна а) замена распространенного именованія адресата сочетанием *вашей милости*, которое могло многократно повторяться в тексте далее: *...и всего доброго розмножени **вашое м(и)л(о)сти**...* . Также што ***ваша м(и)л(о)сть*** писали до насъ, *...и **ваша м(и)л(о)сть*** его поимавши до насъ прислали. Ино мы ***вашой млсти*** за то велико дакъѣм и хотим ... ***вашой млсти*** тежъ вѣдавати, в чомъ сѧ колвекъ ***вашой м(и)л(о)сти*** к намъ зда (ВРА, I, с. 28); б) замена лексемы, обозначающей правителя, на лексему *господарь*; в) употребление синонимичныхъ глаголов: *ни знаемъ, ни ведаемъ: а мы ихъ розбивати не розбивали и грошеи тыхъ не вѣтънимали, **ни знаемъ ни ведаемъ*** (КВЗС, с. 123).

4. Значительна роль местоимений при повторении важнейшей информации. В случае соотнесения с одним из текстовых выражений они реализуют анафорическую функцию. В исследованных текстах эту функцию выполняют

– местоимения 3-го лица и соотносимые с ними притяжательные местоимения: *также сыны мои молодшыя тры до летъ **ихъ** зѣшолныхъ* (ТБ, с. 206), *а наперьвеи дѣтей сына моего старшого Васильѧ, двухъ дочокъ **его*** Полонеи а Раины (ТБ, с. 198);

– местоимение *то* в различных падежных формах: *и мы **тому** зрозумевъшы и ихъ речей зъ obu сторонъ выслухавъшы* (КВЗС, с. 190), *мы пытали на **то** съ obu сторонъ доводу* (БА, II, с. 60);

– в анафорической функции могут использоваться относительные местоимения *что, который*: ***которые** писане наше в(ашее) м(илости) рачили ѿчтивѣ принати и вагу тую справити, **котораѧ** таѧ вага направѣнаѧ к намъ до Витебска, еще потребуѣтъ, ижбы была спробована и съцѣлевана зъ вагою в(ашее) м(илости) рызскою* (ВРА, I, с. 33).

В артиклевой функции могут быть использованы указательные местоимения, если напоминают о хорошо известном: *послаломъ до в(ашей) м(илости) мещанина... и **тому** мещанину...* (ВРА, I, с. 31), *пану Томашу Щуце и мальжонце **его** и **тому**, у кого сѣсъ нашъ листъ будетъ держати и спокойно ужывати, и вольно тежъ будетъ часу потребы суму пенезей **тую** заставу нашу село Вордежанъ трохъ подданныхъ в **томъ** селе Воздержыне зѧ*

*всими ихъ земліаи, кгрунѣты и пожытки кому похочеть в **той** суме не-
незей и **тымъ** же рокомъ и правомъ заставити и завести* (ИЮМ, 31, с. 79).

Дейктическую функцию выполняют личные местоимения 1-го и 2-го лица и соотносимые с ними притяжательные местоимения *мой, твой, наш, ваш*, местоимение *свой*, употребление которых связано с отсылкой к пишущему или читающему. Такие случаи наблюдаются в разных текстах: *даю сіе сознание **мое** с печатью **моею** и с подписомъ руки **моее*** (ИЮМ, 31, с. 4).

Особое место среди средств, определяющих повтор информации в исследованных документах, занимают стилистически окрашенные лексемы, которые не употребляются в других стилях речи: *вышейпомененый, нижейописаный* и т. п.

3.2.2 Синтаксические средства репрезентации точности

Синтаксис играет значительную роль в стилистической организации текстов, так как «целый ряд синтаксических явлений присущ деловому тексту в силу его стремления к максимальной полноте выражения» [308, с. 75]. Среди таких явлений можно назвать употребление 1) второстепенного сказуемого, 2) однородных членов, 3) уточняющих и пояснительных конструкций, 4) сложноподчиненных предложений с придаточными условными и определительными.

3.2.2.1 Второстепенные сказуемые

Распространенное употребление в деловых текстах второстепенных сказуемых, выраженных деепричастиями или деепричастными оборотами, также многократно отмечалось исследователями. Нам близка точка зрения М. Ю. Федосюка [370, с. 102–109], который определяет такое явление как один из способов отражения точности официального стиля, поскольку использование вместо деепричастных оборотов самостоятельных предложений делало бы целый ряд этих предложений одинаково значимыми для коммуникации, тогда как в нашем случае обычным сказуемым называется наиболее значимая информация, а с помощью второстепенных – информация важная, но дополнительная.

Второстепенные сказуемые отмечены нами во всех жанрах исследованных текстов: *а **которые** витьблянинъ **умирая** отъкажетъ кому **оста-
токъ** своего имениа, и в то намъ не вступоватися* (ППБ, с. 91); *а такъ **ноч[ь]**
зашла и, **конца есмо не вчинивши**, с[ъ] тое земли **вышли*** (БА, II, с. 45), ... *и
томъ, **штожъ** заложили собе з **обу** сторонъ **рокъ** праву на землю **зъехатися**,
хотечи **промежи** себе **справедливостъ** **вчинити**, а такъ **и**на **заложивши**
рок праву и не стала, а **тамъ** на **тот[ъ]** **рокъ** з **людьми** добрыми **сталъ**,*

и в томъ шкoдую собе много, **на то ся беручи** (БА, II, с. 58), а такъ, мы, **выслужавши ихъ речеи з obu сторонъ**, и **бачечи то**, иж тотъ тивунъ с поту-жниками никоторого лепъшого и достаточънейшого, а слышного доводу не мели, **и не чиначи того коротъко**, пыталъ есми тыхъ пановъ бояр ви-тебскихъ... (КВЗС, с. 350), а прото **ѧ**, Стефанъ Лускина, ловъчыи **ѡ**продре-чоныи, **бѡдѡчы** есми на сес часъ з ласки **Божееи ѡ**способномъ здоровью и зѡпольнымъ розѡмомъ своимъ встаточънои ѡваженьемъ, з доброю памятью, **бо ведаючы тежъ то**, ижъ по смерти людъскои в маетность дочесънѡю посполите бывають розърѡхи и ростырки немалые, **чомѡ в час забегаючы**, **ѧ**, грешныи, **приводечы по собе приѧтели свои до покоѧ и до доброго по-радъкѡ**, абы по животе моемъ в ѡбогѡ маетность мою набытѡю никото-рыхъ ростырковъ и гневѡ не мели (ТБ, с. 197);

В употреблении второстепенных сказуемых прослеживаются следу-ющие особенности:

1) существует определенный ряд лексем, которые наиболее часто употребляются в функции второстепенного сказуемого: а) формы глаголов *быть, хотеть* – *будучи, хотячы*: *ижъ князь бискупъ, будучи* духовнымъ, *не могъ в головицу никоторого на конецъ права мети* (БА, II, с. 33), б) формы глаголов с ослабленным значением, которые используются в со-ставе устойчивых сочетаний с расщепленным сказуемым: *держучи, чы-нячы*, в) формы приставочных и бесприставочных глаголов движения: *идучи, приишодыи* и др., г) формы глаголов местоположения *лежащый, стоячы*, д) формы глаголов речи: *мовячы, поведаячы, ркучи*, е) формы гла-голов, которые обозначают возможность услышать или увидеть текст: *вы-служавши, огледавши, бачечи*;

2) в диахронии прослеживается увеличение случаев употребления второстепенных сказуемых в витебской деловой письменности. Это прояв-ляется как в замене конструкций со сказуемым, выраженным спрягаемой формой глагола, на конструкции с деепричастиями (*стояли перед нами очевисто – постановивши вбличъне* (ТБ, с. 196)), так и в увеличении ко-личества второстепенных сказуемых в сходных структурно-смысловых ча-стях текстов одного жанра.

Так, например в дарственном листе XV века нами зафиксирован один такой случай: *волен ег(о) м(и)л(о)сть сам держат(и) або продати и заменит(и), комѡ хочет втдати, куда хотѧ повернѡт(и)* (Пазд., с. 119), а в более поздних тестаментх только в одном фрагменте текста можно встретить 4 и более случаев употребления второстепенных сказуемых: *иж ѧ, бѡдѡчы вт П(а)на Бога хоробою навежоныи а ведаючы то, же кождыи чоловекъ хреститѧнскии на сем свете не маеть собе ничего певне-ишого, вдно смерть. Ведже ѧ, бѡдѡчы* еще в добром розуме и змысле мо-ем, *помнечы* на то, абы по жывоте моемъ в вбогую маетност мою ле-жачѡю и рухомѡю малжонка и дети и прыѧтели мои сваров и розстыр-

ковъ некоторых не чынили, але ижбы во всем водлуг сего тастаменту встаточное воли моее переставали (ТБ, с. 246).

3.2.2.2 Однородные члены предложения

В витебской деловой письменности однородные члены употребляются в разных частях текста (в зачине, содержательной части, концовке), в такие ряды входят главные и второстепенные члены предложения:

– подлежащие: *а **ѿ** ани **ж**она моя в[ъ] том[ъ] ничего невинъна* (БА, II, с. 17);

– сказуемые: *а **д**оровали ес(ь)мо и **д**али г(оспо)дин⁸ дяд(е) нашем(у) пан(у) Иван(у) Ильинич(у) вѣчно и непор⁸ѣно* (Паздн., с. 119); *абы тотъ тестамент небожыка п(а)на втца его п(а)на Андреа Сивицкого **про-читан** и до книг справ судовых кгородскихъ воеводства Витебског(о) **был** **ѿ**нсан* (ТБ, с. 204–205);

– дополнения: *которои тои жонце втпис⁸ю с тое маетности моее р⁸х⁸омое **д**вое **в**вез, свинью, и **ѿ**б⁸к⁸ см⁸ѣков⁸ю* (ТБ, с. 250);

– определения: *для чого купцы витебскии, зволивши сѧ вси, **ѿ**мыслили накладомъ своимъ вагу **новую** а **справедливую** вчинити* (ВРА, I, с. 30);

– обстоятельства: *але зо всимъ тым, іако тые подданные **в** **пліацах**, **огородах** **в** **кгрунтех** и **пожытках** своих мають* (ИЮМ, 31, с. 79).

Средством связи однородных членов обычно выступают интонация и разнообразные сочинительные союзы *и, а, але, ани.., ани* и т. д. Фиксируется употребление сочинительных союзов, отличающихся оттенком «книжности»:

– также / также: *тогда то так варую, иж имене мое Добрыно, лежащее **ѿ** воеводстве Витебскомъ, и всю маетност мою, лежащую и рухому, **ѿ**ко ж кольвек названую, **также** сыны мои молодые тры до летъ ихъ з⁸полныхъ, Александра, Юра а Григора поручаю и злецаю симъ тестаментомъ моимъ в опеку сыномъ моим старшимъ, летъ дорослымъ* (ТБ, с. 206); *прето деи ижъ листовъ земельныхъ дельчих, ани тастамент⁸ небожыка втца моего, **также** пани матчыныхъ справъ ни где, ани иныхъ листовъ на враде г(о)с(по)д(а)рьскомъ до книгъ с⁸довыхъ вечистых не вписованы* (ТБ, с. 183);

– такъ.., яко: *а што се дотычет чел⁸ди моее дворное неволное **такъ** мужского, **ѿ**ко и женского рожая и их детей* (ТБ, с. 242);

– какъ.., такъ: ***какъ** взялъ в мене слуга твой того коня, **такъ** ми его не втдавалъ* (БА, II, с. 23);

– не только.., але и: *и панъ воевода его м[и]л[о]сть Подляшский **не только** водле правъ, **але** и над[ъ] права сведомье людей добрыхъ давалъ* (БА, II, с. 86).

Употребление однородных членов предложения связано с перечислением

– действий: *штожь дей внъ мене заговаль децкимъ и до дому не пустилъ... жесми был казалъ свое сукно взяти и отдати своему сыну поспол[ъ] з жемчугомъ, ино мне того сукна подскаръбей не дал[ъ], взял[ъ] его Тишко Селезеневъ и войту не втдалъ* (БА, II, с. 5);

– различных лиц: *бо внъ здавъна и предки его на томъ перевозе Барвинскомъ возили* (КВЗС, с. 73);

– собственности или ее характеристик: *и взяли два узголовья великихъ закладныхъ пуховыхъ а простирь две, сорочокъ пять, простицы три, коня паньского стада зъ седлом волоскимъ и с уздою, кобеля немецкого з ланьцухомъ, корову белую, а другую рыжую, а вола, ввещ всмеро, трое свиней а бчолы двои у коренехъ* (КВЗС, с. 76);

– границ: *іако се тых две службы земъли наше Тумищовское сами у собе у границах, у межах и въ в обыходех своихъ мають* (ИЮМ, 31, с. 25).

В пределах одной предикативной единицы используется несколько рядов однородных членов: *бурмистром и паном ризким и всем вранником мѣста Ризског(о), вт воита витебског(о) Федора Григорьевича и вт мещан витебскихъ, чоломбите и вѣрная приязнь* (Доўн., с. 75).

Для исследованных текстов характерно употребление обобщающих слов при ряде однородных: *...и кругъ земли за селомъ Тумищовичы, прозываемый Овѣтушковський водле земъли пана Станислава Светицького и пана Корнила Превальского зо всим на все, зо всіакими пожитками ку той земли моей належачыми и прислухаючыми, зъ земліаи пашными и непашными, з ліады и з ліадыщамі, з сеножатми, з деревомъ бортьнымъ, со мѣхи и болоты, с пруды и прудыщами и сажовками, іако се таіа часть земли сама в себе въ широкості и округлости, в межахъ, у границах и обыходех своихъ маеть* (ИЮМ, 31, с. 12).

Синтаксические конструкции, изобилующие однородными членами предложениями, – стилеобразующее средство деловой письменности эпохи Средневековья, так как их использование помогает сделать текст грамматически более сжатым, а информационно более насыщенным.

3.2.2.3 Уточняющие и пояснительные конструкции

Особую значимость в деловой письменности имеют синтаксические конструкции со значением уточнения и пояснения.

Среди уточняющих членов предложения в витебских деловых текстах встречаются

– обстоятельства, указывающие на место: *не было в обычаю, абы тѣтъ, 8 Витебскѣ, мели быть книги сѣдовые земьские або кгородские*

хованы (ТБ, с. 182) или время: *писанъ у Витебску 1600 года, 27 марта* (ИЮМ, 31, с. 90), *лета отъ нароженья Сына Божьего тисеча пѣатъ сотъ деветъ десѣат второго, м-ца августа, осмѣнадцатого днѣа* (ИЮМ, 31, с. 4);

– определения, указывающие на возраст: *поручаю и злецаю симъ те-
стаментомъ моимъ в опеку сыномъ моимъ старшимъ, летъ дорослымъ* (ТБ, с. 206).

Основным типом пояснительной конструкции в исследованных текстах являются конструкции с союзами *то есть*, *меновите*, которые обычно используются при указании срока: *и рокъ есмо заплате положи-
ли: чотыры недели, то есть встаточьныи рокъ – на шостои недели, во
второкъ* (КВЗС, с. 304), периода (времени): *ино дата стоитъ, якъ пи-
санъ, м(е)с(е)ца декабра второго дня, инъдикта третего. А то есть
тотъ листъ писанъ вже по смерти мужа ее близу полугодя* (КВЗС, с. 276), *и той заплате роки есмо положили два, по чотыры недели,
то есть всмъ недель* (БА, II, с. 31).

– именовании лиц: *а печать в того листа сына власного Ивашькова
Голядцкого на имя Мишькова, то есть и втѣца того Ивана*, *которыи
под Некрашомъ тое земѣли повторе перед нами искал* (КВЗС, с. 169), ...
*при бытѣности людей зацѣных, а меновите при его милости пану
Анѣдрею Воропаю, писару земьскомъ Оршаньскомъ, а при его милости
пану Іакубу Богушевичу Мецковьскомъ и при его милости пану Василью
Сумороку, а при пану Себестіану Буромъ и при пану Крыштофу
Утеховскомъ* (ИЮМ, 31, с. 4);

– перечислении денежных сумм: *тогда подымаетъ ему за кожѣдого
ч[е]л[о]в[ѣ]ка десять копъ, то есть тридцать копъ грошей* заплатити
(БА, II, с. 70) или объема собственности:

Пояснение может быть отнесено к обобщающему слову перед рядом
однородных членов предложения: *которое тое именье заразъ в моцъ,
держанье и въ вечное уживанье помененому пану Войне заразъ при мне
возном подалъ и при стороне при мне будучой, то есть: при Марѣтину
Дмуховскомъ а при Щасномъ Рымъшы зо всимъ на все, то есть зъ дво-
ромъ, зъ гумномъ и зо всеми боіары и людѣми оселыми и зо всимъ спра-
томъ домовымъ* (ИЮМ, 31, с. 4).

Возможно употребление уточняющих и пояснительных конструкций
в одной предикативной единице: *а веджо я с него ся вынести хочу завтра
ж, у суботу, перед светым Клименѣеом, то есть на первой недели,
уступивши у Филипов постъ, нояб(ра) 19 д(е)нь* (ЛМ, 225, с. 136).

Наличие значительного числа уточняющих и пояснительных кон-
струкций показывает нам высокий уровень сформированности официа-
льного-делового стиля уже в период XVI – начала XVII в.

3.2.2.4 Сложноподчиненные предложения

В исследованных витебских текстах используются сложноподчиненные предложения разной структуры, с разными типами придаточных частей, разными средствами связи. Характерными для деловой письменности являются сложные предложения с придаточными определительными и придаточными условными.

1. *Придаточные определительные* части относятся к существительному и либо содержат характеристику предмета, либо раскрывают его существенные признаки. В старобелорусских памятниках в качестве средств связи придаточных определительных было возможно употребление местоимений *который, який, яковый, каковой, какой (какий), чей, кто, что, иже, еже, яже*, наречий *где (кгде, кгдем), идеже, как, кгда, когда, коли, куды, откуль, поки, як* [333, с. 50]. В древнерусском языке наиболее распространены придаточные определительные с местоимением *что*. В исследуемых нами текстах самым распространенным типом придаточной определительной является определительная с относительным местоимением *который*, находящаяся как в постпозиции, так и в препозиции по отношению к существительному. Это соотносимо с особенностями текстов ст.-рус., поскольку здесь такое распространение фиксируется в XVI–XVII в. [36, с. 129–130]. Употребление придаточных определительных имеет закономерности, связанные с

- расположением придаточной по отношению к главной части: превалируют постпозитивные придаточные, тогда как случаев употребления в препозиции немного, возможно употребление нескольких придаточных по отношению к одному определяемому;

- использованием придаточной части для характеристики собственности, документов и их содержания, субъектов, денежных средств, срока исполнения распоряжений.

Наиболее часто придаточные определительные используются при

- описании имущества, движимого или недвижимого: *и в куплены, котории будут куплены з нашим дозволенем, и в безатицыны, и в отмерьыны витебскии тежъ не маемъ вступатися* (ППБ, с. 67);

- характеристике субъекта делового текста: *а притомъ были и того добре сведоми его милость кнѣзь Павелъ Друцкий Любецкий братъ мой, а его милость панъ Григорей Ленковъский хоружый повету Оршаньского и его милость кнѣзь Дмитръ Одинцевичъ Багриновъский, которые ихъ милость будучы того добре сведоми и за устною и очевистою прозбою мою печати свое приложили и руками властными подписати рачили* (ИЮМ, 31, с. 22);

- характеристике документов и их содержания: *и тая Клушина перед нами духовъницу положила, у которой духовъницы написано* (КВЗС, с. 279);

– характеристике денег: *што-жъ вна мне винъна два рубли грошей широкихъ, которые мне теща моя наймя Мавра Мишковицъ и дочце своей жоне моей Ганъне в[ъ] духовницы своей втписала* (БА, II, с. 43);

– характеристике и уточнении сроков: *казали есмо верънути водлугъ листовъ г[оспо]д[а]рьскихъ вт[ъ] сего дня в[ъ] тыдень во второкъ, которыи будетъ вк[тябр] аг [11] д[е]нь* (БА, II, с. 37), *втъ Зборное недели за всмъ недел, которыи жо вни рокъ с obu сторонъ приняли* (КВЗС, с. 67), *и просили насъ в рокъ, на которыи бы мели перед нами стати и в отъказе в тых речахъ Ждану быти* (КВЗС, с. 87);

– характеристике границ: *и конецъ тому вчинили и грани положили, которые служебникъ пана Сопежин[ъ] тутошний, болярынъ Ждан Юшковицъ, с[ъ] посланья его м[и]л[о]сти, клалъ* (БА, II, с. 45).

В витебских деловых текстах используются также придаточные определительные с местоимениями и наречиями

– што... : *и з ынъшими потужники своими, што ихъ есть в[ъ] Козловичохъ, забрали за себе пять земель пустовъскихъ Лужосенъскихъ* (БА, II, с. 53);

– хто: *маеть того заводцу перед нами ставити, хто ему того чловека заставилъ* (КВЗС, с. 202);

– чый: *тогда чьи светъки годнеишые будутъ, тотъ маеть ку доводу и присязе допустити* (КВЗС, с. 268);

– где: *который же листъ его вказывали перед[ъ] нами, где-ж[ъ] есть вписано* (БА, II, с. 31).

Среди условных предложений в рассматриваемых текстах распространены придаточные с союзами:

– коли, которые фиксируются с XV века: *сознаемъ сами на себе сим нашим листом каждым(у) добром(у), коли ком(у) бедет постреб(а) ег(о) видети або слышат(и)* (Пазд., с. 119); *колижъ есми того не зыскаль, га в другое вашей м[и]л[о]сти жалую* (БА, II, с. 5);

– если / естъли: *если бы которыи з нихъ буд мужского або белоголовского стану не похотели 8 дворе 8 сыновъ моихъ жыти, в томъ имъ волность таковую заховую* (ТБ, с. 209), *а если ж бы и самъ стати не хотель, тогда мы маемъ сказаньемъ вчинити водле бегу и вбычая права земского и водле Статута* (КВЗС, с. 223);

– кгда: *кгда бъ сама кнегини ее м(и)л(о)сть водле позванья и права земъского хотела со мъною мовити, могъ быхъ ее м(и)л(о)сть в отъказе быти* (КВЗС, с. 201);

– ли: *будетъ ли то земля господарыни королевое ее м(и)л(о)сти вболецкая, ино ее врадникъ вболецкии маеть боронити* (КВЗС, с. 132–133);

– пакли: *а пакъ ли ж бы на тотъ рокъ того зятя своего поставити не могъ для втъистья его где далеко, теды и за другую чотыры недели, и за третью чотыры недели, где-кольвекъ зятя своего знашедишы, ку праву его вчевисте поставити маеть* (КВЗС, с. 62).

В главной части возможно употребление коррелятов к указанным союзам *тогда, tedy, ино, то, и*.

Единичны условные предложения с союзом *аще*, используемом при цитировании церковной устави: «*Правило семьдесятъ четвертое: **аще** кто божественнымъ таинам или инымъ светымъ службамъ свершаемомъ, во светую церковь вшед, или епискупу, или причетънику, или инымъ слугамъ церковнымъ досаду нанесетъ, повелеваемъ сего муками казнити и в заточенье послати. ...**Аще** и тыи божественныя таинъ и божественую службу смятатъ или свершати възбранат, мечемъ голову его да *штъсекутъ*» (КВЗС, с. 158).*

Типы распространенных придаточных частей в витебских текстах соответствуют таким типам в современных деловых документах.

Исследование текстовой категории точности показывает, что точность может быть внешней и внутренней. Средствами репрезентации внешней точности являются именованя субъектов деловой коммуникации, количественные, временные и пространственные характеристики, термины и терминологические формулы.

В именовании субъектов деловой коммуникации находит отражение мировоззрение человека средних веков, так как в состав этих субъектов включена божественная сила, при этом в судебных текстах упоминание божественной силы в основном косвенное, а в тестаентах завещатели выражают надежду на милость Бога, уверенность в возможности награды или наказания после смерти. В документах также прослеживается диспропорциональность в употреблении мужских и женских имен, так как многие документы составлены от имени мужчин.

В распространенности и подробности временных и пространственных характеристик отражается стремление составителей текстов избежать возможных недорозумений при чтении и дальнейшем использовании документа.

Количественные характеристики показывают представление как о точном, так и о приблизительном количестве, когда объем собственности передается с помощью сочетаний с определительным местоимением *весь*, формул *со всим на все, от мала до велика*.

Стиль исследованных текстов определяется и наличием специальных юридических, финансовых терминов и терминологических формул, характеризующих документы, судебную систему, частное право. В текстах одного жанра эти единицы многократно повторяются, выступают в качестве главных составляющих способов вербализации смысловых блоков.

Для репрезентации внутренней точности используются разнообразные языковые средства, служащие для повторения информации. Среди них в исследованных текстах значимы полные лексические повторы, однокоренные слова, местоимения, которые выполняют анафорическую, дейкти-

ческую и артиклевую функции, лексемы *вышейписанный*, *вышейназванный*, *нижнейписанный* и т. п.

С выражением внутренней точности связано применение таких синтаксических средств, как ряды однородных членов, предложения со второстепенными сказуемыми, наличие уточняющих и пояснительных членов предложения, сложноподчиненные предложения с придаточными определительными и условными.

Ряды однородных членов фиксируются во всех структурных частях документа. В одном предложении может быть несколько таких рядов, которые используются при перечислении субъектов деловой коммуникации, действий и т. д., могут включать обобщающие слова.

Уточняющие члены предложения употребляются при характеристике времени и места, возраста, пояснительные – при именовании лиц, указании сроков, денежных сумм.

Среди сложноподчиненных предложений стилеобразующими выступают предложения с придаточными определительными и условными, так как с помощью придаточных определительных дается развернутая характеристика собственности, субъектов и т. д., а с помощью условных предложений оговариваются возможные в будущем особенности применения документа. Придаточные определительные, как правило, присоединяются с помощью местоимения *который*, придаточные условные – союзов *коли*, *если*.

Перечень средств, которые используются для репрезентации текстовой категории точности в витебских текстах, имеет аналогию в современных деловых текстах, содержащих точную характеристику субъектов деловой коммуникации, подробные описания места и времени, характеристику количественных показателей, насыщенных однородными членами, обособленными обстоятельствами, уточняющими и поясняющими членами предложения, сложноподчиненными предложениями. Такое совпадение, а также активность в исследуемых текстах средств репрезентации текстовой категории точности, с нашей точки зрения, является достаточно весомым аргументом в дискуссии о стиле.

ГЛАВА IV

КАТЕГОРИЯ ИМПЕРАТИВНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Императивный характер изложения является одной из стилевых черт деловой письменности [308, с. 54], а рассмотрение особенностей средств репрезентации категории императивности выступает как важная составляющая исследования языка деловой письменности в диахронии.

Это прослеживается в работах А. А. Пичхадзе [290], С. Ф. Рудневой [312, с. 145], Я. А. Пеньковой [283; 284], Н. В. Полещук [263], О. А. Горбань, Е. Ю. Ильиновой, М. В. Косовой, Е. М. Шептухиной [92], Д. В. Руднева, Н. В. Пушкаревой [306; 307].

Характеристика средств репрезентации категории императивности в диахронии базируется на трудах А. В. Бондарко [34, с. 4–9], Е. И. Беляевой [29], Й. Крекича [200], Л. А. Бирюлина [31], В. С. Храковского [372; 373], В. С. Храковского и А. П. Володина [374], А. И. Изотова [142]. Учеными определены понятие императивной ситуации и ее структура [34, с. 4], особенности императивных высказываний в русском языке, под которыми понимаются «единицы речевого общения, в которых позицию сказуемого занимают специализированные синтетические или аналитические императивные словоформы глаголов несовершенного или совершенного вида без отрицания или с отрицанием» [31, с. 1]. Подчеркнута важность таких факторов, как роль в речевом акте, время появления высказывания и время исполнения действия, отношение говорящего к потенциальному действию, отношение адресата к потенциальному действию, иерархия социальных ролей коммуникантов, степень психологической близости между коммуникантами и регистр или тональность коммуникации [27, с. 75].

В категории императивности обозначены поля долженствования, запрета и разрешения, каждое из которых может содержать несколько значений. Так, долженствование включает в себя значения 1) собственно долженствования, 2) предписания, 3) предопределения, 4) установления, 5) неизбежности, 6) своевременности, 7) собственно необходимости, 8) вынужденности, 9) целесообразности, 10) самообусловленности, 11) взаимообусловленности [213, с. 11].

По замечанию Д. В. Руднева, «не все из этих значений встречаются в деловых текстах, а кроме того, даже те значения, которые встречаются в деловых текстах, реализуются при помощи не всего набора лексем, их выражающих» [308, с. 56].

В отношении деловых текстов актуальной является идея соотношения полевой структуры императивности со способами правового регулирования. Н. В. Орлова [255, с. 193] определяет такие важнейшие элементы, как обязательство, разрешение и запрет. М. А. Ширинкина называет запреще-

ние, дозволение, обязывание и констатацию [386, с. 62]). В основе смыслового содержания дозволения лежит формула «дозволяется (можно) совершать такие действия», в основе обязывания – «нужно (должно) совершать такие действия»; в основе запрещения – формула «запрещается (нельзя) совершать такие действия», констатации – формула «этот факт соответствует действительности / закону» [386, с. 62].

Средства репрезентации категории императивности в деловых текстах XIV–XVI вв. могут рассматриваться как стилеобразующие, способные «сообщить тексту стилистическую информацию, то есть стилистическое значение» [313, с. 15], такие средства «содержат экспрессию и функционально окрашенные элементы, которые имеют определенное стилистическое значение» [55, с. 56].

Они могут быть классифицированы по разным основаниям: 1) лексические, морфологические, синтаксические [386, с. 63]; 2) эксплицитные или имплицитные [255, с. 189]. Принимая первую классификацию, рассмотрим особенности использования в витебских текстах лексических, морфологических и синтаксических средств, вербализующих значения обязывания, разрешения, запрета и просьбы [306, с. 770].

4.1 Средства репрезентации обязывания

Набор *лексических* средств репрезентации обязывания в витебских текстах включает в себя глаголы, употребляющиеся в формах перфекта без связки или со связкой:

казати ‘загадваць, распараджацца’ (ГСБМ, 14, с. 224) является самым распространенным лексическим средством выражения значения обязывания в судебных витебских текстах *казаль за поруку дати* (БА, II, с. 6). Отмечены случаи употребления формы *казалем*: *казалем того коня пограбити* (КВЗС, с. 61), в которой «глагольная связка быть выступает в виде элемента -емъ, прикрепленного к причастию на -ль» [391, с. 87]. Подобные формы появляются под влиянием польского языка;

сказати: сказали есмо ему коня того имъ верънути и навезати (БА, II, с. 14);

всказати, усказати ‘загадаць, наказаць’ (ГСБМ, 4, с. 283): *панъ Иванъ Сопега въсказаль* мне в[ъ] половицы тое шкоды моее тот[ъ] домъ мети (БА, II, с. 20); *и мы подле тыхъ писаныхъ правъ усказали* тымъ слугамъ г[оспо]д[а]р[ь]скимъ тую землю держати (БА, II, с. 26);

приказати ‘загадваць’ (ГСБМ, 28, с. 300): *тогда матъки моее с ними смотърель и приказаль*, жебы вни в тую пуцу нашу жадного вступу ани входу, ани бортеи за дорогою не мели (КВЗС, с. 258); в привилеях глагол использовался и в форме настоящего времени: *приказуемъ тобе, ижъ бы еси тые вси новины имъ отъложыль* (ППБ, с. 62);

росказати ‘загадваць’ (ГСБМ, 30, с. 362): *и мы **росказали** враднику н[а]шому Левонидову там[ъ] выехати* (БА, II, с. 8);

*присудити: **присудили** есмо имъ тую часть дядковъщины его вечъне в[ъ] тыхъ н[е]н[е]зехъ, водлугъ листовъ ихъ купчихъ, держати* (БА, II, с. 25);

*велети: и **велель есми** старцу усвятъскому з мужми тамъ выити и вижа своего меломъ послати* (КВЗС, с. 327);

поручити ‘ускладаць на каго-небудзь абавязак выканаць што-небудзь; наказваць, прадпісваць’ (ГСБМ, 27, с. 38): *ижъ инъ **поручиль** ему сукно взяти в подскарбъего земъского* (БА, II, с. 5). Отметим, что в витебских заветаниях этот глагол имеет значение ‘даручаць, давяраць каго-, што-небудзь чыім-небудзь клопатам, апецы’ (ГСБМ, 27, с. 37) *а то есть по животе моемъ жону мою Ганну Колычовну **поручаю** Г(о)с(по)ду Б(о)гу Всемогуцому и в моцъ и в оборону его м(и)л(о)сти н(а)ну Кузминьскому, писару кгородскому, в опеку его м(и)л(о)сти н(а)ну Адаму Красовскому* (ТБ, с. 217).

Морфологические средства репрезентации обязывания в витебских текстах представлены

сочетанием *мети + инфинитив*, которое может быть рассмотрено не только как форма будущего времени, но и как форма, имеющая значение необходимости или возможности (ГСБМ, 18, с. 13): ***маеть** жона **моя** Ганъна Глебовъна водъле листу моего записного в тыхъ тридцати копах грошей литовъскихъ на себе **держати** и **вживати*** (ТБ, с. 184);

формами инфинитива: *а тое именье Ранено з людъми со **встакими** пожитъками ку своимъ рѣкамъ **взати*** (ТБ, с. 184); *а о обады исправа **дати*** (ППБ, с. 56);

повелительным наклонением в аналитической форме *нехай + 3-е л.: **нехай** на всихъ мещанехъ **ицеть*** (БА, II, с. 6); ***нехай** же панъ Костантын тые пенези свои **втѣтъ** **взметъ**, и листы свои **ѿморонные** чотыри на компромисѿ **верънетъ**, а мене, грешного, **прощаеть*** (ТБ, с. 201);

повелительным наклонением в синтетической форме: *Станъсе ку вечнои речы* (ТБ, с. 183).

Синтаксические средства репрезентации обязывания в витебских текстах представлены

составными глагольными сказуемыми с модальным оператором *повинен*: *тогда кождыи таковыи **маеть** и **повиненъ** будетъ за таковое спротивенъство и за нарѣиенье сего тестаментѿ встаточное воли моее со мною **розсудитсе** на иномъ свете на Страшномъ сѣде передъ Небеснымъ Царемъ* (ТБ, с. 256), встретился глагол *мусити* в значении ‘быць абавязаным зрабіць што-небудзь’ (ГСБМ, 18, с. 233): *бо кдыж в(а)ша м(и)л(о)сть **вт** нас беретє товары н(а)ши на бракъ свой ризкии чисто и справедливо, то **мусите** и свои товары намъ **давати** чисто и справедливо такъ, **яко** **вт** насъ беретє* (ВРА, I, с. 43);

составными именными сказуемыми, содержащими глагол *мети*, краткое причастие / существительное и инфинитив глагола *быти*: *тогда*

*тотъ, хто на кого помовить, а не доведеть, тымъ караньемъ самъ **маеть** каранъ **быти*** (КВЗС, с. 153); *того вна и тепер у держаньи **мает** **быти*** (КВЗС, с. 178);

придаточными с союзом *жебы*: *пыталъ есми тыхъ пановъ бояр витебскихъ..., **жебы** водлугъ сумъненья своего **поведили*** (КВЗС, с. 350).

4.2 Средства репрезентации разрешения

К лексическим средствам выражения разрешения в витебских текстах относятся глаголы

дозволити: *а панъ Сопега будучи воеводою ему того **дозволилъ** и на то лист свой ему далъ* (БА, II, с. 35);

призволити ‘дазволіць’ (ГСБМ, 28, с. 270): ***призволили** вси весполокъ с[ъ] тыхъ дворовъ и дворишовъ своихъ* (БА, II, с. 10); *и Пилецъкии к тому **призволилъ**, жебы внъ истъца того ему поставилъ* (КВЗС, с. 62);

допустити ‘дазволіць’ (ГСБМ, 8, с. 301): *через[ъ] которыи его милость нас[ъ] за се втчызны наше **допустилъ*** (БА, II, с. 36–37);

давати / дати ‘дазволіць зрабіць што-небудзь; стварыць умовы для чаго-небудзь, дапусціць’ (ГСБМ, 7, с. 260): *съ трыдцать летъ **давалъ** з доли **пахати*** (БА, II, с. 12); *...и ж тую землю **далъ держати** Дашъковой Князищовой и детемъ ее до воли г(о)с(по)д(а)рьское* (КВЗС, с. 141);

*Морфологические средства выражения разрешения в витебских текстах представлены формами мети + инфинитив: а похочеть ли в землю с нею мовити, тогды али ж правомъ **мает** тое земли под пани Копътевою **поискивати*** (КВЗС, с. 344).

Синтаксические средства выражения разрешения в витебских текстах – это конструкции

*не повинен + инфинитив: и ещо и намъ с припуженья кажутъ на замокъ воеводины кони подковывати. А мы **не повиньни*** (КВЗС, с. 270);

*не надобе + инфинитив: и мы имъ на то сесь наш листъ дали, **не надобе** имъ всихъ тыхъ веръху писаныхъ новинъ **знати*** (ППБ, с. 61);

*волен + инфинитив: **воленъ** вн кому хотя тому **служити*** (БА, II, с. 19);

*моць мають мети + инфинитив: а вни такую ж **моць мають мети** ихъ **судити**, яко и тыи вышеишписанные* (КВЗС, с. 344).

4.3 Средства репрезентации запрета

В витебских текстах запрет выражен следующими способами:

– *не велети: бо мы никому **не велимъ** новинъ уводити, а старыны рушыти* (ППБ, с. 62);

– не допускати: а намъ в томъ некоторого вжитку водлугъ вольности наше **не допускаеть** чынити (КВЗС, с. 314);

– не вступатися: и у весы витебъскии, ани в локоть намъ **не въступатисе** (ППБ, с. 68);

– не надобе + инфинитив: а нам самимъ и детем нашим и ближним нашим ником(у) из род(а) нашег(о) оу те сел(ь)це **не надобе оѹступатис(ь), ани по(и)скуват(и)** (Паздн., с. 119);

– не + форма инфинитива глагола: и жон ихъ силою замужъ **не давати...** а без исправы витблянина **не казнити** (ППБ, с. 67);

– не + мети + инфинитив: в[ъ] ночи в домехъ **не мають ходити**, ани з нимъ **седети** (БА, II, с. 10), иж того делу старог(о) напотомъ ничымъ **взрушати не маемъ** (КВЗС, с. 146);

– не мети моцы + инфинитив: а ты теж Князищевичы **не мели моцы** тое земли **продавати** (КВЗС, с. 141).

4.4 Средства репрезентации просьбы

Просьба в витебских текстах репрезентируется с помощью лексических средств, среди которых

формула бити челомъ: попы Вытебъские приходили до нас[ъ], листы г[ос]под[а]рские передъ нами покладаючи и **бьючы чоломъ**, абыхмо имъ новины не уводили а старыны не запускали, и подле стародавнего вбычая ихъ заховали (БА, II, с. 13);

глагол *просити* / *упросити*, использующийся в свободных сочетаниях: и ям... почаль его **просити**, иж бы ми гостей моих не рубаль (КВЗС, с. 71); ...**ѹпросил есми** и поручилъ **притателем** своим., которые мают жону мою по моемъ животе до живота ее **ит** всакихъ кривдъ боронити (ТБ, с. 214). Возможно совмещение глагола *просити* и формулы бити чолом в одном предложении: **такеж просим** ваше м(и)л(о)сти и **чолом [бьем]**, што ж мещанин наш Гѹниско витебскии был в Ризе и с товаром (Доѹн., с. 75);

Среди морфологических средств отметим формы условного наклонения: **ваша бы** м(и)л(о)сть тому Харку **дали** в том впокои (Доѹн., с. 77), в этом случае часто используется глагол *рачити* ‘мець ласку, ухацець, пажадаць’ (ГСБМ, 30, с. 36): **а то бы** ваша м(и)л(о)сть **рачили** вчинити для нас приятелеи своих **исобных** и **сѹседов** своих (Доѹн., с. 77).

Из синтаксических средств выражения просьбы используются

придаточные предложения с союзами *ижбы*, *абы*, *штобы*: и я их **просил**, **абы** **и**ни тотъ мои **статокъ** мне вернули (КВЗС, с. 131), ино мы **просим** ваше м(и)л(о)сти и **чолм** **бьем**, **штобы** **ваша** м(и)л(о)сть на **нашоу** **прозбѹ** и **чоломбитис** **то** **вчинили** (Доѹн., с. 75).

Анализ средств репрезентации категории императивности в витебских текстах позволяет нам сделать следующие выводы:

1) императивность деловых текстов включает в себя поля обязывания, разрешения, запрета и просьбы, среди которых поле обязывания представляет собой ядро категории императивности, а поле просьбы находится на его периферии, поля разрешения и запрета занимают промежуточное положение, так как не являются обязательными для всех рассмотренных документов, но в то же время отличаются частым использованием;

2) среди лексических средств репрезентации категории императивности ядро составляют глаголы с семантикой приказа (*велети, присудити*), глаголы речи, которые в контексте имеют значение приказа (*казати*);

3) среди морфологических средств репрезентации категории императивности самым распространенным является форма *мети + инфинитив*.

ГЛАВА V

КАТЕГОРИЯ АБСТРАГИЗАЦИИ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Абстрагизация подразумевает распространение в тексте «обобщенно-отвлеченных по своей семантике разноуровневых языковых средств, функционально и стилистически взаимосвязанных между собой» [342, с. 405]. Изучение этой категории и средств ее выражения связано прежде всего с текстами научного стиля (см. работы М. Н. Кожиной [181, с. 18], А. Ю. Серебряковой [323], А. С. Матвеевой [232, с. 35]). Однако отвлеченно-обобщенность является также одной из стилевых черт отдельных жанров деловых текстов. Обобщенность деловых текстов достигается за счет использования слов, обозначающих общие, родовые понятия.

Среди средств выражения категории абстрагизации следует назвать такие, как 1) абстрактные существительные; 2) глагольно-именные сочетания, в которых существительное несет на себе основную смысловую нагрузку *приложить печати*; 3) формы именного сказуемого; 4) безличные предложения, 5) формы глагола в значении настоящего вневременного.

5.1 Абстрактные существительные

Абстрактные существительные выступают в качестве основного средства выражения абстрагизации. Разрабатывая основы лингвофилософского анализа абстрактного имени, Л. О. Чернейко указывает, что «чувственной формой абстрактных имен (и их сущностей) является звуковой комплекс. Содержание абстрактного имени понимаемо. Абстрактное имя диалогично. В функционировании абстрактного имени проявляется закон психологической относительности. Семантический вариант содержания абстрактного имени, определяющий его существование в коллективном сознании (выбор слова и возможности его понимания), намного меньше его варианта, производного от опыта конкретной личности и уровня ее интеллекта, что обуславливает разные формы экспликации содержания абстрактного имени в дискурсе» [378, с. 319].

Употребление абстрактной лексики как одного из стилеобразующих средств деловой письменности рассматривается С. С. Волковым [58]; насыщенность существительными на -ние / -нье, на -ость как отличительная черта западнорусских юридических текстов обозначена В. О. Петруниным, выявившим «неравномерность в насыщенности данными элементами русских и западнорусских ветвей правовых документов» [285, с. 11]. Исследователь отмечает проникновение в старорусский язык из западнорусских юридических текстов таких лексем, как *ведо-*

мость, генеральство, диктование, заарестование, кавалерство, маетность, обыватель, послушество, профессорство, свидетельство, шляхетство, штрафование [285]. Особенности абстрактных существительных в китабах XIX в. охарактеризовал В. И. Нестерович [247; 248]. Абстрактная лексика на материале памятников старобелорусского языка изучена В. П. Сташайтене [339; 340; 341].

В витебских текстах активность абстрактных существительных значительна. Закономерности их употребления определяются 1) частотностью и местоположением в тексте; 2) превалированием существительных, относящихся к определенным тематическим группам; 3) особенностями словообразования.

Изучение частотности употребления абстрактных существительных и их местоположения в тексте позволило выявить следующее:

а) наиболее распространены абстрактные существительные в витебских тестах (в 15 исследованных текстах к. XVI в. отмечено более 800 случаев употребления абстрактных существительных, в одном тексте встречается от 24 до 88 единиц с учетом повторяющихся лексем);

б) такие существительные отмечены в разных структурных частях текстов в:

– зачине (привилей: *вольность, досветченье, заховалость, знаимость, оборона, помочь, право, пригода*; судебные документы *дело, нароженье, память*; тестаменты *воля, жывот ‘жыццё’, завасненье ‘нязгода, спрэчка, варожасць’* (ГСБМ, 10, с. 106), *запаметанье, ласка, моц, непевность, опека, презренье ‘дапушчэнне, дазваленне, вышэйшая воля’* (ГСБМ, 28, с. 46), *розум, ростырок ‘сварка, сутычка, разлад’* (ГСБМ, 30, с. 441), *свет, скаженье, смерть, смысл, трудность* и др.; письма *здоровье, приязнь, прозба, размножение, счастье, чоломбитье* и др.);

– содержательной части (привилей: *вера, вина, вчинность, гибель, дозволене, испрос, кривда, мука, обида, поведанье, порука, татба, спрос, прыгон* и др.; судебные документы *бесчестье, близкость, вмова, еднанье, зарука, захованье, злодейство, кгвалт, кривда, опытанье, положене, правда, право, приеханье, росказанье, служба, справедливость, торг, увязанье, упорство* и др.; тестаменты: *владность, власность, запоможенье, захованье, возможность, оборона, оселость, отложено, переказа, порадок, потреба, прозба, шафунок* и др.; письма: *бачене, ведомость, заповедь, жаловане, нарекане, позволене, помочь, приязнь, прозба, слава, справа, умова, шкода* и др.);

– концовке (привилей *нароженье, твердость*; судебные документы *небовзятые*; тестаменты *прозба*);

в) в пределах одного текста одно и то же абстрактное существительное повторяется несколько раз: *Яко ж есмо того ж часу скоро тотъ розбои нам ся сталь, зася назад до замьку побегли, и то есмо вповедили и вбъжаловали. ...А тыи мещане г(о)с(по)д(а)рьскии таке ж поведили, иж*

«яко нам тот **розбои** сталь ся, мы того ж часу вбѣжаловали наместънику городовому...» (КВЗС, с. 123–124);

г) встречается употребление нескольких абстрактных существительных в пределах одной предикативной единицы: за котор^ю тую **щичность** при~~ят~~елскую, ласку и **добродейство** великое, нехай му Панъ Богъ Светыйи всимъ добрымъ в Кролевстве небесномъ **заплатою** бѣдетъ (ТБ, с. 255); ...и жбы се в томъ доброй **славе** ваше м(и)л(о)сти некоторое **нарекание** злое не было... (ВРА, I, с. 42);

д) в одном тексте употребляются разные значения одного существительного:

– живот в значениях ‘жизнь’ *бачечи непевность **жывота** людского на семъ свете* (ТБ, с. 205), ‘после смерти’ *абы **по животе** моемъ* (ТБ, с. 205), ‘до конца жизни, до смерти’ и некоторое *кривды чинити **до жывота** ее* (ТБ, с. 218), ‘при жизни’ *вна вольна будетъ тую тридцать копъ грошей такъ **при** своемъ **животе**, **яко** по животе, кому хота втѣдати и ку своему налешому пожитку вбернути* (ТБ, с. 218);

е) абстрактные существительные включаются в состав различных устойчивых сочетаний, среди которых терминологические и этикетные: *воля остаточная, смысл зуполный, поручати в опеку, поховати у почтивости, стояти в праве, учинити ласку, чинити кривду.*

Разнообразны тематические группы абстрактных существительных в витебской деловой письменности. Они обозначают:

– действия: *вступ, выправа, зарука, запоможенье, жалоба, нарушение, оборона, обыход, опека, оповеданье, розознанье, розруха, положенье, преизренье, признание, преможенье, присяга, прозба, сведецтво, сознание, уваженье, увезанье, уподобанье, хованье и др.;*

– чувства людей, психологическое состояние: *воля, гнев, кривда, ласка, сором, честь и др.;*

– этапы, события человеческой жизни, временные промежутки: *живот, конец, молодость, початок, смерть, старость и др.;*

– признаки: *близкость, владность, легкость, возможность, небеспечность, неведомость, небалость, почтивость, справедливость, твердость, трудность, целость и др.;*

– религиозные понятия: *неблагословенье, небовзятые: то есть встаточный рокъ перед **Небовзятъемъ** Панъны Марыи у неделю* (КВЗС, с. 202).

В витебских текстах, как и во многих других старобелорусских деловых памятниках, среди абстрактных существительных преобладают те, которые образованы от разных частей речи с помощью суффиксов, имеющих значение отвлеченного действия, состояния, признака в соответствии с мотивирующим словом. Среди них обозначим следующие группы:

– образованные от глаголов с помощью

-ение / -енье / -ене: *оправенье, заграниченье, зезволение, зостановенье, перенесенье, переношенье, примушенье, страченье* и др.;

-ние / -нье / -не: *актыкаване, данье, держанье, зезнание, имение, обранье, покладание, померкование, признание, сознание, уживание, уписане* и др.;

-нулевого суффикса: *выправа, збор, зарука, исправа, намова, оборона, обыход, опека, погреб, приход, уступ* и др.;

– образованные от прилагательных с помощью суффикса -ость: *бытность, опатрность, милость, небеспечность, оселость, повинность, почтивость, справедливость* и др.

– образованные от разных частей речи с помощью -ств-о, -тв-о, -нств-о: *бегство, драпежство, непослушенство, нятство, порученство, приятельство, свидетельство, соседство, сплошенство, убоство, удовольствие, упорство* и др.;

Встречаются и абстрактные существительные, образованные с помощью других формантов, но их количество существенно меньше: *заистье, забитье; прозба; ростырок; жизнь; грабеж, платеж*.

От двух основ образуются существительные *милосердые, неблагословенье, рукоемство* и др.

Некоторые из обозначенных абстрактных существительных (*оповеданье, держанье* (Сан., 82, с. 33), *сведомье* (Сан., 82, с. 32), *именье, дозволение* (Сан., 82, с. 37), *страченье* (Сан., 82, с. 38), *оселость, милость, трудность* (Сан., 84, с. 146) и др.) не отмечены в др.-рус. и ст.-рус. текстах этого периода или отмечены в единичных случаях.

Отглагольные существительные выступают важнейшим стилистическим признаком деловой письменности, а поскольку их количество в исследованных текстах значительно, мы можем говорить о развитии делового стиля в исследуемом регионе.

5.2 Глагольно-именные сочетания, в которых существительное несет на себе основную смысловую нагрузку

А. А. Макушина указывает, что в таких сочетаниях «глагол, как правило, выражает общие семы лексико-семантического поля ('действие и деятельность', 'отношение' или 'состояние') и некоторые семы, отражающие особенности субъекта и объекта (руководящий статус субъекта – водить, наличие двух субъектов – дати и т. д.); характер же самого процесса (социальная деятельность, социальные отношения, межличностные отношения и т. д.) уточняется семантикой имени, которое и несет основную смысловую нагрузку» [227, с. 75]. Н. В. Полещук отмечает такие сочетания как один из признаков стилистической организации Статута ВКЛ 1588 г. [268, с. 68]. М. В. Пименова обозначает ха-

ракетные признаки для таких сочетаний: «устойчивости и воспроизводимости модели, “раздвоение” денотата (которое можно выявить при помощи трансформации словосочетания), абстрактность, а не конкретность, семантики» [288, с. 183]. Подобные сочетания могут рассматриваться и как средство репрезентации текстовой категории стандартизованности (Л. Ф. Килина, О. В. Русанова [165, с. 430]).

В исследованных документах отмечены глагольно-именные сочетания с компонентами

– *чинити*, который «у спалучэнні з назоўнікам абазначае: ажыццяўляць тое, што выканана назоўнікам» (ГСБМ, 36, с. 394). В витебских тестах выявлены сочетания *шкоду чинити*, *погреб чинити*, *кривду чинити*: *не мае яе ніхто з таго двора моего рушыць і нікто-рога крывды чинити да жыцця яе* (ТБ, с. 218); в привилеях *оборону чинити*: *...и тымъ листомъ в потребахъ своихъ оборону чинити...* (ППБ, с. 77), в судебных текстах *вымову чинити*, *дело чинити*, *заплату чинити*, *збытъки чинити*, *квалт чинити*, *конец чинити*, *отпор чинити*, *сказанье чинити*, *справедливость чинити*, *полегку чинити*, *послуги чинити*, *похвалки чинити*, *припоминанье чинити*, *перевод чинити*, *уступу чинити*. Возможно употребление глаголов совершенного вида *вчинити* / *учинити* / *починити*: *и на што вни довод[ъ] вчинят[ъ], то тые маюць[ъ] держати* (БА, II, с. 8). В судебных витебских текстах среди сочетаний с глаголами *чинити* / *вчинити* / *учинити* самыми частыми являются сочетания с существительными *довод*, *справедливость*, *шкода*. Согласно данным «Сравнительного обратного словаря древнерусских, старорусских и западнорусских текстов» распространенные в западнорусских текстах лексемы *кривда* (Сан., 82, с. 9), *довод* (Сан., 82, с. 25), *шкода* (Сан., 82, с. 10), *справедливость* (Сан., 84, с. 145) не фиксируются или фиксируются в единичных древнерусских и старорусских текстах, а частота употребления глаголов *чинити*, *учинити* в несколько раз выше в западнорусских текстах по сравнению со старорусскими (Сан., 83, с. 79);

– *делати*, который реализует значение ‘чынiць, тварыць’ (ГСБМ, 8, с. 27): *втиски делати*, *крывды делати*, *суйму ‘вышук’* (ГСБМ, 33, с. 61) *делати*, *шкоды делати*. Как и в случае с глаголом *чинити*, могут быть использованы глаголы совершенного вида *и в томъ мы шкоды немалыи поделалъ* (КВЗС, с. 320), *тым нашим мѣщаном Харку а єрмолъ спроведливость вделали* (Доўн., с. 75);

– *взяти*, который используется в сочетаниях *в оборону взяти*, *в опеку взяти*, *на паруку взяти*, *пересуд взяти*, *службу взяти*: *въ впеку и в оборонѣ сво[ю] взяти* (ТБ, с. 229);

– *дати*, употребляющийся в сочетаниях *спокой дати* (ППБ, с. 61), *исправу дати* (ППБ, с. 67), *ваша бы м(и)л(о)сть тому Харку дали в том впокои* (Доўн., с. 77);

– *держати*, употребляющийся в сочетаниях *в захованью держати, в опеце держати*: *мають они тот привилей нашъ вси посполите в захованью своемъ держати* за двема ключами и за своими печатми (ППБ, с. 75);

Единичные сочетания отмечены с другими глаголами: *в тотъ час намесникъ сорицькии за некоторыи выступъ его хотель у казнъ всадити* (КВЗС, с. 316), *печатъ привесити* (ППБ, с. 77), *вѣры не няти* (ППБ, с. 56), *я з мужомъ своимъ паномъ Миколаемъ у згodu пришьла...* (КВЗС, с. 66), *бо есми и беседы с нимъ не мель* (КВЗС, с. 120).

Наблюдаются следующие тенденции использования указанных сочетаний:

а) наличие различных глагольных форм: *я имъ кривѣду чинил*, ... *вни сами мне большую кривѣду чинять* (КВЗС, с. 265), *ани зарукъ чинячи* (КВЗС, с. 296), *мают поховат ѿименичѿ моем Бѣблеве, ѿчинивши погреб водлуг законѿ греческого* (ТБ, с. 246), *и многие, многие шкоды мне починивши, утекъ прочъ* (КВЗС, с. 245), *шкоды ми великии поделавъши* (КВЗС, с. 58), *кривды никоторое не делаемъ* (КВЗС, с. 250);

б) употребление нескольких однородных существительных при одном глаголе: *кривды и новины чинити* (КВЗС, с. 198), *абы драпежства и грабежовъ подданым в(ашое) м(илости) никоторих невиньне не чинили* (КВЗС, с. 197); *и кривды и втиски великии ми в томъ чинить* (КВЗС, с. 222); *вни намъ кривды и втиски великии делаютъ* (КВЗС, с. 151);

в) инверсионный порядок слов: стандартна препозиция существительного по отношению к рассмотренным глаголам в устойчивых сочетаниях, хотя возможна и постпозиция существительного;

г) абсолютное большинство таких сочетаний по структуре представляет собой модель «винительный падеж без предлога + глагол», которая может трансформироваться в модель «родительный падеж без предлога + не + глагол» при отрицании: *справедливость вчинити – справедливости не вчинити*, *довод чинити – довода не чинити*; *кзвалту и кривды и шкоды делати – кзвалту и кривды и шкоды не делати*;

д) распространение таких сочетаний за счет включения в них других элементов (отрицательных и указательных местоимений, отрицательных частиц, прилагательных): *малжонка и дети и прытатели мои сваров и розстырковъ никоторых не чинили* (ТБ, с. 246), *тожь мають тоє звышьпомененоє имене мое Хотимское до рѣкъ, до владности, до вѣчного и вольного шафѣньку взятъ* (ТБ, с. 192), *втказу жадного перед[ъ] нами, господарь, не вчинилъ* (БА, II, с. 6), *и не мають межи себе вдинъ другому в[ъ] тыхъ именьяхъ кривѣдъ и втисковъ и наездокъ никоторых[ъ] чинити* (БА, II, с. 27), *а нихъто с приятелеи их на Якова жадныхъ похвалокъ и насмевањя чинити* (КВЗС, с. 64), *и справедливость тому безвѣтвольчъную вчинилъ* (КВЗС, с. 163), *и вни на то жадного доводу слушьного ани сведомъя никоторо(о) не вчинили* (КВЗС, с. 214).

5.3 Составное именное сказуемое

Средством вербализации категории абстрагизации выступают формы именного сказуемого, среди которых важную роль играют формы с причастием, репрезентирующие в зависимости от контекста разную степень обобщенности [332, с. 292]. Г. П. Байгарина отмечает, что страдательное причастие, выступая в предикативной функции, имеет значение, связанное с «наличием состояния, полученного в результате воздействия со стороны и характеризующего субстанцию, не являющуюся агенсом» [11, с. 5]. Н. А. Новоселова называет страдательную конструкцию с нечленной формой причастия стилиобразующей единицей функционально-деловой разновидности общенационального языка [251, с. 20].

В витебских деловых документах именное сказуемое, выраженное кратким причастием, характерно для зачина, содержательной части и концовки.

В зачине такое сказуемое характерно только для отдельных привилеев и завещаний: *ижъ всякие вчиньки цнотливые, которые с обычаевъ людскихъ походятъ и **бываютъ** с заховалостяхъ ихъ деланы* (ППБ, с. 79), *што комѸ **вписано** и **взначено бѣдетъ** симъ тестаментомъ моимъ* (ТБ, с. 197), *и што не **бываетъ** варовано писмомъ, не **бываетъ** трвало* (ТБ, с. 205).

Последовательно оно встречается в концовке текстов в стандартной конструкции *а лист **писан** <указание места> + <указание даты>*. Кроме этого в концовках выявлены такие примеры употребления страдательных причастий в функции именной части сказуемого, как ***дано** и **деялося** на вальномъ соиме пры бытнѸности всихъ панѸвъ радъ нашихъ...* (ППБ, с. 94), *а [под]писъ рѸкъ **подписано есть** тыми словы* (ТБ, с. 194).

В содержательной части исследованных текстов употребляются в функции сказуемого страдательные причастия, образованные от самых разных глаголов:

– в привилеях: *такъже котории **будутъ** литвин або лях **крещены были** в Витебъску в рускую веру* (ППБ, с. 69), *какъ тежъ в привили брата нашогъ Алексанъдра, короля его млсти, **выписано*** (ППБ, с. 71); *подлугъ тыхъ артыкуловъ, которые **суть** в немъ **описаны*** (ППБ, с. 77), *копеи под печатью его королевъское милости имъ **были подаваны*** (ППБ, с. 83), *того кгрунъту **не маеть быти** никому большъ давано, только на поселенье дому* (ППБ, с. 87);

– в судебных документах: *и вину на насъ **взято*** (КВЗС, с. 161), *ино, деи, тое земъли **розобрано** много* (КВЗС, с. 85), *и сено на тыхъ сеножа-техъ **маеть покошоно быти**, и на тыхъ же месцохъ **маеть постановлено быти** до того ж року* (КВЗС, с. 309), *нижли в томъ листе **написано**: «до пана Павла Сопеги»...* А Жданъ Янушъковичъ тое именсицо нашо,

которое намъ **записано**, держить и его вживаешь, а намъ поступити не хочеть» (КВЗС, с. 139) и др.;

– в завещаниях: в которомъ листе кажьдага **речь** достаточне **есть** **вписана** (ТБ, с. 184), **такъ** **есть**, сыну моему Федору **вписано** прото (ТБ, с. 187), **въжо** на суд подкоморский **ит** суду земьского Витебског(о) мене зъ паном Роскимъ **было** **вдослано** (ТБ, с. 188), в которомъ шыреи и достаточне **есть** **вписано** и **доложено** (ТБ, с. 198), п(а)ню Зофею, котораа **есть** **ит** мене **выпасажсона** (ТБ, с. 206), **маеть** **ит** тыхъ же сынов моихъ... **итдана** **быть** з маетности моее... кдымъ водлугъ сего тестаменту моег(о) **выдано** **будет**, **што** **наменено** (ТБ, с. 207) и др.;

– в письмах: **ижъ** вага старата витебскага, котората **ит** давныхъ часовъ **направена** **есть** (ВРА, I, с. 30), **иныи** мистръ вашей м(и)л(о)сти, с которымъ **Ѹмова** **будеть** **вчинена** (ВРА, I, с. 31), а к тому з Риги и зъ Невгини же(бы) **была** доброволне **пропуцона**... (ВРА, I, с. 33), ...который тые ваги, **такъ** колоколы, **такъ** и шалы, **въжо** дей **есть** **направеныи** добре... (ВРА, I, с. 37), **што** то **есть** и нам добре **зведомо** **Ѹ** Витебску (ВРА, I, с. 42).

Кроме этого, именная часть составного именного сказуемого в витебских текстах также может быть выражена

– формами прилагательного: а на воину **быти** имъ с нами **поспол готовымъ** (ППБ, с. 72); а которыхи имъ **будеть** **нелюб** воевода (ППБ, с. 73); а въ своемъ имени **воленъ** во въсемъ (ППБ, с. 73); оныи привилеи нашъ имъ **всимъ** **потребенъ** **быти** **не** **можетъ** (ППБ, с. 74), котораа **бы** **ровна** **была** з вагою вашей м(и)л(о)сти рызскою (ВРА, I, с. 30), **иж** бракъ в(а)шей м(и)л(о)сти **ризкий** на **селедцы** **вельми** **злый**, а **праве** **фалишывый** (ВРА, I, с. 42), **бо** тебе **был** **виненъ** (КВЗС, с. 62), **бо** то **есть** **речь** **немалая** (КВЗС, с. 121);

– формами существительного: **бо** **есть** **и** **правый** **добрый** **мест(и)ч** **витебскийи** (ВРА, I, с. 39), **бо** **вси** **люди** **были** **ихъ** **приятели** (КВЗС, с. 63), ...«тая, деи, **сеножатъ** **есть** **властная** **моя** **моя** **итъчызна**» (КВЗС, с. 67), «тая **внука** **моя** **была** з нимъ **в** **мальжонъстве**» (КВЗС, с. 121);

– формами местоимений: **чий** **бы** **тот[ъ]** **дубъ** **былъ** (БА, II, с. 40);

– предикативными наречиями: а **которому** **видъблянину** **отъ** **насъ** **будеть** **насилъно** (ППБ, с. 73).

Однако использование таких составных именных сказуемых не является слишком распространенным и не оказывает значительного влияния на стилистическую организацию рассматриваемых текстов.

5.4 Безличные предложения

Употребление различных типов безличных предложений в деловой витебской письменности определяется необходимостью четкого перечисления разнообразных требований и при этом стремлением сделать эти

требования лишены какого-либо личностного участия. В витебских текстах безличные предложения представлены следующими типами, в которых сказуемое выражено

– формами страдательного причастия прошедшего времени среднего рода: *ино, деи, тое земли **разобрано** много* (КВЗС, с. 85), *вдова Настас[ъ]я с Пиратиничъ жаловала в том, ижъ **взято** в нее: тры ски-терти лошаины, две курыцы а петуха* (БА, II, с. 21), *ино тых земель в[ъ] томъ привилы ему **не есть** вписано* (БА, II, с. 32),

– формами инфинитива. Такие предложения доминируют в текстах привилеев, подчеркивают обязательность отдаваемых распоряжений. Поскольку данные конструкции характерны для той части текста, в которой содержится перечисление уже обозначенных ранее привилегий, можно высказать предположение, что тут сохраняются традиции общего для старобелорусского и для старорусского языков употребления средств репрезентации как категории императивности, так и категории абстрагизации: 6. *А холопу и робе веры не иняти, а о обаде исправа дати.* 7. *А продков наших, великих кнзеи, судов не посужывати.* 8. *Чынити намъ то з витбляне по исправе.* 9. *А без исправы витблянина не казнити...* (ППБ, с. 97);

– отрицанием *нет* или глаголами существования, бытия, которые могут употребляться с отрицанием: *на которомъ жадного будованья **нет*** (ИЮМ, 31, с. 91), *в которомъ томъ именью Замошья человека оселого ни одного **нетъ*** (ИЮМ, 31, с. 74); *зоставит такъ, ~~яко~~ бы по животе моемъ промежъ детьми моими р[остыркѡв] и сваров некоторыхъ **не было*** (ТБ, с. 188), *иж тог(о) листа тутъ у Витебъску **нетъ*** (КВЗС, с. 82), *какъ было за великого князя Витовъта и Жыкгимонъта* (ППБ, с. 60);

– глаголом долженствования *належит*: *кому бы о томъ **ведати** належало* нынешнимъ и на потомъ будущимъ (ИЮМ, 31, с. 62);

– глаголами, обозначающими физическое или психическое состояние: *и намъ то ся видело* – *кдыжъ инъ на слово его ему верил, а доводу некоторого инъшого не маеть, знашли есмо в[ъ] томъ правого того Данилъка Занькова сына* (БА, II, с. 19);

– наречиями *не надобе*, *потреб* в сочетании с инфинитивами: ***не надобе** имъ всихъ тыхъ веръху писаныхъ новинъ **знати*** (ППБ, с. 61), *кому будетъ **потребъ** того **ведати*** (ППБ, с. 67);

– глаголом *годити* в сочетании с инфинитивом: *иж перед нимъ священникомъ фалы Божее **служити** не годить* яко перед человекомъ клятымъ (КВЗС, с. 159);

– глаголом со значением неожиданного действия *трафитися*: *«и такъ есмо змовили, што ж тотъ истый Конаш мель Быковскому тыи две копе грошей заплатить и двадцать грошей, через которого ж коль-векъ поручника трафило бы ся»* (КВЗС, с. 190).

5.5 Формы глагола в значении настоящего вневременного

Использование отдельных форм глагола для репрезентации абстрагизации обусловлено тем, насколько обобщенное значение имеет та или иная глагольная форма. Описывая градуальный переход от конкретности к обобщенности, И. Н. Смирнов рассматривает следующую последовательность увеличения обобщенных признаков: а) конкретное единичное действие, б) повторяющееся действие в рамках конкретной ситуации, в) итеративное действие, не ограниченное рамками одной ситуации, г) типичное действие, д) вневременное действие. Он подчеркивает особый статус ситуаций постоянного действия, ситуаций обобщенного факта [327, с. 272–273].

Формы глагола в значении настоящего вневременного могут обозначать действия без соотношения их с моментом речи; такие формы настоящего вневременного характерны для тестаментов, в зачинах которых вневременной характер действия подчеркивается при описании постоянных явлений: *што не бываеъ варовано писмом, не бываеъ трвало* (ТБ, с. 205), *иж не естъ на свете жадное певнешное речи каждому человеку, яко час и година смерти, котора жадного минути не можетъ* (ТБ, с. 212).

В содержательной части тестаментов вневременной оттенок характерен для глаголов, с помощью которых

– характеризуется передача собственности, что подчеркивается лексемами *вечно, на вечные часы, по животе: то все вт мала и до велика втписую жоне своеи Мари на вечные часы тогды и тотъ вгород втписую той же жоне своеи Мари, а по животе жоны моее втписую половину того вгорода суседце своеи Настаси и мужу ее на вечные часы* (ТБ, с. 214);

– поручаются в опеку близкие родственники: *а то естъ по животе моемъ жону мою Ганну Колычовну поручаю Г(о)с(по)ду Б(о)гу Всемогущему и в моцъ и в оборону его м(и)л(о)сти п(а)ну Кузминьскому, писару кгородскому, в опеку его м(и)л(о)сти п(а)ну Адаму Красовскому, земенину г(о)с(по)д(а)рьскомъ повету Витебского, а зятю моему Павлу Исаковичу* (ТБ, с. 217);

– описываются границы собственности: *котора та земля лежыт, почавши вт [...]ща и вт кгрунту п(а)на Анъдреа Я рошевича Гусиповьского... втписую по животе моемъ землю мою Ки[чин]скую, котора се починает напервеи вт взера Кичина ровом, который ров [идет] вт тог(о) взера Кичина под дворомъ подъданого моего кичинског(о) Гришка Платановича* (ТБ, с. 189).

В привилеях вневременной характер присущ инфинитивам, которые имеют и значение обязательного действия.

Широкое распространение в витебских текстах средств, использующихся для репрезентации категории абстрагизации, отражает как высокий уровень развития мышления людей в исследуемый период, так и высокий уровень развития делового стиля. Среди рассмотренных средств центральными являются абстрактные существительные, глагольно-именные сочетания, в которых основное лексическое значение заключено в существительном, и составные именные сказуемые.

Абстрактные существительные характерны для разных структурных частей текста, включены в различные формулы, могут повторяться несколько раз в одном тексте, в одном предложении могут быть использованы разные абстрактные существительные. В диахронии прослеживается увеличение количества абстрактных существительных, при этом одно и то же существительное в одном тексте может реализовывать разные значения. Распространены существительные на *-ение*, *-енье*, *-ние*, *-нье*, *-ость*, *-ство*, существительные с нулевым суффиксом. Многие из них образованы от глаголов и прилагательных.

Сопоставление со старорусскими деловыми текстами показывает, что такие существительные, как *довод*, *справедливость*, *именье*, *дозволение*, *трудность* в исследуемый период в них или отсутствуют, или употребляются в единичных текстах.

Глагольно-именные сочетания, в которых существительное несет на себе основную смысловую нагрузку (*чинити кривду*, *делати шкоду* и т. п.), отличаются вариативными формами глаголов, синонимическими заменами, инверсионным порядком слов.

Среди составных именных сказуемых самыми распространенными являются сказуемые с именной частью, выраженной причастием. Перечень таких причастий значителен. Такие формы также встречаются во всех структурных частях текстов.

ГЛАВА VI

КАТЕГОРИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Согласно определению СЭС категория диалогичности включает в себя совокупность разноуровневых средств, которые служат для выражения диалогичности, и имеет полевую природу [342, с. 130]. Разработка теоретических основ категории диалогичности представлена в трудах М. Н. Кожиной [180; 182], Л. В. Славгородской [325], Н. А. Красавцевой [199], О. А. Прохвятиловой [296], Л. Р. Дускаевой [116], З. Ф. Курбановой [211], М. С. Захаровой [126], А. Ю. Арутюновой [8], Е. Н. Вотриной [66].

Диалогичность определяется как сущностная черта научного стиля М. Н. Кожиной [180, с. 37–38], диалогичность в газетных жанрах анализировалась Л. Р. Дускаевой [116, с. 13]. Это особая категория текста, «особая форма взаимодействия между когнициями участников диалога, проявляющаяся в формировании языкового состава высказывания адресанта под влиянием адресата» [8, с. 6], важность изучения диалогичности в синхронно-диахроническом аспекте обозначена Е. Н. Вотриной [66, с. 3].

М. Н. Кожина подчеркивает, что «в сущности всякая речь, особенно внешняя, диалогична» [180, с. 33]. С точки зрения ученого, диалогичность – «это выраженное в тексте средствами языка взаимодействие общающихся, понимаемое как соотношение двух смысловых позиций, как учет адресата (в широком смысле, в том числе и второго Я), отраженный в речи, а также эксплицированные в тексте признаки собственно диалога» [180, с. 36].

Различаются такие формы диалогичности, как: 1) разговор с другим: Я – ОН, ОНИ; 2) сопоставление разных точек зрения: ОН¹ – ОН², ОН¹ – ОН² – Я; 3) разговор с читателем: Я – ВЫ; МЫ С ВАМИ; 4) разговор со своим вторым Я: Я¹ – Я², [180, с. 68], а среди средств диалогичности определяются вопросительные предложения, вопросно-ответные комплексы, чужая речь в виде прямой цитации, косвенная речь как пересказ чужого мнения, императивы как обращения к читателю, эмоциональная и оценочная лексика, слова, имеющие переносные значения, конструкции и обороты связи, противительные, соединительные и усилительные союзы и частицы в акцентирующей функции, вводные и вставные слова, словосочетания и конструкции, ссылки, различные формы выражения побуждения [180, с. 76–84].

Н. А. Красавцева выявляет разноуровневые средства выражения диалогичности: «Лексические, морфологические, синтаксические, текстовые (ссылки, сноски)» [199, с. 8], при этом «плотность языковых средств, выражающих диалогичность в письменной научной речи, оказывается весьма значительной: она превышает 74% всего текстового пространства

и нередко... составляет не одно, а два и более средств диалогичности на одно предложение» [199, с. 10–11].

О. А. Прохватилова определяет три типа диалогичности: внешнюю, внутреннюю и глубинную: «Внешняя диалогичность... реализует направленность речи на адресата, обнаруживает статус адресата и характер взаимоотношений адресанта и адресата речи» [296, с. 42]. Средствами ее реализации становятся интонация, глагольные и местоименные формы 2-го лица, вопросительные предложения, вопросно-ответные комплексы, языковые средства, передающие отношения между участниками коммуникации (императивные конструкции) [296, с. 42–43]. «Основу внутренней диалогичности... составляет авторизация, понимаемая как указание на источник информации в речи» [296, с. 43]. Средства ее реализации – отрезки текста, содержащие чужую речь. «Гипотетическая диалогичность возникает при введении... фрагментов сакральных текстов – Священного писания и молитвословий. При молитвенном обращении проповедника к Всевышнему в пастырской речи появляется особый Адресат. В тех случаях, когда пастырь цитирует Библию, в проповеди происходит смена речевой позиции говорящего и констатируется появление особого Субъекта речи» [296, с. 43–44]. Средствами реализации глубинной диалогичности выступает «интонация, высокая степень ритмизации... фрагментов сакральных текстов» [296, с. 44].

В исторической стилистике категория диалогичности в деловых текстах рассматривается С. Ф. Рудневой, которая к средствам репрезентации этой текстовой категории в сибирских отписках относит клишированные синтаксические конструкции, включающие реминисценции; глаголы *писать*, *расспрашивать* с указаниями на то, от кого написано распоряжение, на предыдущее письмо, на передачу чужой речи; сложноподчиненные предложения, среди которых значимы предложения с придаточной изъяснительной с частицами *де*, *же* [311, с. 11–12].

Особенности текстовых средств выражения диалогичности в полемических произведениях Ипатия Патея рассмотрены М. И. Свистуновой, где обозначены ссылки 1) на слова и произведения отцов церкви, 2) репрезентирующие речь оппонентов, 3) на слова высших христианских авторитетов, 4) на церковные документы [319, с. 21].

Перечень средств диалогичности и особенности их употребления в витебских деловых текстах обусловлены жанром. Самыми распространенными средствами репрезентации категории диалогичности в исследованных текстах являются 1) лексемы, подчеркивающие диалогичный характер изложения; 2) способы передачи чужой речи; 3) ссылки на различные документы. Употребление вопросно-ответных комплексов, обращений, отрезков, репрезентирующих глубинную диалогичность, конструкций со значением публичного объявления определяется жанром исследованных текстов.

1. Лексемы, подчеркивающие диалогичный характер изложения, характерны для всех изученных текстов. К ним относится ряд глаголов и глагольных форм, имеющих значение говорения или письма: *речи, мовити, казати, писати, жаловати, поведити, об'ясняти, сознавати* и др. Наиболее широко такие лексемы представлены в судебной витебской письменности.

Лексема *жаловати* в значении ‘наракаць, скардзіцца, жаліцца; складаць скаргу на каго-небузь, судзіцца’ (ГСБМ, 9, с. 257) употребляется в начале содержательной части судебных текстов и вводит изложение позиции истца: *жаловаль намъ ботарынъ Полоцький Грыдко Головня, наместничокъ пани Михайлово Сеньковича, на ч[е]л[о]в[ѣ]ка г[оспо]д[а]рьского Вытебьского Гюника Арътимовича Сухоруковича* (БА, II, с. 24). Эта лексема характерна и для некоторых привилеев.

Лексема *казати* используется для передачи речи лица, осуществляющего судебное разбирательство, и реализует как значение ‘казаць, гаварыць’, так и значение ‘загадваць, распараджацца, паказваць, сведчыць’ (ГСБМ, 14, 223 – 224), в витебских текстах используются формы глаголов совершенного вида *сказати, всказати, усказати, вказати, указати*: *сказали есмо ему коня того имъ верънути и навезати* (БА, II, с. 14); *въсказаль мне в[ѣ] половицы тое шкоды моее тот[ѣ] домъ мети* (БА, I, с. 20); *и вказали есмо его Поддубейской водле тыхъ листовъ дельчихъ и тое давности* (БА, II, с. 39); *тогда мели есмо указати Леньку имъ тые п[е]н[е]зи втложити...* (БА, II, с. 25); *и мы подле тыхъ писаныхъ правъ усказали тымъ слугамъ г[оспо]д[а]рьскимъ тую землю держати* (БА, II, с. 26).

Употребляются и глаголы с частью -каз-, которые отличаются оттенками значений *росказати, отказати, приказати*: *через[ѣ] который листъ и дворанина своего его м[и]л[о]сть росказаль ему* (БА, II, с. 36); *и внъ втказаль: взял[ѣ] дей есми того коня в Острыцы за все место, итожъ есми ездилъ светъковъ впытываль до Полоцька и до Вытебьска* (БА, II, с. 6).

В текстах представлены глаголы несовершенного вида на -ыва / -ива, образованные от вышеперечисленных глаголов совершенного вида: *а што ся дотычетъ статку, который перед[ѣ] нами указывали Иванъ а Микула Зелепуги на списку* (БА, II, с. 12).

Распространены глаголы *речи, писати*. Лексема *речи* в судебных текстах встречается в формах прошедшего времени (*рекъ, рекль, реко, рекли*) и в форме деепричастий: *и Григорей рекъ: мамъ вт[ѣ] него вины desetъ рублев[ѣ] грошей, естли который на которого словом або рукою ся зануль* (БА, II, с. 24), *кгда право тому было, тогды Ширяи того ся зануль, рекучи: «Я тебе тое фляшъки не даваль, аѣ далъ тебе бывшы наместник вболецькии Миколаи Гюлехъновичъ Волъданъ»* (КВЗС, с. 195).

Лексемы *писати / написати* встречаются в формах прошедшего времени или страдательного причастия прошедшего времени при изло-

жении содержания предъявляемого документа, письма: *але первеи того писалъ до мене врадникъ мои, поведаячы, мне иж не в тот лесъ впустилъ будники, але в другии* (КВЗС, с. 81). Используются формы многочисленных приставочных глаголов с корнем -пис-: *записати, вписати, отписати, подписати, переписати, описати*: *на што ж и духовъницу того небожчика шурына своего Лукьянову Климята передъ нами покладалъ, в которой стоитъ **вписано**, иж Лукьянъ, сходячы с того света, **втписалъ** свои жеребеи* (КВЗС, с. 323).

Лексема *просити* отмечена реже: *почаль его **просити**, иж бы ми гостей моих не рубаль* (КВЗС, с. 71);

Лексема *пытати* в витебских судебных текстах используется при репрезентации вопроса к истцам, ответчикам или свидетелям: *мы **пытали** того ч[е]л[о]в[е]ка Грышка: чим[ъ] бы то на него переводиль* (БА, II, с. 8). Отмечены также глаголы *опытывати / опытати, спытати, вспытати, попытати*, которые отличаются оттенками значений: *и мы **впытывали** ботаръ тых[ъ], которыхъ написано в[ъ] томъ листе судовомъ того наместника Мерьчина* (БА, II, с. 14).

Если сравнить исследуемые тексты со ст.-рус. судебными текстами, можно выявить группу лексем, не имеющих в них аналогов. Это глаголы *поведити / поведати, мовити, светчити, сознати, признати, признатися* и др., которые употребляются в формах прошедшего времени, а по значению соответствуют судебным терминам:

– *поведити / поведати* в значении ‘паведаміць, расказаць, давесці да ведама’ (ГСБМ, 25, с. 20) в различных формах: *и **вн[ъ]** на то жадныхъ листовъ в себе не **поведиль*** (БА, II, с. 33) и *Санько к[ъ] тому ся не знал[ъ], **поведаючы**, жем[ъ] его не билъ* (БА, II, с. 41);

– реже встречаются лексемы *оповедати / оповедити* в различных формах, в одном тексте лексема *выповедати*: *и нам листъ **вповедал**, в лес сумесьныи писанъ* (КВЗС, с. 80); *и насъ, священъниковъ, соромотили словы невчытывыми, што трудно и **выповедати*** (КВЗС, с. 136);

– *мовити* в значениях ‘1) перадаваць факты, думкі; 2) даваць паказанні сведак, сведчыць; 3) прымаць удзел у судовым разборы, судзіцца’ [ГСБМ, 18, с. 108–109]: *и жъ **в** томъ перед[ъ] его м[и]л[о]стью **вчевисте** с ними **мовили*** (БА, II, с. 41); *и мы человека того спытали, што к тому **мовить*** (КВЗС, с. 69); для исследованных текстов характерны многочисленные глаголы с приставками и корнем мов-: *вмовити, умовити, змовити, обмовити, помовити, намовити*: *я розказала и **впять** ихъ **вмовити** на друю буду восполь з вашею милостью* (КВЗС, с. 81); *и я... тыхъ есми пушъкаров **впять** **умовил** на сесь год* (КВЗС, с. 89); *«мы у бульгалныи часъ **змовили** с нимъ посполу»* (КВЗС, с. 125); *и панъ Иванъ его м(и)л(о)сть Сопега **вбъмовивши** с паны бояры* (КВЗС, с. 140); *тогда тытъ, хто на ко-го **помовить**, а не доведеть, тымъ караньемъ самъ маеть каранъ быти* (КВЗС, с. 153); *и с тыми людми добрыми, которые при насъ на тотъ часъ*

были, *намовивъшы, ижъ* Михаило неслушъне, не жалуючы ся никому (КВЗС, с. 83);

– *светчити* ‘паведамляць, пацвярджаць што-небудзь у якасці сведкі або дасведчанай асобы, пацвярджаць што-небудзь, даваць паказанні’ (ГСБМ, 31, с. 81–83): *и тые светъки светчили тымъ вбычаемъ, што-жъ тая нива есть не Ходорова* (БА, II, с. 44), *и вни, вси три, светъчыли, ижъ втецъ Матъфеев Санько* (КВЗС, с. 119); встречаются также приставочные образования совершенного вида *посветчити, отсветчити, осветчити: што конюшыи посветъчить*, мы сказанье маемъ учынити (КВЗС, с. 120), *абы внъ его в[ъ] томъ несправедливе втсветчилъ* (БА, I, с. 28), *вни несправедливе всветъчили мне перед правом* (КВЗС, с. 127);

– *сознати* ‘признаць, сведчыць’ (ГСБМ, 32, с. 61), *признати, признатися* ‘1) признаць, 2) признацца’ (ГСБМ, 28, с. 276): *и мы тому порозумевши, кдыж[ъ] Кострыца самъ то сознал, тожъ Баце коня продавал[ъ] и сам[ъ] з свое доброе воли далъ* (БА, I, с. 6) *ино тые конюшки Илемъницъкие сами призналися, ижъ перед[ъ] тымъ весполокоъ з ними къ замку служывали, нижли ихъ былъ* (БА, II, с. 10).

Обозначенные выше лексемы

– включены в конструкции, передающие чужую речь, ссылки на предшествующие документы, вопросно-ответные комплексы: *и мы того св[е]тка пытали, и внъ светъчилъ: -кды тотъ Семень лежалъ на смерътной постели, приходилъ есми с[ъ] тымъ Куземкою до него в тое жито и пытали есмо его в тое жито* (БА, II, с. 29);

– образуют абстрактные существительные со значением говорения: *и тот[ъ] листъ еднальный дѣякъ местъский со всихъ ихъ розказанья в том[ъ] воску писалъ* (БА, II, с. 30).

2. Способы передачи чужой речи в исследованных текстах представлены в таких модификациях, как *полная и усеченная прямая речь, собственно косвенная речь*, выраженная придаточной частью сложноподчиненного предложения, и *скрытая косвенная речь*, которой обозначена только тема речи [66, с. 10].

Собственно косвенная речь вводится придаточной изъяснительной, которая присоединяется к главной части с помощью союзов *штож, ижъ, што, ли*: *к чому ж ся Янъ и самъ потомъ созналъ, што жъ тотъ статокъ вес побрал* (КВЗС, с. 148), *поведаючы мне, ижъ не в тот лесъ впустилъ будники, але в други* (КВЗС, с. 81); *поведилъ в томъ, што жаловали люди господарский витебъский Анъдроновичы и пушкары господарский* (КВЗС, с. 356); *потомъ спытали есмо Михаила, маеть ли теж внъ который довод слушъный* (КВЗС, с. 267). При этом случаи с *ли* единичны.

Скрытая косвенная речь представлена формами предложного падежа указательного местоимения *тотъ*, с помощью которых обозначается тема речи или формами инфинитива при глаголе *казати*: *и печать нашу казали есмо прывесити к сему нашему листу* (ППБ, с. 73).

Под полной прямой речью понимается приведенная дословно без сокращений речь одного из субъектов деловой коммуникации. Такая модификация прямой речи распространена в витебских судебных текстах: *и Кононъ рекъ: «К тому ся я знаю, иж есми девятеро животины в полътине гроши в тебе выручылъ, а року есми жадного тои заплате не покладал и не приимоваль, и в законъце тои в рубли гроши не ведаю»* (КВЗС, с. 63). Обычно она употребляется после глаголов *речи* и *поведити*.

Под усеченной прямой речью понимается отрывок из речи субъекта деловой коммуникации. В исследованных текстах она характерна для слушаев, когда совмещается косвенная и прямая речь.

Характерно оформление чужой речи с помощью подчинительных союзов и частицы *дей*: *жаловала перед нами Акулина, Мишляковичъ жонька, на мещанина витебьского Васка Алексеевича Куровижа тымъ вбычаемъ, **што ж дей** «есми зостала виновата копою грошей ему и не мела есми чимъ платити»* (КВЗС, с. 224); *и Богушъ к тому ся бою не зналъ, нижли поведилъ, **иж, дей** «и нъ мене збилъ»* (КВЗС, с. 71). Отмечено и употребление одной частицы *дей*: *и Кострыца еще рекль третее дело: жалуюся **дей** вашей милости: выдал[ъ] **дей** мя тот[ъ] Перевалка пану... в поруце десяти рублехъ грошей* (БА, II, с. 6); *и тежъ жаловали намъ тые жъ витьбляне, **што жъ дей** ты кривды имъ чынишь и новины уводишь* (ППБ, с. 62).

Самыми распространенными случаями оформления речи другого человека в витебских судебных текстах выступают 1) сочетания союза и частицы *дей* (*ижъ, дей; што ж дей*); 2) употребление союза *ижъ*; 3) употребление союза *што жъ*. Если сравнить распространенность разных конструкций, можно увидеть расширенное употребление частицы *дей* и союза *што ж* в КВЗС по сравнению с текстами, которые приведены в БА II.

3. Среди ссылок на другие документы встречаются как упоминания различных видов актов, так и упоминания текстов книг, статуты, уставов, маестатов.

При упоминании различных видов актов использовались а) названия отдельных видов грамот: *духовница, тестамент, позва*; б) только лексема *лист*, которой обозначены разные виды документов; в) терминологические сочетания, обозначающие вид грамоты (бивербальные сочетания): *лист вызнанный, лист купчий, лист закупный, лист вызволенный, лист еднальный, лист увязчий, лист дельчий, лист веновный, лист вмовленный, лист судовый, лист заставный, лист меновный*: *и положили перед[ъ] нами **листь меновный** п[а]на Ивановъ, воеводы Подляшъского, в[ъ] которомъ пишеть, **ижъ** променили Решетниково а Сокольцово, в томъ тры следы людъские* (БА, II, с. 7), г) сочетания, указывающие на адресанта документа: *лист господарский, лист предка, лист панов судей, лист небожчика, лист отца, лист господарыни нашео милостивое королевое ее милости;*

д) сочетания, указывающие на вид и адресанта документа *лист дозволенье господарское, лист господарский вмовъленный, лист дедовский купчий*.

Типична постпозиция прилагательных по отношению к существительным, случаи препозиции прилагательного единичны: *лист купчий – купчий лист, лист судовой – судовой лист*.

Процедура ознакомления с содержанием представленного в качестве доказательства текста описывается с помощью глаголов *покладати, положити, выслухати*. Содержание приводимого в качестве доказательства текста вводится либо как часть сложноподчиненного предложения с придаточной изъяснительной с союзом *итож*, *иж*, которая относится к глагольным формам главной части *стояти, выписати*: *...положила перед[ъ] нами д[у]ховницу мужа своего, в[ъ] которой духовницы **стоитъ, ижъ** Марѣтинъ Зелепуга, умираючи, вписалъ ей именье свое...* (БА, II, с. 11).

Кроме упоминания отдельных видов актов в текстах встречается упоминание книг, Статута, устав, маестатов: *и послалъся на томъ **до книг[ъ]** пана Ивана Сопеги, ино тотъ мещанинъ Ерѣмоль **до книгъ** в томъ послатися не хотел* (БА, II, с. 15) *ани **до книгъ г[оспо]д[а]рскихъ** в томъ слатися не хотелъ* (БА, II, с. 33) *и для памяти казалъ есми тот мои судъ **в книги витебские судовые** записати* (КВЗС, с. 351).

Интересным с точки зрения лексического значения является употребление сочетания *книги права писаного*: *и мы втворили **книги права писаного** и нашли есмо, итожъ небожъчикъ Марѣтинъ Зелепуга записалъ жоне своей именья не водле вбычая права писаного не только вышей третей части, але вси именья, такъ втчызное **такъ** и купленное, на близькихъ ничог[о] не вставляючи...* (БА, II, с. 11); *и мы казали **кн[и]г[и]** втворити **правъ писаныхъ**, где вписано: коли-бы который жалобникъ кого в которое дело позвавши а самъ в тое дело съ своимъ доводомъ не сталъ, таковой тую речъ свою тратить* (БА, II, с. 24); *и так есмо сказали водле **правъ писаныхъ*** (БА, II, с. 25), рассмотренные документы датируются 1530 г., и, возможно, тут ссылка на первый Статут ВКЛ, принятый в 1529 г.

В текстах есть и непосредственные ссылки на этот Статут, в которых – содержится только указание документа без описания его содержания: *тогда мы маемъ сказаньемъ вчинити водле бегу вбычая права земского и водле **Статута*** (КВЗС, с. 308), *а такъ ся не знашъло, водле вбычая права и **Статута земского*** (КВЗС, с. 241); *и мы, у Статутъ углянувши* (КВЗС, с. 83).

– обозначается тема отдельных частей Статута (*артыкулов*): *и право ему казало каранье вчинити такое, яко в **Статуте** тотъ **артыкуль** на **розбоиники** вписуетъ* (КВЗС, с. 124);

– подчеркивается отсутствие какой-либо правовой нормы в Статуте: *бо того **артыкула** в **Статуте** не вписано* (КВЗС, с. 158);

– приводится краткий пересказ положений Статута: *и мы казали **статут** **шворыти**, в[ъ] котором **шписано**, **ижъ не повинень никто ни за чый выступъ каранъ быти** (БА, II, с. 17); в более поздней судебной книге ссылка на содержание Статута репрезентируется сочетаниями *в Статуте стоит, в Статуте пишет*: *яко ж и в Статуте пишетъ, **иж вдова не повинъна за штъчизну детей своихъ штъказывати, кгда детии летъ зупольныхъ не мають*** (КВЗС, с. 122);*

– цитируются отдельные положения Статута: *и в Статуте пишетъ*: «*коли бы хто, шбъмовяючы кого-кольвекъ, вчинилъ ему ку сорому або ку страченью головы, а шло бы в горло або в именье, або в которое-кольве каранъе, тогды тотъ, хто на кого помовить, а не доведетъ, тымъ караньемъ самъ маеть каранъ быти*» (КВЗС, с. 153).

Цитаты из церковной устави отличаются по своему стилю: *але дали есмо до владыки его м(и)л(о)сти, абы намъ выпись с Уставы церковное прислалъ, што быхмо мели за тотъ квалтъ сказати платити. А такъ, штец владыка его м(и)л(о)сти, выписавъшы с правилъ штъцовъ святыхъ тотъ артыкулъ, за печатью своею до насъ прислалъ. Которыи такъ шбъмовляеть*: «*Правило семьдесятъ четвъртое: аще кто божественымъ таинам или инымъ светымъ службамъ свершаемомъ, во светую церковь вшед, или епискупу, или причетънику, или инымъ слугамъ церковнымъ досаду нанесетъ, повелеваемъ сего муками казнити и в заточенье послати. А за квалтъ церковныи з дому его маеть платит сто гривень злати. Аще и тыи божественыя таинъ и божественую службу смятатъ или свершати възбранат, мечемъ голову его да штъсекутъ. И таковые штъмицати повелеваемъ не токмо градским, но и воинъскимъ властелемъ*» (КВЗС, с. 158). Отмечены случаи включения полных текстов других документов: так, например, в документе № 23 в КВЗС содержится текст листа княгини Васильевой Семеновича Жилинской (КВЗС, с. 80–81).

4. Для оформления вопросно-ответных комплексов используются глаголы *пытати / спытати, ректи, мовити*: *и мы Штрошъка и сына его, и внуки его **пытали***: «*Кому то сведомо? перед кимъ тыи пенези ему даны? дайте на то довод*». *И шни на то жадного доводу не вчынили. Нижли тая Хоня **рекла***: «*Я хочу на томъ присягнути, што есми ему тыи чотыры рубли грошей дала*» (КВЗС, с. 121). *И мы тых мещанъ Деменьтєя и Васка **спытали***: «*Што вы к тому мовите?*» *И шни **рекъли***: «*Ни зънаемъ ани ведаемъ, иж есмо иж есмо штъцу его ани ему самому з матерю его ничего не были виноваты николи, и к тому ся не знаемъ, и листа того есмо на себе не давали*» (КВЗС, с. 275).

Характерны случаи 1) передачи вопроса в форме прямой речи, а ответа в форме косвенной речи; 2) передачи и вопроса, и ответа в форме косвенной речи.

5. Конструкции со значением публичного объявления характерны для привилеев и духовных грамот, средства их выражения рассмотрены ранее.

6. Обращения в витебских текстах редки и представлены лексемами *господин, господар*, сочетанием *твоя милость: што твоя мл. пишеш[ь]*, *г[оспо]д[а]р[ь] мой*, до мене в тых людех в Брушанех в пошлинахъ, ино я, *г[оспо]д[а]ру*, *Гдлькирда не помню; помню кн[я]зя великого Витовъта, дя-дю твоего. И то, господару, помню: даывали пятьдесят куницъ кн[я]г[и]ни великой Витовтовой – з дыма по куницы...* (БА, II, с. 41), *такъже, господине, што твоя м(и)л(о)сть рачил писати до мене в буду, ино я, г(оспо)д(и)не, своего слова держу* (КВЗС, с. 81).

7. Отрезки, репрезентирующие глубинную диалогичность, включают в себя выдержки из Библии, молитв, обращения к Богу. Этот тип диалогичности находит свое отражение в тестаментх: *Помнечы теж и на слова Сына Божего Збавителѧ нашего Езу Криста, которые намъ зоставит рачыл в тестаменте, Еванелии своеи, мовечы: «Чѹйте, бо не ведаете часѹи години»* (ТБ, с. 226–227).

Основными средствами репрезентации категории диалогичности, которые встречаются в разных жанрах, в витебских текстах являются лексемы, подчеркивающие диалогичный характер изложения, прямая и косвенная речь, ссылки на другие документы. Среди них распространены лексемы *жаловати, мовити, казати, писати, речи, светчити* и т. д. Сравнение со старорусскими текстами показывает, что для них не характерны лексемы *мовити, светчити, поведити* и др.

Лексемы, подчеркивающие диалогичный характер изложения, включены в конструкции, с помощью которых передается чужая речь, вопросно-ответные комплексы, ссылки на документы.

В текстах общепринята косвенная речь, для оформления которой служат частица *дей*, союзы *што, ижъ*.

Употребление обращений, средств, репрезентирующих глубинную диалогичность, не является распространенным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование витебских текстов XIV–XVII вв. позволяет сделать следующие выводы:

1) изучение особенностей стилистической организации региональных деловых текстов XIV–XVII вв. является актуальным направлением исторического языкознания, так как это позволяет детализировать историю развития национального языка. В этом отношении Витебский и Полоцкий регионы представляют собой значительный интерес, поскольку исторически долгое время они сохраняли автономный статус в составе Великого Княжества Литовского;

2) при исследовании витебских региональных деловых текстов проблемой является недостаточность сведений и опубликованных материалов, касающихся периода XIV–XV вв., поскольку именно такие тексты позволили бы уточнить данные относительно генезиса региональных деловых документов, рассмотреть диахронические сдвиги в языке этого типа письменности;

3) отдельным аспектом изучения региональных витебских документов видится проблема текстов или частей текстов, написанных на латинице, потому что сначала мы встретились с отдельными такими фрагментами, позже с целыми текстами, которые могут быть обрамлены записями на кириллице. Известно, что существовали тексты на старобелорусском и польском языках, написанные латиницей, однако исследование таких старобелорусских текстов только начинается;

4) значительный корпус витебских деловых текстов XVI в. как опубликованных, так и хранящихся в Национальном историческом архиве Беларуси, упомянутых в отдельных научных публикациях, свидетельствует о высоком уровне развития региональной письменной традиции составления и оформления документов, наличии документов самых разных жанров, а необходимость внесения разных документов в книги судов позволила сохранить многие частноправовые тексты до нашего времени;

5) особенности стилистической организации разных жанров витебской деловой письменности исследуемого периода отражают широкое распространение и активное использование средств различных языковых уровней, которые репрезентируют такие значимые для делового стиля категории, как стандартизированность, точность, императивность, абстрагизация и диалогичность;

6) из перечисленных выше категорий особую значимость имеют категории стандартизированности и точности, которые соотносятся с определяющими особенностями делового стиля. Третьей мы бы назвали категорию абстрагизации, средства репрезентации которой характерны прежде всего для таких современных стилей, как официально-деловой и научный. Категория императивности и средства ее репрезентации могут быть более

или менее значимыми для деловых текстов разных жанров, так как деловые тексты имели не только предписывающий, но и констатирующий характер. Существуют и жанровые отличия в употреблении средств, репрезентирующих категорию диалогичности, поскольку активность таких средств в приговорах судов и в частноправовых текстах различается;

7) исследованные тексты имеют четкую структурно-смысловую организацию, в их составе функционируют различные формулы, среди которых важнейшими являются терминологические и этикетные. При этом происхождение формул в витебской деловой письменности может быть связано как с латинской, так и с древнерусской традицией, которая ориентирована на традицию византийскую. Характерной чертой витебских текстов является распространение этикетных средств, что особенно ярко проявляется в письмах из Витебска в Ригу, датированных XVI в.;

8) устанавливается важность отдельных стилистических средств для репрезентации разных текстовых категорий: формулы используются для репрезентации категории стандартизованности, многие из них, отличающиеся терминологизированностью значения, выступают в качестве средства репрезентации категории точности и категории абстрагизации. Сходная ситуация наблюдается и с абстрактными существительными, которые включены в ряды юридических терминов, входят в состав формул, многократно повторяются в одном и том же тексте, функционируют как часть составного именного сказуемого, и со страдательными причастиями, которые не только являются частью составных именных сказуемых, выступают в функции сказуемых в безличных предложениях, репрезентируя категорию абстрагизации, но и представляют собой значимые единицы для отдельных смысловых блоков;

9) совокупность исследованных языковых средств позволяет нам говорить о сформированности делового стиля в исследуемых текстах в период XVI–XVII вв., в то время как относительно текстов более раннего периода сложно делать какие-либо выводы в связи с их незначительным количеством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверина, С. А. К жанрово-стилистической характеристике северно-русской агиографии (на материале севернорусских житий XVI в.) / С. А. Аверина // Историческая стилистика русского языка : межвуз. сб. науч. тр. / Петрозавод. гос. ун-т ; редкол.: З. К. Тарланов (отв. ред.) [и др.]. – Петрозаводск, 1990. – С. 61–70.

2. Акимова, Э. Н. Историческая лингвистика текста: инновационные подходы в исследованиях / Э. Н. Акимова // Вестник Нижегородского университета. – 2010. – № 4. – С. 427–430.

3. Акты Литовской Метрики / собраны заслуженным профессором Императорского Варшавского университета Ф. И. Леонтовичем. 1896–1897. – Варшава. Типография Варшавского учебного округа, 1896. – Т. 1: Выпуск первый. 1413–1498 гг. – 169 с.

4. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1 (6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики / сост., коммент., вспом. указ.: М. Е. Бычкова (отв. сост.), О. И. Хоруженко, А. В. Виноградов ; отв. ред. тома С. М. Каштанов ; Рос. Акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2012. – 664 с.

5. Альт, Т. Ф. Мова Літоўская статута 1529 г. / Т. Ф. Альт // Беларуская лінгвістыка : зб. навук. арт. / адк. рэд. А. І. Падлужны. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – Вып. 14. – С. 46–53.

6. Аристов, Н. Промышленность Древней Руси / Н. Аристов. – СПб., 1866. – 322 с.

7. Артамонова, М. В. Парные именованья в древнерусском тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Артамонова Марина Владимировна ; Смол. гос. пед. ун-т. – Смоленск, 2005. – 172 л.

8. Арутюнова, А. Ю. Диалогичность текста и категория связности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Арутюнова Анаида Юрьевна ; Ставропол. гос. пед. ин-т. – Ставрополь, 2007. – 23 с.

9. Бабкова, В. У. «Тэстаменты, дэстаменты, духоўніцы»: акты апошняй волі шляхты Віцебскага ваяводства канца XVI ст. (па матэрыялах актавых кніг Віцебскага земскага суда Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі за 1594–1598 гг.) / В. У. Бабкова // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага, Віцебск, 22–23 кастр. 2009 г. / рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 137–144.

10. Багрянцева, Г. И. Филологический анализ документного текста (на материале служебной переписки периода коллегиального делопроизводства) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Багрянцева Галина Ивановна ; Моск. гос. ун-т. – М., 1986. – 24 с.

11. Байгарина, Г. П. Пассивные конструкции в русском языке XVII века (по данным памятников письменности) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Байгарина Герта Петровна ; Моск. гос. ун-т. – М., 1978. – 25 с.

12. Баракова, О. В. Деловая письменность XVII века: концептосфера, субтекстовый состав (на материале таможенных книг Московского государства) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Баракова Ольга Витальевна ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 548 л.

13. Баракова, О. В. Названия старорусских документов, относящихся к таможенному делу, и текстовые реминисценции в них / О. В. Баракова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2011. – № 2. – С. 40–48.

14. Баракова, О. В. Таможенные книги как жанр деловой письменности русского языка XVII века (на материале книг таможен Северного речного пути) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Баракова Ольга Витальевна; Вологод. гос. ун-т. – Вологда, 1995. – 16 с.

15. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – С. 250–296.

16. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – С. 297–325.

17. Бачинская, Н. А. Публицистика Ивана Грозного (дипломатические послания от имени бояр) / Н. А. Бачинская // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Филологические науки. Журналистика. Литературная критика. – 2012. – № 13 (93). – С. 141–152.

18. Бедрина, И. С. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бедрина Ирина Сергеевна ; Одес. гос. ун-т имени И. И. Мечникова. – Одесса, 1993. – 237 л.

19. Бедрина, И. С. Функциональный семантико-стилистический анализ текста / И. С. Бедрина // *Lingua mobilis*. – 2010. – № 7 (26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnyy-semantiko-stilisticheskiy-analiz-teksta> (дата обращения: 10.01.2024).

20. Безбородова, Ю. В. Приходно-расходные книги Свято-Троицкого мужского монастыря (к. XVIII – н. XIX вв.) как лингвистический источник : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Безбородова Юлия Владимировна ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2005. – 203 л.

21. Беларускі архіў = Archivum alboruthenicum = Weissrussisches archiv : у 3 т. / Ін-т беларус. культуры, Гіст.-археал. камісія. – Мінск : Ін-т беларус. культуры, 1927–1930. – Т. 2 : XV–XVI ст. : матэрыялы і дак. да гісторыі Беларус.-Літоўс. дзяржавы і г. Магілёва з архівасховаў Магілёва, Масквы і Кракава / Ар. Смоліч (адк. рэд.) [і інш.]. – 1928. – 391 с.

22. Белова, Н. А. Система форм глаголов прошедшего времени в новгородской письменности XIII–XIV веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.10 / Белова Наталья Анатольевна ; Нижегород. гос. ун-т имени Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород, 1999. – 162 л.

23. Белоногова, Т. Ю. Стилеобразующие параметры синтаксиса англосаксонских и древнерусских грамот / Т. Ю. Белоногова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 102–105. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stileobrazuyuschie-parametry-sintaksisa-anglosaksonskih-i-drevnerusskih-gramot> (дата обращения: 10.03.2023).

24. Белькова, А. Е. Контекстуальные средства создания референтной определенности в метрических книгах Тюменского Духовного Правления XIX в. / А. Е. Белькова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 79–82.

25. Белькова, А. Е. Метрические книги первой половины XIX века Тюменского духовного правления как жанр деловой письменности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Белькова Анна Евгеньевна ; Нижневарт. гос. гуманитар. ун-т. – Сургут, 2009. – 21 с.

26. Белькова, А. Е. Языковая репрезентация концепта брак в метрических книгах: формулярный анализ / А. Е. Белькова // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 8. – С. 1–17.

27. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 167 с.

28. Беляева, Е. И. Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Беляева Елена Ивановна ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1988. – 33 с.

29. Беляева, Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 179 с.

30. Бирилло, Н. В. Белорусский язык / Н. В. Бирилло, Ю. Ф. Мацкевич, А. Е. Михневич [и др.] // Языки мира. Славянские языки / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; редкол.: А. А. Молдован [и др.]. – СПб. : Нестор-История, 2017. – С. 576–625.

31. Бирюлин, Л. А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Бирюлин Леонид Авраамович ; Рос. АН, Ин-т лингв. Исследований. – СПб., 1992. – 41 с.

32. Богрова, К. М. Устойчивые сравнения в древнерусском тексте: семантика и структура : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Богрова Ксения Михайловна; Иванов. гос. ун-т. – Иваново, 2012. – 170 л.

33. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. – 117 с.
34. Бондарко, А. В. Структура императивной ситуации / А. В. Бондарко // Функционально типологические аспекты анализа императива : в 2 ч. – М., 1990. – Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. – С. 4–9.
35. Борковский, В. И. Синтаксис древнерусских грамот: в 2 ч. / В. И. Борковский. – Львов: МВО СССР, Львовский гос. ун-т им. Ив. Франко, 1949. – Ч. 1: Простое предложение. – 392 с.
36. Борковский, В. И. Синтаксис древнерусских грамот: в 2 ч. / В. И. Борковский. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – Ч. 2: Сложное предложение АН СССР, Ин-т языкознания. – 187 с.
37. Брандес, М. П. Стилистика текста: теорет. курс: на материале нем. яз. : учебник / М. П. Брандес. – М. : Прогресс-Традиция, Инфра-М, 2004. – 413 с.
38. Булыка, А. М. Германізмы ў старабеларускай мове / А. М. Булыка // Выбраныя працы / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларускай культуры, мовы і літ., Філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы» ; уклад. А. М. Булыка, Н. В. Паляшчук. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – С. 175–190.
39. Булыка, А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы / А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 380 с.
40. Булыка, А. М. Лексіка старабеларускіх юрыдычных дакументаў XVII ст. / А. М. Булыка // Беларуская лінгвістыка : зб. арт. / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэдкал.: А. А. Лукашанец (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2019. – Вып. 82. – С. 3–9.
41. Булыка А. Н. Литуанизмы старобелорусского литературно-письменного языка в отношении к белорусским диалектам / А. М. Булыка // Выбраныя працы / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. Беларус. культуры, мовы і літ., Філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы» ; уклад. А. М. Булыка, Н. В. Паляшчук. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – С. 165–174.
42. Булыка, А. М. Мова «Трыбунала» (1586) / А. М. Булыка // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 1995. – № 2. – С. 108–115.
43. Вардомацкий, Л. М. Антропонимия деловых документов Витебска конца XVI – начала XVII в. как инструмент для исторического социолингвистического исследования региона / Л. М. Вардомацкий // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» : сб. науч. тр. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 25. – С. 31–25.
44. Вардомацкий, Л. М. «Оршанская грамота 1629 года» как источник для лингвистических и лингвокультурологических исследований / Л. М. Вардомацкий // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» :

сб. науч. тр. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 27. – С. 35–39.

45. Вардомацкий, Л. М. Тексты полоцких, витебских и оршанских документов рубежа XVI–XVII вв. как источник изучения истории языка / Л. М. Вардомацкий // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., г. Витебск, 23–24 апр. 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2021. – С. 174–176.

46. Варонін, В. А. Законатворчая дзейнасць віцебскіх абласных з'ездаў у першай палове XVI ст. (на прыкладзе ўстаў аб «пахожых» сялянах 1531 і 1551 гг.) / В. А. Варонін // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск – Наваградак, 23–24 лістап. 2007 г. / навук. рэд. С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч. – Мінск, 2008. – С. 55–60.

47. Васильев, Ю. А. Некоторые вопросы языково-стилистического анализа практических форм научной речи (на материале современной научно-технической статьи) / Ю. А. Васильев // Язык и стиль научной литературы: Теоретические и прикладные проблемы : сб. ст. / АН СССР, Кафедра иностр. яз. ; редкол.: М. Я. Цвиллинг (отв. ред.) [и др.]. – М., 1977. – С. 47–64.

48. Ведякова, Н. А. Стереотипность и вариативность в научном тексте (на материале авторефератов кандидатских диссертаций по языкознанию и педагогике) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ведякова Надежда Александровна ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2006. – 24 с.

49. Вежбицка, А. Речевые жанры (в свете теории элементарных смысловых единиц) / А. Вежбицка // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация : монографическое издание / А. Вежбицка [и др.] – М. : Лабиринт, 2007. – С. 68–80.

50. Викторова, Н. В. Лингвотекстологический анализ переписки заводчиков Демидовых с приказчиками уральских заводов конца XVIII – начала XIX вв. (по материалам Государственного архива Челябинской области) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Викторова Наталья Владимировна ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 1993. – 207 л.

51. Виноградов, С. И. Аксиологический аспект словоупотреблений и текстовых повторов / С. И. Виноградов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2007. – № 6. – С. 265–269.

52. Винокур, Г. О. История русского литературного языка / Г. О. Винокур. – М. : Либроком, 2010. – 184 с.

53. Винокур, Г. О. О задачах истории языка / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку / Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – М., 1959. – С. 207–226.

54. Винокур, Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1980. – 242 с.

55. Винокур, Т. Г. О содержании некоторых стилистических понятий / Т. Г. Винокур. – М. : Либроком, 2009. – 104 с.

56. Віцебска-Рыжскія акты XIII–XVII ст.: Дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі (з былога комплексу Ruthenica Дзяржаўнага Гістарычнага Архіва Латвіі). – Мінск : ATHENAEUM, 2005. – Вып. I : Дакументы гаспадарча-гандлёвыя, XV–XVI стст. / падрых. А. Дзярновіч; НАН Беларусі, Інстытут гісторыі. – 88 с.

57. Владимиров, О. В. Порядок слов в синтаксисе русских деловых документов конца XVIII века (на материале документов Курганского городского хозяйственного управления 1799 года) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Владимиров Ольга Валерьевна ; Курган. гос. ун-т. – М., 2000. – 20 с.

58. Волков, С. С. Изменения в лексике делового языка Московской Руси первой трети XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Волков Святослав Семенович ; Ленингр. отд-ние Ин-та языкознания Акад. наук СССР. – Л., 1962. – 20 с.

59. Волков, С. С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства / С. С. Волков. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 164 с.

60. Волков, С. С. Силевые средства деловой письменности XVII вв. : на материале челобитных / С. С. Волков. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 342 с.

61. Волков, С. С. Силевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII века (на материале челобитных) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Волков Святослав Семенович ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1980. – 44 с.

62. Волынская, А. В. Односоставные предложения в текстах монастырских книг северных монастырей старорусского периода / А. В. Волынская, Е. Г. Ганькова // Объект исследования – безличность : сб. науч. ст. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Гос. образов. учреждение высш. проф. образования «Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова» ; редкол.: А. В. Петров (отв. ред.) [и др.]. – Архангельск : Помор. ун-т, 2004. – С. 88–93.

63. Волынская, А. В. Хозяйственные книги севернорусских монастырей XVI–XVII вв. как лингвистический источник : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Волынская Анна Владимировна ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 1992. – 18 с.

64. Воронин, В. А. Особенности положения белорусских земель в ВКЛ / В. А. Воронин // История белорусской государственности : в 5 т. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.].

Минск : Беларус. навука, 2018–2020. – Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя, А. И. Груша, В. В. Данилович [и др.]; отв. ред.: О. Н. Левко. В. Ф. Голубев. – 2019. – С. 249–257.

65. Вострикова, Н. В. Функционально-стилистические особенности французского коммерческого письма : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Вострикова Наталья Валерьевна ; Воронеж. гос. ун-т. – Пятигорск, 2004. – 21 с.

66. Вотрина, Е. Н. Функционирование категории диалогичности в научных текстах XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Вотрина Елена Николаевна ; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2012. – 21 с.

67. Выхрыстюк, М. С. Деловая письменность г. Тобольска XVIII века и ее отношение к книжно-славянскому и народно-разговорному языку / М. С. Выхрыстюк // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение : тр. и материалы Междунар. науч. конф., Казань, 4–7 мая 2007 г. : в 2 т. / Казан. гос. ун-т [и др.] ; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань, 2007. – Т. 1. – С. 110–112.

68. Выхрыстюк, М. С. Из опыта изучения стандартизации и узуальной нормативности исторического текста (на примере делового языка г. Тобольска) / М. С. Выхрыстюк // Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. – Тобольск : ТКНС УрО РАН, 2014. – Вып. 4. Исторические науки : темат. сб. науч. тр. – С. 49–61.

69. Выхрыстюк, М. С. К вопросу о выработке формуляра делового текста г. Тобольска второй половины XVIII века / М. С. Выхрыстюк // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 16. – С. 34–39.

70. Выхрыстюк, М. С. К вопросу о порядке слов текстов деловой письменности конца XVIII в. (по материалам госархива г. Тобольска) / М. С. Выхрыстюк // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 30–35.

71. Выхрыстюк, М. С. Книжно-славянское и народно-разговорное начало в рукописных деловых текстах Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII века / М. С. Выхрыстюк // Лингвистические идеи В. А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике : сб. науч. ст. / Тюмен. гос. ун-т ; сост., отв. ред. Л. М. Байдуж. – Тюмень, 2010. – С. 229–234.

72. Выхрыстюк, М. С. Рукописные документы Тобольского мужского Знаменского монастыря XVIII века в Тобольском архиве / М. С. Выхрыстюк // Региональные памятники деловой письменности XVII–XVIII веков: материалы и исследования : сб. науч. тр. / Хабар. пед. ун-т ; под науч. ред. Л. М. Городиловой. – Хабаровск, 2002. – С. 34–41.

73. Выхрыстюк, М. С. Структура скорописных деловых документов Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины

XVIII века / М. С. Выхрыстюк // Духовные традиции славянской письменности и культуры в Сибири : материалы 25-й юбил. междунар. конф. «Славянские духовные традиции в Сибири», посвящ. Дню славянской письменности и культуры / Тюмен. гос. ун-т ; отв. ред. Н. К. Фролов. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 46–51.

74. Выхрыстюк, М. С. Тобольская письменность XVII–XVIII вв. в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Выхрыстюк Маргарита Степановна ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2008. – 49 с.

75. Галинская, Е. А. Количественные числительные в деловой письменности первой половины XVII в. / Е. А. Галинская // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 2021. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolichestvennye-chislitelnye-v-delovoy-pismennosti-pervoy-poloviny-hvii-v> (дата обращения: 26.10.2024).

76. Галич, Г. Г. Категория количества и аспекты её изучения / Г. Г. Галич // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2018. – № 4 (34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-kolichestva-i-aspekty-eyo-izucheniya> (дата обращения: 26.10.2024).

77. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : URSS : КомКнига, 2007. – 139 с.

78. Ганькова, Е. Г. Приходно-расходные книги севернорусских монастырей как жанр деловой письменности допетровского времени: на материале рукописей Николо-Корельского монастыря : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ганькова Елена Геннадьевна ; Помор. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2006. – 235 л.

79. Гвенцадзе, М. А. Коммуникативная лингвистика и типология текста / М. А. Гвенцадзе. – Тбилиси : Изд-во «Ганатлеба», 1986. – 315 с.

80. Генералова, Е. В., Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв. : монография / Е. В. Генералова, Е. И. Зиновьева. – СПб. : Изд.-полиграф. ассоциация выс. учеб. заведений, 2024. – 462 с.

81. Гилевич, Н. И. Из истории социально-экономической лексики в белорусском языке (названия повинностей, налогов, торговых пошлин и административно-судебных платежей в письменных памятниках XV–XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.661 / Гилевич Нина Ивановна ; БГУ имени В. И. Ленина. – Минск, 1971. – 18 с.

82. Гістарычны слоўнік беларускай мовы : вып. 1–37 / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; рэдкал.: А. І. Жураўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2017. – 37 вып.

83. Глинкина, Л. А. Грамматическая вариантность в истории русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Глинкина Лидия Андреевна ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1998. – 111 с.

84. Глухих, Н. В. Деловой эпистолярный текст конца XVIII – начала XIX вв. в аспекте русской исторической стилистики (по скорописным архивным материалам Южного Урала) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Глухих Наталья Владимировна ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2008. – 48 с.

85. Глухих, Н. В. Деловой эпистолярный текст конца XVIII – начала XIX вв. в аспекте русской исторической стилистики (по скорописным архивным материалам Южного Урала) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Глухих Наталья Владимировна ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2008. – 411 л.

86. Глухих, Н. В. Категория текстовой модальности в деловом эпистолярии конца XVIII – начала XIX века / Н. В. Глухих // Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста : сб. ст. / Челяб. гос. пед. ун-т ; под ред. Л. А. Глинкиной. – Челябинск, 2008. – С. 50–65.

87. Голованова, О. И. Жанровая классификация документов следственных дел второй половины XVIII века / О. И. Голованова // Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста : сб. ст. / Челяб. гос. пед. ун-т ; под ред. Л. А. Глинкиной. – Челябинск, 2008. – С. 65–78.

88. Голованова, О. И. Лингвоисточниковедческий анализ жанра «освидетельствование» в судебном производстве 2-й половины XVIII в. / О. И. Голованова // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации : тр. и материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф., Тюмень, 30 сент.–2 окт. 2010 г. : в 2 ч. / Тюмен. гос. ун-т ; редкол.: О. В. Трофимова [и др.]. – Тюмень, 2010. – Ч. 1. – С. 236–241.

89. Голованова, О. И. Тюменские следственные дела 1782–1796 гг. в аспекте лингвотекстологического и источниковедческого анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Голованова Ольга Ивановна ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2008. – 24 с.

90. Гончарова, Е. А. Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания / Е. А. Гончарова // Текст – Дискурс. – Стил. Коммуникации в экономике : сб. науч. ст. / М-во образования Рос. Федерации. С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов ; отв. ред. В. Е. Чернявская. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 2003. – С. 9–22.

91. Горбань, О. А. Региональные документы XVIII века в аспекте категории темпоральности / О. А. Горбань // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2014. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-dokumenty-xviii-veka-v-aspekte-kategorii-temporalnosti> (дата обращения: 26.06.2024).

92. Горбань, О. А. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. / О. А. Горбань, Е. Ю. Ильинова, М. В. Косова [и др.] // Изве-

ствия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 4 (157). – С. 182–199.

93. Городилова, Л. М. Деловая письменность приенисейской Сибири XVII в. и региональная историческая лексикография : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Городилова Людмила Михайловна ; Хабаров. гос. пед. ун-т. – Хабаровск, 2004. – 507 л.

94. Городилова, Л. М. О классификации и лингвистической ценности рукописных источников региональной исторической лексикографии / Л. М. Городилова // Российский лингвистический ежегодник, 2006 / Иркут. гос. ун-т ; редкол.: Т.М. Григорьева (гл. ред.) [и др.]. – Красноярск, 2006. – Вып. 1. – С. 91–101.

95. Городилова, Л. М. Росписные списки воевод как лингвистический источник / Л. М. Городилова // Региональные памятники деловой письменности XVII–XVIII веков: материалы и исследования : сб. науч. тр. / Хабаров. пед. ун-т ; под науч. ред. Л. М. Городиловой. – Хабаровск, 2002. – С. 3–14.

96. Горшков, А. И. О предмете истории русского литературного языка / А. И. Горшков // Вопр. языкознания. – 1978. – № 6. – С. 3–14.

97. Горшкова, О. В. Фразеология московских грамот XIV–XV вв. как характерная особенность делового стиля русского языка / О. В. Горшкова // Сборник статей по языкознанию : проф. Моск. ун-та акад. В. В. Виноградову [в день его 60-летия] / Моск. гос. ун-т ; под общ. ред. А. И. Ефимова. – М., 1958. – С. 125–130.

98. Груша, А. И. Государственный строй и органы управления в ВКЛ. Судебно-правовая система / А. И. Груша // История белорусской государственности : в 5 т. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2018–2020. – Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя, А. И. Груша, В. В. Данилович [и др.]; отв. ред.: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев. – 2019. – С. 257–279.

99. Груша, А. І. Наступствы зацвярджэння дакументальнай пісьменнасці ў Вялікім княстве Літоўскім: стваральнікі дакументаў і архівы ў канцы XIV – першай трэці XVI ст. / А. І. Груша // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 8. – С. 33–43.

100. Груша, А. И. Происхождение и утверждение документа в Великом Княжестве Литовском в конце XIV – первой трети XVI в. / А. И. Груша // Доклады Национальной академии наук. – 2015. – № 5. – С. 107–113.

101. Давыдова, Э. Н., Рыбаков, А. Е. Делопроизводство в Великом Княжестве Литовском XV–XVIII ст. / Э. Н. Давыдова, А. Е. Рыбаков. – URL: https://hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/dok/2_kurs/Dok_Nazaranka/2.pdf?ysclid=m3lxd797rd398779304 (дата обращения: 01.09.2024).

102. Даунене, З. Из истории лексики, обозначающей единицы измерения в торговле в старом белорусском языке (по памятникам деловой письменности Великого княжества Литовского XV – начала XVII веков) / З. Даунене // Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų darbai. – Kalbotyra. – 1965. – № 11. – Р. 49–75.
103. Даунене, З. Названия денег и денежных единиц в белорусской деловой письменности XV – нач. XVII вв. / З. Даунене // Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų darbai. Kalbotyra. – 1967. – № 15. – Р. 57–75.
104. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
105. Дерунова, А. А. Послания полоцкого городского совета администрации Риги в аспекте теории коммуникации / А. А. Дерунова // «Дарогое мне – і маё – беларускае» : навук. зб. да 100-годдзя з дня нараджэння прафесара Ф. М. Янкоўскага / навук. рэд. Д. В. Дзятко. – Riga: BVKI, 2018. – С. 269–274.
106. Дерунова, А. А. Фразеологические средства наименования лиц в «Рэстры путных баяр Полацкага ваяводства 1585 года» / А. А. Дерунова // Славянская фразеология и паремиология. Культурное наследие и современность : сб. науч. ст. / редкол.: Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.] ; Гомел. гос. ун-т им. Франциска Скорины ; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – С. 70–72.
107. Дерягин, В. Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой (важские денежные отписки XVI–XVII вв.) / В. Я. Дерягин // Источники по истории русского языка : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; ред. С. И. Котков, В. Я. Дерягин. – М. : Наука, 1976. – С. 3–37.
108. Дерягин, В. Я. Об историко-стилистическом исследовании актовых текстов / В. Я. Дерягин // Вопр. языкознания. – 1980. – № 4. – С. 97–107.
109. Дерягин, В. Я. Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Дерягин Виктор Яковлевич ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М.: 1980. – 50 с.
110. Дзядова, А. С. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы для спецыяльнасці 1-21 05 01 Беларуская філалогія (па напрамках) : вучэб.-метад. комплекс / А. С. Дзядова. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2018. – 160 с.
111. Дзярновіч, А. І. Пяць стагоддзяў зносін: спецыфіка корпусу крыніц па гісторыі адносін Віцебска і Рыгі ў XIII–XVII стст. / А. І. Дзярновіч // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь ; ГрДУ імя Янкі Купалы ; рэдкал.: І. П. Крэнь, І. В. Соркіна (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – С. 71–76.

112. Дзярновіч, А. І. «Тыбулец віцебскі» : новы дакумент з былога архіўнага комплексу Moscovitica–Ruthenica (Дзяржаўнага гістарычнага архіва Латвіі) / А. І. Дзярновіч // Беларускі археаграфічны штогоднік. – Мінск, 2007. – № 8. – С. 199–203.

113. Долинин, К. А. Стилистика французского языка : учеб. пособие / К. А. Долинин. – М. : Просвещение, 1987. – 302 с.

114. Доўнар, А. Б. Прывілеі Віцебска са збору пергамінавых актаў Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве / А. Б. Доўнар // Актуальныя праблемы крыніцазнаўства айчыннай гісторыі : матэрыялы Міжнародна-наук.-практ. канф., прысвеч. 450-годдзю віцебскага гарадскога права і 100-годдзю выдання першай кнігі зборніка «Полоцко-Витебская старина», Віцебск, 6–7 кастр. 2011 г. / Віцеб. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. М. Дулаў [і інш.]. – Віцебск : УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2011 – С. 11–13.

115. Доўнар, А. Б. Справа віцебскага мешчаніна Аніскі Варановіча 1517 г. як крыніца па гісторыі судаводства Віцебска / А. Б. Доўнар // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навука. канф., Віцебск, 23–24 кастр. 2014 г. / Галоўнае ўпраўленне ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Віцебскага аблвыканкама, Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2017. – С. 69–78.

116. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. – 276 с.

117. Ерофеева, И. В. Историческое словообразование и историческая стилистика русского языка : учеб.-метод. пособие по спецкурсу / И. В. Ерофеева. – Казань : КФУ, 2016. – 64 с.

118. Ефимов, А. И. История русского литературного языка / А. И. Ефимов. – М., 1961. – 322 с.

119. Жураўскі, А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : у 2 т. / А. І. Жураўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – Т. 1. – 372 с.

120. Журавский, А. И. Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка / А. И. Журавский // Восточнославянское и общее языкознание : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. О. Н. Трубачев. – М. : Наука, 1978. – С. 185–191.

121. Жураўскі, А. І. Мова Статута / А. І. Жураўскі // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 502–506.

122. Журавский, А. И. О канцелярском языке Великого княжества Литовского / А. И. Жураўскі // Выбраныя працы / уклад.: Н. В. Паляшчук, А. Ф. Мяснікаў. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – С. 53–78.

123. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – 2-е изд., переработ. с учетом материала находок 1995–2003 гг. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 872 с.

124. Зализняк, А. А. Текстовая структура древнерусских писем на бересте / А. А. Зализняк // Исследования по структуре текста : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. Т. В. Цивьян. – М., 1987. – С. 147–181.

125. Замкова, В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. / В. В. Замкова. – АН СССР, Ин-т рус. яз. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 223 с.

126. Захарова М. С. Диалогичность как категориальное свойство текста / М. С. Захарова // Материалы III Междунар. науч. конф., Мозырь, 12–13 мая 2005 г. : в 2 ч. / Мозыр. гос. пед. ун-т им. И. П. Шамякина; редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2005. – Ч. 1. – С. 123–124.

127. Захарова, Ю. Г. Сольвычегодские таможенные книги XVIII века как лингвистический источник : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Захарова Юлия Георгиевна ; Хабар. пед. ун-т. – Хабаровск, 2002. – 21 с.

128. Зиновьева, Е. И. Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков: Структура. Лексика. Фразеология / Е. И. Зиновьева. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2000. – 236 с.

129. Зиновьева, Е. И. Историко-культурный аспект изучения фразеологизмов обиходно-бытового языка Московской Руси / Е. И. Зиновьева // Славянская фразеология и паремиология в XXI в. : сб. науч. ст. / Междунар. ком. славистов, комис. по славян. фразеологии ; под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. – Минск, 2010. – С. 42–46.

130. Зиновьева, Е. И. Параметры представления формул памятников старорусского языка в историческом фразеологическом словаре Е. И. Зиновьева / Е. И. Зиновьева // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. – 2023. – № 2 (14). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parametry-predstavleniya-formul-pamyatnikov-starorusskogo-yazyka-v-istoricheskom-frazeologicheskom-slovare> (дата обращения: 11.01.2024).

131. Зиновьева, Е. И. Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI–XVII веков (систематизирующий подход) / Е. И. Зиновьева // Научный диалог. – 2023. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotipnye-formuly-delovyh-dokumentov-i-pamyatnikov-obihodnogo-yazyka-moskovskoy-rusi-xvi-xvii-vekov-sistematiziruyuschiy-podhod> (дата обращения: 11.01.2024).

132. Зиновьева, Е. И. Стилеобразующие средства и фрагменты языковой картины мира в деловой письменности XVI–XVII вв. : на материале записных кабальных книг : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Зиновьева Елена Иннокентьевна; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2001. – 38 с.

133. Зіманскі, В. Э. Мова беларускай пісьменнасці ранняга перыяду (на матэрыяле Вісліцкага статута XV ст.) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал.

наук : 10.02.01 / Зіманскі Вадзім Эльдаравіч ; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 2002. – 21 с.

134. Золтан, А. Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в.: к вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Золтан Андраш ; МГУ имени М. В. Ломоносова. – М., 1984. – 140 л.

135. Золтан, А. Истины и курьёзы в исторических словарях восточнославянских языков XX–XXI вв. / А. Золтан // Вестник Московского государственного областного университета (электронный научный журнал). – 2017. – № 4. – URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения 15.09.2024).

136. Золтан, А. Из истории русской лексики / А. Золтан. – Будапешт : Танкеньвкiado, 1987. – 136 с.

137. Зуева, О. В. Взаимодействие разных видов дискурса в посольских речах Ивана III и Александра Ягеллончика / О. В. Зуева // Русский язык: система и функционирование. К 100-летию Белорусского государственного университета : материалы IX Междунар. науч. конф., Минск, 19–20 окт. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 148–154.

138. Зуева, О. В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Зуева Ольга Владимировна ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2009. – 25 с.

139. Зуева, О. В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Зуева Ольга Владимировна ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2009. – 248 л.

140. Иванов, Вяч. Вс. Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества Литовского / Вяч. Вс. Иванов // Славянское языкознание : XIII Междунар. съезд славистов, Любляна, 2003 г.: доклады рос. делегации / редкол.: А. М. Молдован (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 2003. – С. 258–288.

141. Иванова, Т. Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Иванова Татьяна Борисовна ; Харьк. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Харьков, 1988. – 202 л.

142. Изотов, А. И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен : автореф. ... дис. д-ра филол. наук: 10.02.03 / Изотов Андрей Иванович ; МГУ имени М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 40 с.

143. Ильенко, С. Г. Русистика : избранные труды / С. Г. Ильенко. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 674 с.

144. Ильенко, С. Г. Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц / С. Г. Ильенко // Текстовые реализации и

текстообразующие функции синтаксических единиц : межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена; редкол.: С. Г. Ильенко (отв. ред.) [и др.]. – Л. : Изд-во ЛГПИ, 1988. – С. 7–22.

145. Ильинская, И. С. О языковых и неязыковых стилистических средствах / И. С. Ильинская // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 84–89.

146. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Дм. Ив. Довгялло [в 32 вып.]. Вып 28 : [Документы, относящиеся к истории Чечерского староства за 1629–1726 гг. ; Документы из актов Витебского земского суда за 1645–1650 гг., из актов Мстиславского суда за 1563–1666 гг., из актов Оршанского земского суда за 1614–1693 гг., из актовых книг Полоцкого земского суда за 1593–1668 гг. ; Оршанский гербовник и указатель к нему]. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1900. – XVI, 356, 167, V с. Вып. 29 : [Фундуши, инвентари и другие документы, относящиеся к истории церкви за 1618–1766 гг. ; Королевские привилегии, инвентари, граничные обходы и документы, рисующие быт и право Полоцко-Витебской земли за 1506–1781 гг. Витебскъ: Губернская Типо-Литография, 1901. – 472 с. Вып. 31 : [Люстрация староств княжества Инфлянтского 1692–1765 гг. ; Акты Витебского земского суда за 1592–1601 гг.]. – Витебскъ: Губернская Типо-Литография, 1903. – 449 с.

147. Историческая стилистика русского языка : сб. науч. тр. / М-во общего и профессионального образования Рос. Федерации. Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1998. – 320 с.

148. История русской дипломатической риторики (X–XVII вв.) : учеб.-метод. пособие / О. В. Бондаренко, Е. В. Терентьева, Н. А. Тупикова [и др.]; под общ. ред. Н. А. Тупиковой ; М-во образования Рос. Федерации: Волгоград гос. ун-т. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2004. – 145 с.

149. Казачэнка, Т. М. Грамадска-палітычная і юрыдычная лексіка ў беларускіх граматах ранняга перыяду / Т. М. Казачэнка // Беларуская лінгвістыка. : зб. арт. / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; рэдкал.: А. А. Лукашанец (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1997. – Вып. 47. – С. 23–30.

150. Капылоў, І. Л. Тапанімія беларускіх дзелаваых помнікаў XV–XVIII стст. : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Капылоў Ігар Лявонавіч ; НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. – Мінск, 2001. – 283 л.

151. Капытов, О. Н. О фундаментальных категориях текста / О. Н. Капытов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 3 (15). – С. 149–157. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-fundamentalnyh-kategoriyah-teksta> (дата обращения: 10.01.2024).

152. Карданова, Н. Б. Особенности формуляра царской грамоты к дожам Венеции: инвокация, интитуляция, начальное приветствие / Н. Б. Карданова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 1. – С. 70–75. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formulyara-tsarskoy-gramoty-k-dozham-venetsii-invokatsiya-intitulyatsiya-nachalnoe-privetstvie> (дата обращения: 26.10.2024).

153. Карский, Е. Ф. Беларускі народ і яго мова / Е. Ф. Карскі. – Менск, 1920. – 15 с.

154. Карский, Е. Ф. Белорусы : в 3 т., 7 кн. / Е. Ф. Карский. – Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1903–1922. – Т. 2 : Язык белорусского племени, кн. 3 : Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки / Е. Ф. Карский. – Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1912. – 347 с.

155. Карский, Е. Ф. Белорусы : в 3 т., 7 кн. / Е. Ф. Карский. – Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1903–1922. – Т. 3 : Очерки словесности белорусского племени, кн. 2. Старая западно-русская письменность / Е. Ф. Карский. – Петроград : 12 Государственная Типография, 1921. – 247 с.

156. Карский, Е. Ф. Къ вопросу о разработке стараго западно-русскаго наречия / Е. Ф. Карский. – Вильна, 1893. – 49 с.

157. Карский, Е. Ф. Что такое древнее западнорусское наречие / Е. Ф. Карский // Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е. Ф. Карский ; отв. ред. В. И. Борковский. – М., 1962. – С. 253–262.

158. Качалкин, А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи : в 2 ч. / А. Н. Качалкин. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988. – Ч. 1: Жанры русского документа допетровской эпохи. – 119 с.

159. Качалкин, А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи : в 2 ч. / А. Н. Качалкин. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988. – Ч. 2 : Филологический метод анализа документов. – 111 с.

160. Качалкин, А. Н. Русские документы до XVIII века / А. Н. Качалкин // Слово : образов. портал. – URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/37378.php?ELEMENT_ID=37378 (дата обращения : 15.03.2024).

161. Каштанов, С. М. Из истории русского средневекового источника: акты XI–XVI вв. / С. М. Каштанов ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Наука, 1996. – 263 с.

162. Каштанов, С. М. Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. / С. М. Каштанов // Вспомогательные исторические дисциплины : сб. ст. / Акад. наук СССР, Отд-ние истории. – Л., 1976. – Т. 8 / редкол.: С.Н. Валк (отв. ред.) [и др.]. – С. 69–81.

163. Каштанов, С. М. Очерки русской дипломатики / С. М. Каштанов ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1970. – 502 с.

164. Каштанов, С. М. Русская дипломатика : учеб. пособие / С. М. Каштанов. – М. : Высш. шк., 1988. – 231 с.

165. Килина, Л. Ф. Устойчивые глагольно-именные сочетания с компонентом чинити в русских грамотах XIII–XVII вв. / Л. Ф. Килина, О. С. Русанова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31, вып. 3. – DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-429-437. – С. 429–437.

166. Кириллов, Ю. В. Об изменениях в структуре и формуляре деловых документов XVII в. при включении их в состав таможенных книг (на примере одной памяти) / Ю. В. Кириллов // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2008. – № 5. – С. 92–94.

167. Кириллов, Ю. В. Псковские таможенные книги как лингвистический источник (общерусские и местные особенности в аспекте становления языковых норм) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кириллов Юрий Викторович; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 22 с.

168. Кириченко, Н. В. Функционирование форм страдательного залога в научных текстах XVIII–XX вв. / Н. В. Кириченко // Стилистика текста в коммуникативном аспекте : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького ; М. Н. Кожина (отв. ред.) [и др.]. – Пермь, 1987. – С. 131–134.

169. Климкович, О. А. Закономерности употребления именований лиц в документах из «Судебной книги витебского воеводы М. В. Клочко. 1533–1540 гг.» / О. А. Климкович // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. : к юбилею доктора филологических наук, профессора А. М. Мезенко / редкол.: Ю. В. Дулова [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. – С. 79–83.

170. Климкович, О. А. Личные и неличные местоимения в витебских и московских завещаниях второй половины XVI века: состав и функционирование / О. А. Климкович // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова» : сб. науч. тр. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 28. – С. 120–127.

171. Климкович, О. А. Структурно-смысловая организация актовых текстов в Судебной книге витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Клочко 1533–1540 гг. / О. А. Климкович // Вестник Полоцкого государственного университета. – Серия А, Гуманитарные науки. – 2019. – № 10. – С. 120–127.

172. Климкович, О. А. Формуляр старорусских и старобелорусских деловых документов XIV–XVI веков : монография / О. А. Климкович. – Витебск, 2015. – 168 с.

173. Клімаў, І. П. Да праблемы функцыянальнай стратыфікацыі старабеларускай мовы ў ВКЛ XIV–XVIII стст. / І. П. Клімаў // Беларускі археаграфічны штогоднік. – Мінск, 2010. – Вып. 11. – С. 157–170.

174. Клімаў, І. П. Да тэорыі кніжна-пісьмовай мовы феадальнай эпохі: бінарная мадэль vs трынарная мадэль / І. П. Клімаў // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2014. – № 3. – С. 12–16.

175. Клімаў, І. П. Да тэорыі кніжна-пісьмовай мовы феадальнай эпохі: імплементацыя трынарнай мадэлі / І. П. Клімаў // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2015. – № 1. – С. 25–30.

176. Клушина, Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Н. И. Клушина // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 9. – Воронеж, 2011. – С. 26–33.

177. Клушина, Н. И. Современное состояние русской стилистики / Н. И. Клушина // Стилистика завтрашнего дня : сб. ст. к 80-летию профессора Г. Я. Солганика / ред. кол.: Г. Я. Солганик (отв. ред.) [и др.] – М. : МедиаМир, 2012. – С. 122–135.

178. Книга привилегий города Витебска / Витебский областной краеведческий музей. КП 7261.

179. Кожина, М. Н. К основаниям функциональной стилистики / М. Н. Кожина. – Пермь, 1968. – 251 с.

180. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособие по спецкурсу / М. Н. Кожина; Пермск. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Пермь, 1986. – 91 с.

181. Кожина, М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими: учеб. пособие / М. Н. Кожина. – М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Пермь, 1972. – 396 с.

182. Кожина, М. Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста / М. Н. Кожина // НДВШ. Филологические науки. – 1987. – № 2. – С. 35–41.

183. Кожина, М. Н. Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте / М. Н. Кожина // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.: в 3 т. / под ред. М. Н. Кожиной. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1994. – Т. 2 : Стилистика научного текста (общие параметры), Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. – С. 3–15.

184. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 296 с.

185. Колесов, В. В. Историческая грамматика русского языка : учебник / В. В. Колесов. – СПб. : СПбГУ, 2010. – 512 с.

186. Колесов, В. В. Метафоричность и метонимия в средневековой русской речи / В. В. Колесов – URL: http://www.drevnyaya.ru/vyp/2017_4/part_7.pdf (дата обращения: 02.02. 2024).

187. Колесов, В. В. Общие понятия исторической стилистики / В. В. Колесов // Историческая стилистика русского языка : межвуз. сб.

науч. тр. / Петрозавод. гос. ун-т ; редкол.: З. К. Тарланов (отв. ред.) [и др.]. – Петрозаводск, 1990. – С. 16–36.

188. Кортава, Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Кортава Татьяна Владимировна ; МГУ имени М. В. Ломоносова. – Москва – 1999. – 49 с.

189. Косов, А. Г. Корпус жанров и жанровое соотношение деловых документов конца XVIII в. / А. Г. Косов // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации : тр. и материалы второй Всерос. науч.-практ. конф., Тюмень, 30 сент.–2 окт. 2010 г. : в 2 ч. / Тюмен. гос. ун-т ; редкол.: О. В. Трофимова [и др.]. – Тюмень, 2010. – Ч. 1. – С. 256–264.

190. Косов, А. Г. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII в. (на материале рукописных и печатных текстов объединенного государственного архива Челябинской области) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Косов Александр Георгиевич ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2004. – 273 л.

191. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.

192. Костючук, Л. Я. Из истории псковской лексики и фразеологии : учеб. пособие / Л. Я. Костючук. – Псков : Изд-во Псков. гос. пед. ин-та, 1992. – 66 с.

193. Костючук, Л. Я. Некоторые наблюдения над трафаретными выражениями в древнерусских деловых документах (по грамотам XI–XIV вв.) / Л. Я. Костючук // Теория и методика преподавания русского языка / Ленингр. гос. пед. ун-т ; редкол. : А. Г. Руднев (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1968. – С. 156–169.

194. Костючук, Л. Я. Повторяемость словосочетаний и фразеологизация в древнерусском языке (на материале псковских летописей) / Л. Я. Костючук // Активные процессы в области фразеологии : сб. науч. тр. / Иванов. гос. ун-т ; под ред. Г.А. Селиванова. – Иваново, 1980. – С. 67–73.

195. Костючук, Л. Я. Процессы становления и функционирования устойчивых сочетаний слов в псковских памятниках письменности и народных говорах : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Костючук Лариса Яковлевна; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1983. – 48 с.

196. Костючук, Л. Я. Псковская фразеология в ее прошлом и настоящем (в связи с общими вопросами фразеологии) / Л. Я. Костючук. – Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т, 1983. – 82 с.

197. Котляр, Е. Н. Понятие жанра в стилистике / Е. Н. Котляр // Стилистика как общепилологическая дисциплина: сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т ; редкол.: Г. И. Богин (отв. ред.) [и др.]. – Калинин, 1989. – С. 24–36.

198. Котюрова, М. П. О понятии связности и средствах ее выражения в русской научной речи / М. П. Котюрова // Язык и стиль научной литературы. Теоретические и прикладные проблемы : сб. ст. / редкол.: М. Я. Цвиллинг (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1977. – С. 139–160.
199. Красавцева, Н. А. Выражение диалогичности в письменной научной речи: (на материале англ. языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Красавцева Надежда Александровна; Одесск. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. – Одесса, 1987. – 15 с.
200. Крекич, Й. Прагматика и семантика отрицательных форм императива / Й. Крекич // Русский язык за рубежом. – 1988. – № 6. – С. 60–66.
201. Крылова, Л. К. Историческая стилистика русского языка как функциональная стилистика и стилистика ресурсов / Л. К. Крылова. – Opera Slavica, XXIII. – 2013. – № 2. – С. 7–15.
202. Крылова, Л. К. Языковой стиль как историческая категория: донациональный и национальный периоды истории русского языка / Л. К. Крылова // Метакомпаративистика как интегрирующий подход в гуманитарных науках : материалы I Междунар. конф. по метакомпаративистике / науч. ред.: Н. Э. Гронская, В. Г. Зусман, Т. Б. Сиднева. – Н. Новгород : ДЕКОМ, 2014 – С. 153–164.
203. Крысько, В. Б. Стилистическая дифференциация древнерусской лексики (на материале глаголов со значением *transgredi*) / В. Б. Крысько // Историческая стилистика русского языка : межвуз. сб. науч. тр. / Петрозав. гос. ун-т ; редкол.: З. К. Тарланов (отв. ред.) [и др.]. – Петрозаводск, 1990. – С. 50–60.
204. Кузина, И. Ю. Категория количества и ее выражение в языке (введение в проблематику) / И. Ю. Кузина // Magister Dixit. – 2014. – № 1 (13). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-kolichestva-i-ee-vyrazhenie-v-yazyke-vvedenie-v-problematiku> (дата обращения: 09.10.2024).
205. Куксова, Е. Н. Функционально-прагматические и стилевые особенности делового письма (на материале французского и русского языков) : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.19 / Куксова Елена Леонидовна ; Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2015. – 23 с.
206. Кулеш, Г. І. Дыскусійныя праблемы перыядызацыі гісторыі беларускай літаратурнай мовы / Г. І. Кулеш // Роднае слова. – 2019. – № 8. – С. 26–29.
207. Кулеш, Г. І. Паняцце гістарычная стылістыка: да праблемы вызначэння зместу / Г. І. Кулеш // Гістарычнае мовазнаўства ў кантэксце міждысцыплінарных даследаванняў : зб. арт. Міжнар. навук. канф. (Мінск, 25–26 кастр. 2017 г.) / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства; рэд. І. У. Будзько, Н. В. Паляшчук. – Мінск : Права і эканоміка. – С. 131–135.
208. Кулеш, Г. І. Фарміраванне і развіццё мовы беларускага мовазнаўства XX – пачатку XXI стст.: (на матэрыяле беларускамоўных мова-

надаўчых тэкстаў) : дыс. ... д-ра філал. навук : 10.02.01 / Кулеш Ганна Іванайна ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2016. – 305 л.

209. Кульгав, М. П. Основные стилевые черты и синтаксические средства их реализации в современной немецкой научно-технической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00 / Кульгав Михаил Петрович; Моск. гос. пед. ин-т ин. яз. – М., 1964. – 26 с.

210. Купчинський, О. А. Розвиток галицько-волинського документа в контексті міжслов'янських зв'язків XIII–XIV ст. / О. А. Купчинський // З історії міжслов'янських зв'язків : зб. наук. пр. / Акад. наук УРСР, Ін-т суспіл. наук ; редкол.: Ф. І. Стеблій (відп. ред.) [та ін.]. – Київ, 1983. – С. 25–45.

211. Курбанова, З. Ф. Диалогичность научной прозы в аспекте экспрессивности и прагматики (на материале специальной литературы по физике) : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / Курбанова Заира Ферхатовна ; Дагестан. гос. пед. ун-т. – Махачкала, 2004. – 20 с.

212. Лаппо, И. И. Литовский статут 1588 года : в 2 т., ч. 1–2 / И. И. Лаппо. – Каунас : Spindulio, 1936. – Т. 1, ч. 2. – 592 с.

213. Лапшин, С. В. Вторичная модальность простого предложения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Лапшин Сергей Викторович ; Моск. пед. ун-т. – Москва, 1993. – 21 с.

214. Ларин, Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.) / Б. А. Ларин. – М. : Высш. шк., 1975. – 327 с.

215. Леванцэвіч, Л. В. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : вучэб. дапаможнік / Л. В. Леванцэвіч. – Мінск : РІВШ, 2020. – 192 с.

216. Литвина, Т. А. Жанровые особенности грамоты митрополита Казанского Гермогена патриарху Всероссийскому Иову (1592 г.) / Т. А. Литвина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2 (145). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-gramoty-mitropolita-kazanskogo-germogena-patriarhu-vserossiyskomu-iovu-1592-g> (дата обращения: 25.10.2024).

217. Лихачев, Д. С. Избранные работы : в 3 т. / Д. С. Лихачев. – Л. : Худ. лит, 1987. – Т. 1: Развитие русской литературы X–XVII веков ; Поэтика древнерусской литературы. – 653 с.

218. Лісейчыкаў, Дз. В. «Руская» мова метрычных кніг уніяцкіх цэркваў Вялікага Княства Літоўскага ў XVII–XVIII стагоддзях / Дз. В. Лісейчыкаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2017. – № 6. – С. 13–28.

219. Логинова, К. А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху / К. А. Логинова // Развитие функциональных стилей современного русского языка : сб. ст. / АН СССР, Ин-т русского языка; ред. Т. Г. Винокур, Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1968. – С. 186–230.

220. Лозовский, В. М. Юридическая терминология в языке белорусских письменных памятников XV–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол.

наук / Лозовский Владимир Михайлович ; БГУ имени В. И. Ленина. – Минск, 1966. – 17 с.

221. Ломов, А. Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ломов Александр Григорьевич ; Самар. гос. ун-т им. Алишера Навои. – Самарканд, 1969. – 33 с.

222. Лопатин, В. В. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улукханов. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2016. – С. 533.

223. Ляшкевіч, В. М. Антрапанічная сістэма Віцебшчыны і Магілёўшчыны XVI–XVIII стст. (на матэрыяле мясцовай дзелавой пісьменнасці) : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Ляшкевіч Вольга Міхайлаўна; НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. – Мінск, 2004. – 124 л.

224. Майоров, А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А. П. Майоров ; отв. ред. А. М. Молдован. – М. : Азбуковник, 2006. – 261 с.

225. Макараў, М. Д. Ад пасада да Магдэбургіі. Юрыдычнае становішча насельніцтва мест беларускага Падзвіння ў XIV–XVI стст.: дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / Макараў Максім Дзмітрыевіч ; Універсітэт Мікалая Каперніка. – Торунь, 2006. – 161 л.

226. Макітрук, С. М. Намінацыі пасесійнага тыпу ў старабеларускай дзелавой пісьменнасці (на матэрыяле «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы») / С. М. Макітрук // Беларуская мова, літаратура, культура і свет: праблемы рэпрэзентацыі : зб. навук. арт. па выніках III Міжнар. навук. канф., прысвеч. памяці Пятра Васючэнкі, Мінск, 19 лістап. 2020 г. / рэдкал.: М. М. Воінава-Страха (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2021. – С. 77–79.

227. Макушина, А. А. Семантическое взаимодействие компонентов устойчивых глагольно-именных сочетаний в древнерусском деловом языке / А. А. Макушина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2010. – № 2 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-vzaimodeystvie-komponentov-ustoychivyh-glagolno-imennyh-sochetaniy-v-drevnerusskom-delovom-yazyke> (дата обращения: 05.02.2024).

228. Малыса, О. Текстовые категории в публицистическом стиле: сопоставительный русско-польский анализ / О. Малыса. – Katowice : Uniwersytet Śląski w Katowicach, 2002. – 212 с.

229. Маркасова, Е. В. Стилистические особенности использования архаичных глагольных форм в Житии Корнилия Выговского / Е. В. Маркасова // Историческая стилистика русского языка : межвуз. сб. науч. тр. / Петрозавод. гос. ун-т ; редкол.: З. К. Тарланов (отв. ред.) [и др.]. – Петрозаводск, 1990. – С. 88–94.

230. Мароз, В. К. Тэрміналагічнае і гісторыка-лінгвістычнае вызначэнне літаратурнай формы беларускай мовы і яе нормаў у дачыненні да старажытнага перыяду / В. К. Мароз // Беларуская лінгвістыка : зб. арт. / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; рэдкал.: А. А. Лукашанец (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – Вып. 66. – С. 22–32.

231. Маслова, В. А. Региональная лингвистика как наука о региональном языке и ценностях. Язык как главная ценность / В. А. Маслова // Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов : коллективная монография / В. А. Маслова [и др.]; под ред. В. А. Масловой, М. В. Пименовой ; М-во образования Респ. Беларусь, Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова. – Минск : Энциклопедикс, 2017. – С. 8–70.

232. Матвеева, А. С. Лингвостилистические особенности научных текстов (на материале современного английского языка) / А. С. Матвеева // Universum: филология и искусствоведение. – 2017. – № 3 (37). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-osobennosti-nauchnyh-tekstov-na-materiale-sovremennogo-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 05.02.2024).

233. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : синхрон.-сопостав. очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 168 с.

234. Медведь, Н. С. Особенности лексикона официально-делового стиля / Н. С. Медведь // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. – № 1–2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-leksikona-ofitsialno-delovogo-stila> (дата обращения: 30.10.2024).

235. Мезенко, А. М. Время и религия в антропонимиконе Витебска XVII–XIX вв. / А. М. Мезенко // Белорусское поозерье: язык и духовная культура : монография / А. М. Мезенко, А. В. Русецкий, Л. М. Вардомацкий [и др.]; под ред. А. М. Мезенко, А. В. Русецкого. – Минск: Беларус. навука, 2001. – С. 43–65.

236. Мікульскі, Ю. М. Miscellanea з архіўных і бібліятэчных сховішчаў (XIV–XVII ст.) / Ю. М. Мікульскі // Беларуская даўніна. – Мінск, 2015. – Вып. 2. – С. 131–305.

237. Милевская, Т. В. Связность как категория дискурса и текста: когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспект : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.01 / Милевская Татьяна Валентиновна ; Рост. гос. пед. ун-т. – Ростов н/Д., 2003. – 390 л.

238. Митрофанова, О. Д. Язык научно-технической литературы как функционально-стилевое единство : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Митрофанова Ольга Даниловна ; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – Москва, 1975. – 55 с.

239. Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; А. І. Жураўскі (адк. рэд.) [і інш]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 317 с.
240. Мозер, М. Что такое «простая мова»? / М. Мозер // *Studia Slavica Hungarica*. – 2002. – Vol. 47. – С. 221–260.
241. Мозер, М. Язык Литовских Статутов и вопрос о его нормализации (с синопсисом параллельных мест первого раздела Статутов 1529, 1566 и 1588 гг.) / М. Мозер // *Studia Russica*. – 2009. – Т. 23. – С. 177–225.
242. Мордвинцева, В. С. Типология простого предложения в тюменских памятниках деловой письменности XVII – начала XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Мордвинцева Валентина Самуиловна ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2005. – 25 с.
243. Морковина, О. В. Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского заветования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Морковина Ольга Викторовна ; Ин-т филологии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Томск, 2005. – 33 с.
244. Мякишев, В. «Мовы» Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей / В. Мякишев // *Studia Russica*. – 2000. – Т. 18. – С. 165–172.
245. Мякишев, В. П. Язык Литовского Статута 1588 г. / В. П. Мякишев. – Краков, 2008. – 717 с.
246. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru>.
247. Несцяровіч, В. І. Аб характары назоўнікаў з адцягнутым значэннем ў кітабе XIX ст. / В. І. Несцяровіч. – URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/7778/5/123456789/7778/5/148-149.pdf> (vsu.by) (дата звароту: 12.10.2023).
248. Несцяровіч, В. І. Адцягненыя назоўнікі з фармантам -асць /-осць у кітабе XIX ст. / В. І. Несцяровіч. – URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/10412/1/153-155.pdf> (дата звароту: 12.10.2023).
249. Новиков, А. И. Семантика текста и его формализация / А. И. Новиков. – М. : Наука, 1983. – 99 с.
250. Новік, М. А. Лексіка Статута Вялікага Княства Літоўскага (1588): аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук / Новік Мікола Аляксандравіч ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск, 2003. – 20 с.
251. Новоселова, Н. А. Лингвотекстологический анализ страдательного причастия в южноуральской деловой письменности последней трети XVIII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Новоселова Наталья Алексеевна ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 1995. – 27 с.
252. Новоселова, Н. А. Этикетные определения в текстах деловой письменности XVIII века (на материале документов южноуральской провинциальной канцелярии) / Н. А. Новоселова // Вестник Челябинского

государственного университета. – 2002. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiketnye-opredeleniya-v-tekstah-delovoy-pismennosti-xviii-veka-na-materiale-dokumentov-yuzhnouralskoy-provintsialnoy-kantselyarii> (дата обращения: 11.01.2024).

253. Ноздрина, Л. А. Заглавие текста / Л. А. Ноздрина // Грамматика и смысловые категории текста : сб. ст. / редкол.: О. И. Москальская (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 1982. – С. 183–200.

254. Одинцов, В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – М.: Либроком, 2014. – 264 с.

255. Орлова, Н. В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией / Н. В. Орлова // Вестник Омского университета. – 2014. – № 4. – С. 188–193.

256. Откупщикова, М. И. Синтаксис связного текста : учеб. пособие / М. И. Откупщикова. – Л. : ЛГУ, 1982. – 103 с.

257. Пазднякоў, В. С. Беларуская грамата XV стагоддзя: дароўны ліст княгіні Марыі намесніку віцебскаму Івану Ільінічу на сяльцо каля ракі Друць / В. С. Пазднякоў // «Герольд Litherland». – Гародня–Менск, 2013. – № 19. – С. 118–125.

258. Пазднякоў, В. С. Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: абласныя прывілеі : крыніцазнаўчы дапаможнік / В. С. Пазднякоў. – Мінск: БелНДІДАС, 2018. – 240 с.

259. Палашевская, И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Палашевская Ирина Владимировна; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2012. – 389 с.

260. Паляшчук, Н. В. Лексіка фармуляра актаў «Кнігі запісаў» (1522–1552) / Н. В. Паляшчук // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 2008. – № 3. – С. 98–104.

261. Паляшчук, Н. В. Аб жанравай класіфікацыі тэкстаў Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага / Н. В. Паляшчук // Беларуская пісьмовая спадчына ў кантэксце еўрапейскага культурна-гістарычнага працэсу стагоддзяў: вытокі, традыцыі, уплывы : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Мінск, 24 мая 2010 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. ; рэдкал.: А. У. Бразгуноў [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 141–146.

262. Паляшчук, Н. В. Асаблівасці выракаў Віцебшчыны (1533–1540) / Н. В. Паляшчук // Беларуская лінгвістыка : сб. арт. / Нац. акадэмія навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літаратуры, Філіял «Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы», 2018. – Вып. 80. – С. 34–42.

263. Паляшчук, Н. В. Выражэнне імператыўнасці ў старабеларускіх тэкстах дзелаваго зместу / Н. В. Паляшчук // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння : зб. навук. арт. : матэрыялы II Міжнар. навук. канф. да 80-годдзя кафедры беларускага мовазнаўства Беларус. дзярж. пед. ун-та імя Максіма Танка, Мінск,

17–18 лістап. 2011 г. / рэдкал.: Д. В. Дзятко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2011. – С. 199–201.

264. Паляшчук, Н. В. Жанравае размеркаванне лексем беларускіх дзелаваых помнікаў XIV – сярэдзіны XVI стст. / Н. В. Паляшчук // Скарына і наш час : матэрыялы V Міжнар. навук. канф., Гомель, 14–15 кастр. 2011 г. / рэдкал.: А. А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2011. – С. 75–78.

265. Паляшчук, Н. В. Жанравыя асаблівасці старабеларускіх рэвізій : (на матэрыяле «Рэвізіі Кобрынскай эканоміі» (1563)) / Н. В. Паляшчук // Беларуская лінгвістыка : зб. арт. / Нац. акадэмія навук Беларусі, Цэнтр даслед. Беларус. культуры, мовы і літаратуры, Філіял «Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы». – 2020. – Вып. 85. – С. 10–19.

266. Паляшчук, Н. В. Кампазіцыйныя асаблівасці слоніміскіх тэстаментаў / Н. В. Паляшчук // Беларуская мова ў XXI стагоддзі: асноўныя тэндэнцыі развіцця : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 28–29 кастр. 2015 г. – Мінск: Права і эканоміка, 2015. – URL : <http://elib.bspu.by/handle/doc/15359> (дата звароту: 10.03.2023).

267. Паляшчук, Н. В. Кампазіцыйныя асаблівасці старабеларускіх і старарускіх тастаментаў / Н. В. Паляшчук // Славянские языки: системно-описательный и социокультурные аспекты исследования : сб. науч. тр. – Брест : БРГУ, 2014. – URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/15357> (дата обращения: 25.02.2023).

268. Паляшчук, Н. В. Кампазіцыя і змест заканадаўчых артыкулаў Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588: лінгвастылістычны аспект / Н. В. Паляшчук // Статут Вялікага Княства Літоўскага ў гісторыі культуры Беларусі : матэрыялы IX Міжнар. кнігазнаўчых чытанняў, Мінск, 18–19 крас. 2013 г. / склад.: Т. А. Сапега, А. А. Суша. – Мінск, 2013. – С. 64–69.

269. Паляшчук, Н. В. Кампазіцыя прывілеяў «Кнігі запісаў» (1522–1552) / Н. В. Паляшчук // Личность – слово – социум : материалы IX междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 апр. 2009 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Фалалеев (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – Ч. 1. – С. 151–155.

270. Паляшчук, Н. В. Лексіка дзелавай пісьменнасці / Н. В. Паляшчук // Лексіка старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV – сярэдзіны XVI ст. / І. У. Будзько, А. М. Булыка, Н. В. Паляшчук, Э. В. Ярмоленка ; НАН Беларусі. – Мінск : Беларус. навука, 2016. – С. 9–120.

271. Паляшчук, Н. В. Мова «Трыбунала» (1586) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Паляшчук Наталля Вікенцьеўна ; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 1999. – 20 с.

272. Паляшчук, Н. В. Спосабы перадачы чужой мовы ў старабеларускіх судовых дакументах / Н. В. Паляшчук // Беларуская лінгвістыка /

НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; рэдкал.: І. Л. Капылоў (гал. рэд.), В. М. Нікалаева (адк. сакр.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2023. – Вып. 91. – С. 36 – 44.

273. Паляшчук, Н. В. Сродкі выражэння тэмпаральнасці ў полацкіх дакументах / Н. В. Паляшчук // Скориновские чтения – 2019: современные тенденции развития издательского дела : материалы IV Междунар. форума, посвящ. Году малой родины и 20-летию кафедры редакционно-издательских технологий БГТУ, 24–25 сент. 2019 г. / под ред. В. И. Куликовича, О. В. Шахаб. – Минск, 2019. – С. 63–66.

274. Паляшчук, Н. В. «Статут Полацкага брацтва» як помнік старабеларускай пісьменнасці / Н. В. Паляшчук // Матэрыялы XV Міжнародных кнігазнаўчых чытанняў, Мінск, 4–5 крас. 2019 г. / склад.: Т. А. Сапега, А. А. Суша, К. В. Суша. – Мінск, 2019. – С. 149–153.

275. Паляшчук, Н. В. Структура і фармуляр актаў «Кнігі запісаў» (1522–1552 гг.) / Н. В. Паляшчук // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 15–16 крас. 2008 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы; навук. рэд.: Л. П. Кунцэвіч, Н. В. Паляшчук. – Мінск, 2008. – С. 296–302.

276. Паляшчук, Н. В. Структурна-фармулярны аналіз тэкстаў старабеларускай дзелавой пісьменнасці / Н. В. Паляшчук // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: Д. В. Дзятко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 109–111.

277. Паляшчук, Н. В. Тыпы формул у старабеларускіх дзелавых тэкстах / Н. В. Паляшчук // Беларускае слова: гісторыя і сучаснасць : зб. арт. па матэрыялах навук. чытанняў, прысвеч. памяці праф. А. І. Жураўскага, Мінск, 27 кастр. 2009 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча. – Мінск, 2010. – С. 106–112.

278. Паляшчук, Н. В. «Устава на валокі» як помнік старабеларускай пісьменнасці / Н. В. Паляшчук // Цифровая трансформация библиотек: преемственность и вектор развития : материалы IX Междунар. конгресса «Библиотека как феномен культуры», посвящ. 100-летию Нац. библиотеки Беларуси», Минск, 15–16 сент. 2022 г. / сост. В. В. Пшибытко. – Минск, 2022. – С. 218–224.

279. Паляшчук, Н. В. Формулы з кампанентам милость у полацкіх дакументах / Н. В. Паляшчук // Навукова-метадычная думка на Беларусі : матэрыялы рэгіян. (з міжнар. удзелам) навук.-практ. канф., прысвеч. 100-годдзю «Беларускай граматыкі для школ» Б. Тарашкевіча, Віцебск, 5 сн. 2018 г. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2018. – С. 150–155.

280. Паляшчук, Н. В. Фразеалогія старабеларускай дзелавой пісьменнасці і шляхі яе вывучэння / Н. В. Паляшчук // Язык и социум : матери-

алы IX Междунар. науч. конф., 3–4 дек. 2010 г., г. Минск : в 3 ч. / редкол.: Л. Ф. Гербик (отв. ред.) – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 3. – С. 162–165.

281. Паляшчук, Н. В. Этыкетныя адзінкі ў старабеларускай дзела-вой пісьменнасці / Н. В. Паляшчук. – URL: https://elib.bspu.by/bitstream/doc/15561/1/%D0%AD%D1%82%D1%8B%D0%BA%D0%B5%D1%82%D0%BD%D1%8B%D1%8F_%D0%B0%D0%B4%D0%B7%D1%96%D0%BD%D0%BA%D1%96.pdf?ysclid=ls0d8y3b6j440408888 (дата доступа: 30.01.2024).

282. Папина, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории : учебник / А. Ф. Папина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 367 с.

283. Пенькова, Я. А. Императив буди в деловых и летописных памятниках XII–XIV вв. / Я. А. Пенькова // Вестник Московского университета. – Серия 9, Филология. – 2010. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperativ-budi-v-delovyh-i-letopisnyh-pamyatnikah-xii-xiv-vv> (дата обращения: 04.02.2024).

284. Пенькова, Я. А. Об одном маргинальном употреблении императивных форм в восточнославянских памятниках XI–XV вв. / Я. А. Пенькова // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. – 2015. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-odnom-marginalnom-upotreblenii-imperativnyh-form-v-vostochnoslavjanskikh-pamyatnikah-xi-xv-vv> (дата обращения: 04.02.2024).

285. Петрунин, В. О. Динамика словарного состава в деловом языке петровской эпохи (имена на -ние, -ение, -ость, -ство и -тель в юридических кодексах древней Руси и петровской эпохи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Петрунин Валентин Олегович ; Ленинград. отд-ние Ин-та языкознания АН СССР. – Л., 1985. – 22 с.

286. Пешак, М. М. Стиль деловых документов XIV века (структура текста) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Пешак Мария Михайловна ; Киев. гос. ун-т. – Киев, 1980. – 51 с.

287. Пешак, М. М. Стил ґіловых документів XIV ст. / М. М. Пешак. – Київ, 1979. – 267 с.

288. Пименова, М. В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) / М. В. Пименова // Вопр. лексикографии. – 2020. – № 17. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskoe-opisanie-drevnerusskih-ustoychivyh-sochetaniy-slov-na-materiale-glagnolnyh-oborotov> (дата обращения: 11.01.2024).

289. Пименова, М. В. «Речение» и «разум» древнерусского текста : в 2 ч. / М. В. Пименова, М. В. Артамонова. – Владимир : ВГПУ, 2008. – Ч. I. Методические указания к проведению специализированных семинаров по курсу «История русского языка». – 50 с.

290. Пичхадзе, А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках / А. Пичхадзе // Вопросы языкознания. – 2010. – № 5. – С. 14–24.

291. Плотнікаў, Б. А. Кароткая гісторыя беларускай мовы і мовазнаўства : вучэб. дапаможнік / Б. А. Плотнікаў. – Мінск : Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, 2002. – 103 с.

292. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 2 т. / Ин-т славяноведения Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, Федеральное архивное агентство, Рос. гос. архив древних актов, Нац. акад. наук Республики Беларусь, Ин-т истории, Центр. науч. б-ка им. Якуба Колоса, Беларус. гос. ун-т, ист. фак., ун-т Дмитрия Пожарского ; подгот. А. Л. Хорошкевич (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015. – Т. 1. – 815 с.

293. Полякова, Е. Н. Лексика пермских памятников XVII – н. XVIII вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Полякова Елена Николаевна ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1983. – 32 с.

294. Попова, И. Н. Переписная книга Вологды 1711 г. как жанр и лингвистический источник : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Попова Ирина Николаевна ; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 2002. – 19 с.

295. Провоторов, В. И. Очерки по жанровой стилистике текста / В. И. Провоторов. – М. : НВИ – ТЕЗАУРУС, 2003. – 140 с.

296. Прохватилова, О. А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы : автореф. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Прохватилова Ольга Александровна ; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2000. – 46 с.

297. Ремнева, М. Л. Литературный язык Древней Руси: некоторые особенности грамматической нормы / М. Л. Ремнева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 142 с.

298. Ремнева, М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. / М. Л. Ремнева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 331 с.

299. Ремнева, М. Л. Специфика норм церковнославянского языка русской редакции как литературного языка Древней Руси / М. Л. Ремнева // Доклады по проблемам языкознания / М. Л. Ремнева, Л. В. Златоустова, Н. Н. Запольская ; Моск. гос. ун-т. – М., 1993. – С. 3–24. – (К IX Международному съезду славистов в Братиславе).

300. Ризель, Э. Г. К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц / Э. Г. Ризель // Иностранные языки в школе. – 1975. – № 6. – С. 8–15.

301. Ризель, Э. Г. Полярные стилевые черты и их языковое воплощение / Э. Г. Ризель // Иностранные языки в школе. – 1961. – № 3. – С. 96–103.

302. Руденко, Е. Н. Категория абстрактности-конкретности в связи с выделением интеллектуальной лексики в старобелорусском языке / Е. Н. Руденко // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. – 1987. – № 1. – С. 71.

303. Руденко, Е. Н. Латинографическая деловая письменность на старобелорусском языке / Е. Н. Руденко // Кніжная культура Беларусі XI – пачатку XX ст. : матэрыялы XI Міжнар. кнігазнаўчых чытанняў, Мінск, 16–17 крас. 2015 г. / склад.: Г. У. Кірэева, Т. А. Сапега, А. А. Суша. – Мінск, 2015. – С. 190–195.

304. Руденко, Е. Н. Языки восточных славян в Великом Княжестве Литовском / Е. Н. Руденко // Славянские народы и их культуры: традиция и современность : сб. науч. ст. / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – С. 43–46.

305. Рудзіньска, М. Характарыстыка канцылярскай мовы Вялікага Княства Літоўскага / М. Рудзіньска // Замежная мовазнаўчая беларусістыка на міжнародных з'ездах славістаў : зб. дакл. (да XV Міжнар. з'езда славістаў / уклад. Г. А. Цыхуна ; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы». – Мінск : Беларус. навука, 2013. – С. 6–9.

306. Руднев, Д. В. Средства выражения императивности в уставах эпохи Екатерины II / Д. В. Руднев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 768–787. – DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.406>

307. Руднев, Д. В. Регламенты петровского времени в аспекте императивности / Д. В. Руднев, Н. В. Пушкарева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 36–49. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>

308. Руднев, Д. В. Теория и история русского делового письма / Д. В. Руднев, Т. С. Садова, Л. Б. Волкова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – 112 с.

309. Руднева, С. Ф. К вопросу о жанровой классификации старорусской деловой письменности / С. Ф. Руднева // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 95–99.

310. Руднева, С. Ф. Особенности формуляра отписок XVII века (на материале отписок сибирского приказа) / С. Ф. Руднева // Вестник Университета Российской академии образования. – 2009. – № 5. – С. 21–25.

311. Руднева, С. Ф. Репрезентация текстовой категории диалогичности в сибирских отписках конца XVI – второй половины XVIII веков / С. Ф. Руднева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-tekstovoy-kategorii-dialogichnosti-v-sibirskih-otpiskah-kontsa-xvi-vtoroy-poloviny-xviii-vekov> (дата обращения: 06.01.2024).

312. Руднева, С. Ф. Сибирские отписки конца XVI – второй половины XVIII вв. в аспектах исторической стилистики и лингвистики текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Руднева Светлана Федоровна; Сургут. гос. пед. ун-т. – Сургут, 2010. – 248 л.

313. Рудозуб, Е. Н. Стилиобразующие средства жанров делового и бытового общения в русском языке XVII в. : дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Рудозуб Елена Николаевна ; Омск. гос. ун-т. – Омск, 1999. – 185 с.

314. Савельев, В. С. Синтагматика и жанровый критерий в диахронии / В. С. Савельев // Русский язык: исторические судьбы и современность : II Междунар. конгресс исследователей русского языка, 18–21 марта 2004 г. : труды и материалы / МГУ имени М. В. Ломоносова ; отв. ред. М. Л. Ремнева [и др.]. – М., 2004. – С. 69–70.

315. Савельева, Л. В. Стилистика синтаксических типов отрицания как отражение литературного этикета (на материале русской агиографии XIV–XVII вв.) / Л. В. Савельева // Историческая стилистика русского языка : межвуз. сб. науч. тр. / Петрозавод. гос. ун-т ; редкол.: З. К. Тарланов (отв. ред.) [и др.]. – Петрозаводск, 1990. – С. 37–49.

316. Салимовский, В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении / В. А. Салимовский. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 234 с.

317. Самофалова, М. В. Средства выражения категории количества с позиции точного / неточного оценивания действительности (на материале русского и английского языков) / М. Ф. Самофалова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-2 (66). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-kategorii-kolichestva-s-po-zitsii-tochnogo-netochnogo-otsenivaniya-deystvitelnosti-na-materiale-russkogo-i> (дата обращения: 26.10.2024).

318. Санников, В. З. Алфавитный, частотный и обратный словари восточнославянских юридических текстов XI–XVI вв. / В. З. Санников ; под ред. В. И. Борковского. – М., 1976. – Вып. 82 : Сравнительный обратный словарь древнерусских, старорусских и западнорусских текстов (начало). – 55 с.; – М., 1976. – Вып. 83 : Сравнительный обратный словарь древнерусских, старорусских и западнорусских текстов (продолжение). – 113 с.; – М., 1976. – Вып. 84. – Сравнительный обратный словарь древнерусских, старорусских и западнорусских текстов (окончание). Распреде-

ние слов по грамматическим классам. Списки однобуквенных и двубуквенных исходных слов. – С. 111–174.

319. Свістунова, М. І. Тэкставыя сродкі выражэння катэгорыі дыялагічнасці ў палемічных творах Іпація Пацея / М. І. Свістунова // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2014. – № 3. – С. 16–22.

320. Селиванов, Г. А. Фразеология новгородских договорных грамот XIII–XIV вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Селиванов Георгий Александрович ; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 1953. – 21 с.

321. Семенов, П. А. Эволюция стилистических категорий в русском литературном языке предпушкинского периода : на материале драматургических текстов : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Семенов Петр Александрович ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2002. – 432 л.

322. Семенова, О. Р. О жанре челябинских рапортов / репортов XVIII века. Лексические данные челябинских репортов XVIII в. / О. Р. Семенова // Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста : сб. ст. / Челяб. гос. пед. ун-т ; под. ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2008. – С. 135–139.

323. Серебрякова, А. Ю. Обобщенность содержания как свойство научного философского текста / А. Ю. Серебрякова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2005. – № 11(51). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obobschennost-soderzhaniya-kak-svoystvo-nauchnogo-filosofskogo-teksta> (дата обращения: 05.02.2024).

324. Скребнев, Ю. М. Очерк теории стилистики / Ю. М. Скребнев. – М. : Флинта, 2016. – 240 с.

325. Славгородская, Л. В. Научный диалог / Л. В. Славгородская. – Л. : Наука, 1986. – 168 с.

326. Словарь русского языка XI–XVII вв. : вып. 1–31 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1975–2019. – Вып 31.

327. Смирнов И. Н. Временная нелокализованность действия и ее выражение в древнерусских текстах / И. Н. Смирнов // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исследований ; отв. ред.: А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. – М. : Языки славянской культуры, 2018. – С. 270–288.

328. Смоленские грамоты XIII–XIV веков / под ред. Р. И. Аванесова. – Москва : Изд-во акад. наук СССР, 1963. – 137 с.

329. Соколова, М. А. Очерки по языку деловых памятников XVI в. / М. А. Соколова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – 191 с.

330. Солганик, Г. Я. Стилистика текста : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 1997. – 252 с.

331. Соловьёва, Н. В. Интитуляция как часть формуляра старорусских и старобелорусских верительных грамот (на материале Метрики ВКЛ) / Н. В. Соловьёва // Слово во времени и пространстве. К 95-летию со дня рождения проф. М. Булахова : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 12–13 нояб. 2014 г. – URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/610> (дата обращения: 15.04.2024).

332. Сосновцева, Е. Г. «Василий убо посланъ бываетъ игуменом на нѣкое дѣло». Об одной модели страдательного залога в памятниках древнерусской письменности / Е. Г. Сосновцева // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. – М. : Языки славянской культуры, 2018. – С. 289–307.

333. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков : сложноподчиненные предложения / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. В. И. Борковского. – М. : Наука, 1973. – 358 с.

334. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: члены предложения / / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. В. И. Борковского. – М. : Наука, 1968. – 297 с.

335. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Императ. Акад. наукъ, 1893–1912. – 3 т.

336. Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка / И. С. Срезневский. – М. : Учпедгиз, 1959. – 139 с.

337. Старостина, И. П. К вопросу о составе «Книги Витебского замкового суда» в Литовской Метрике (Книга № 228) / И. П. Старостина // METRICIANA: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. – Мінск : Athenaeum, 2004. – Т. III. – С. 18–34.

338. Статина, Н. В. Динамика учетно-регистрационных документов Флоро-Лаврской церкви села Белоярского в аспекте лингвистического источниковедения (по архивным материалам конца XVIII – начала XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Статина Наталья Владимировна ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2010. – 23 с.

339. Сташайтене, В. П. Абстрактная лексика: на материале старобелорусских письменных памятников XV–XVII веков / В. П. Сташайтене. – Вильнюс : Periodika, 1973. – 182 с.

340. Сташайтене, В. П. Абстрактная лексика: на материале старобелорусских письменных памятников XV–XVII веков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Сташайтене Валентина Прановна ; Белорус. гос. ун-т имени В. И. Ленина. – Минск, 1974. – 33 с.

341. Сташайтене, В. П. Лексика Литовской метрики (книг судных дел) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.00.00 / Сташайтене Валентина Прановна ; Белорус. гос. ун-т имени В. И. Ленина. – Минск, 1965. – 16 с.

342. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева [и др.] ; под общ. ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 694 с.

343. Страхова, О. Б. Официальная титулатура русских патриархов в изданиях Московского Печатного двора (1589–1700 гг.) / О. Б. Страхова // *Palaeoslavica* XV/2. – 2007. – Р. 117–206.

344. Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Клочко. 1533–1540 (Литовская метрика. Книга 228. Книга судных дел № 9 / [публ. подгот. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич, Г. Я. Голенченко] ; Ин-т славяноведения РАН ; Ин-т истории НАН Беларуси ; Белорус. гос. ун-т ; РГАДА. – М. : Наука, 2008. – 525 с.

345. Сумкина, А. И. Зависимость синтаксического строя некоторых памятников деловой письменности XVIII в. от их содержания / А. И. Сумкина // *История русского языка: памятники XI–XVIII вв. : сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; ред. С. И. Котков, Н. Н. Панкратова. – Москва : Наука, 1982. – С. 232–257.*

346. Сурков, Е. А. Русская повесть в историко-литературном контексте XVIII – первой трети XIX века / Е. А. Сурков. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2007. – 276 с.

347. Тарабасова, Н. И. Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. / Н. И. Тарабасова ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. С. И. Котков. – М. : Наука, 1986. – 162 с.

348. Тарланов, З. К. О предмете и задачах исторической стилистики русского языка / З. К. Тарланов // *Историческая стилистика русского языка : межвуз. сб. науч. тр. / Петрозавод. гос. ун-т ; редкол.: З. К. Тарланов (отв. ред.) [и др.]. – Петрозаводск, 1990. – С. 4–15.*

349. Тарланов, З. К. Язык. Этнос. Время: очерки по русскому и общему языкознанию / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1993. – 222 с.

350. Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад. : А. Ф. Аляксандрава, В. У. Бабкова, І. М. Бобер ; Нац. гіст. архіў Беларусі. – Мінск, 2012. – 736 с.

351. Токмачева, И. Б. Поручные записи как памятники русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Токмачева Ирина Борисовна; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1984. – 17 с.

352. Трофимова, О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Трофимова Ольга Викторовна ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2002. – 507 л.

353. Трофимова, О. В. Жанровый аспект грамматики должествования (на материале тюменской деловой письменности XVIII века) /

О. В. Трофимова // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. III Междунар. конгр. исслед. рус. яз., Москва, 20–23 марта 2007 г. / Моск. гос. ун-т, филол. фак. ; под общ. ред. М. Л. Ремневой и А. А. Поликарпова. – М., 2007. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/11.pdf>. (дата обращения: 13.07.2023).

354. Трофимович, Т. Г. Актовые книги городских магистратов среди источников по истории изучения белорусского языка / Т. Г. Трофимович // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: Д. В. Дзятко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 145–148.

355. Трофимович, Т. Г. Отражение коммуникативной тактики средневекового делового общения в текстах полоцких грамот XIII – начала XVI в. / Т. Г. Трофимович // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2017. – № 3. – С. 88–91.

356. Трофимович, Т. Г. Современное состояние и перспективы развития исторической стилистики восточнославянских языков / Т. Г. Трофимович // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию проф. П. П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф., Минск, 11–12 окт. 2011 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 63–67.

357. Трофимович, Т. Г. Сравнительно-историческая стилистика восточнославянских языков в аргументации их статуса в период конца XIV–XVII века / Т. Г. Трофимович // Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : зб. навук. арт. / склад.: Г. М. Мезенка, С. У. Нікалаенка ; пад навук. рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – С. 63–66.

358. Трофимович, Т. Г. Тексты Статута 1588 г. и Уложения 1649 г. в аспекте восточнославянской языковой дивергенции / Т. Г. Трофимович // Язык и межкультурные коммуникации : материалы III Междунар. науч. конф., Минск – Вильнюс, 17–20 мая 2011 г. / Беларус. гос. пед. ун-т им. Максима Танка; редкол.: В. Д. Стариченок, Г. Кундротас, И. П. Кудреватых [и др.]; отв. ред. В. Д. Стариченок. – Минск : БГПУ, 2011. – С. 27–28.

359. Трофимович, Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности / Т. Г. Трофимович. – Минск : БГПУ, 2003. – 223 с.

360. Трофимович, Т. Г. Фразеологизированные средства номинации в Уложении 1649 г. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. Г. Трофимович ; Беларус. гос. ун-т имени В. И. Ленина. – Минск, 1980. – 250 л.

361. Троянская, Е. С. К вопросу о лингвистических признаках функциональных стилей / Е. С. Троянская // Стил ь научной речи : сб. ст. / АН СССР, каф. иностр. яз.; редкол.: Е. С. Троянская (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1978. – С. 43–58.

362. Трубецкой, Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык – М. : 1995. – С. 162–207.

363. Тураева, З. Я. Лингвистика текста (Текст : структура и семантика) : учеб. пособие / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 126 с.

364. Улитова, А. С. О связи числа и порядка слов в именной группе с одиночным атрибутом (на материале текстов XVII века) / А. С. Улитова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2020. – № 1 (59). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-svyazi-chisla-i-poryadka-slov-v-imennoy-gruppe-s-odinochnym-atributom-na-materiale-tekstov-xvii-veka> (дата обращения: 26.10.2024).

365. Урублеўскі, В. В. Віцебскі магістрат у канцы XVI–XVIII стст. / В. В. Урублеўскі, З. Л. Яцкевіч // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага, Віцебск, 22–23 кастр. 2009 г. / рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск : Медысонт, 2010. – С. 117–128.

366. Успенский, Б. А. История русского литературного языка XI–XVII вв. / Б. А. Успенский. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 559 с.

367. Успенский, Б. А. К истории слова государь: некоторые выводы и предположения (титул государь и династия Романовых) / Б. А. Успенский // Вопросы медиевистики. – 2023. – № 4. – С. 135–147.

368. Успенский, Б. А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов / Б. А. Успенский. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 144 с.

369. Фёдораў, У. Да пытання аб значэнні тэрмінаў «пустовщина», «земля пустовская» у актавай тэрміналогіі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – першай палове XVI стагоддзяў / У. Фёдораў // Чацверты Міжнар. кангрэс даследчыкаў Беларусі. Працоўныя матэрыялы. – Каўнас, 2015. – Т. 4. – С. 96–99.

370. Федосюк, М. Ю. Построение русских официально-деловых текстов с позиций объяснительной лингвистики / М. Ю. Федосюк // Вестник Белорусского государственного университета. Язык, литература, культура. – 2019. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postroenie-russkih-ofitsialno-delovyh-tekstov-s-pozitsiy-obyasnitelnoy-lingvistiki> (дата обращения: 10.11.2024).

371. Хоменко, Н. М. Устойчивые словосочетания в древнерусском языке XII–XV вв. (на материале произведений Кирилла Туровского и Епифания Премудрого) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Хоменко Наталья Михайловна ; Ленинград. Ордена Ленина и Ордена Трудового красного знамени гос. ун-т. – Ленинград, 1990. – 18 с.

372. Храковский, В. С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление / В. С. Храковский. – Russian Linguistics. – 1988. – Vol. 12, No. 3. – P. 269–292.

373. Храковский, В. С. Русский язык в зеркале типологии: новации в императивной парадигме / В. С. Храковский // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 2(4). – С. 91–101.

374. Храковский, В. С. Семантика и типология императива : Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин / отв. ред. В. Б. Касевич. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.

375. Ціванова, Г. К. Праблема перыядызацыі гісторыі мовы ў курсе гістарычнай граматыкі / Г. К. Ціванова // Спадчына Івана Насовіча і беларускае мовазнаўства : матэрыялы навук. чытанняў, прысвеч. 220-годдзю з дня нараджэння Івана Іванавіча Насовіча (18 лют. 2008 года, г. Мінск) / адк. рэд. М. Р. Прыгодзіч ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – С. 110–114.

376. Чароўко, В. У. Тэстаменты і пахавальная практыка насельніцтва Паўночнай Беларусі XVI – XVIII стст.: месца пахавання / В. У. Чароўко // Актуальныя праблемы гісторыі і культуры: зб. навук. арт. – Мінск : Беларус. навука, 2022. – Вып. 3 : Вялікае Княства Літоўскае: Заканадаўчае забеспячэнне дзяржаўнага суверэнітэту. – С. 416–428.

377. Чащина, Е. А. Юридическая лексика в памятниках деловой письменности московской Руси / Е. А. Чащина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-leksika-v-pamyatnikah-delovoy-pismennosti-moskovskoy-rusi> (дата обращения: 27.10.2024).

378. Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М., 1997. – 320 с.

379. Шаkun, Л. М. Аб перыядызацыі гісторыі беларускай літаратурнай мовы / Л. М. Шаkun // Карані роднай мовы. Выбраныя працы па гісторыі беларускай мовы. – Мінск, 2001. – С. 56–61.

380. Шаkun, Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : вучэб. дапаможнік для філал. фак. ВНУ / Л. М. Шаkun. – Мінск : Універсітэцкае, 1984. – 319 с.

381. Шаkun, Л. М. Гісторыя беларускай мовы : праграма для студэнтаў філал. спецыяльнасцей ВНУ Рэспублікі Беларусь / Л. М. Шаkun. – Мінск : БДУ, 1997 – 34 с.

382. Шаkun, Л. М. Помнікі дзелавой пісьменнасці як крыніцы гісторыі беларускай літаратурнай мовы / Л. М. Шаkun // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2009. – № 2. – С. 18–22.

383. Шацкая, М. Ф. Обычай – обыкновение – международное право / М. Ф. Шацкая // Русская речь. – 2006. – № 4. – С. 86–89.

384. Швейцер, А. Д. Проблемы сопоставительной стилистики (к сопоставительному анализу функциональных стилей) / А. Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1991. – № 4. – С. 31–45.

385. Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
386. Ширинкина, М. А. Категория тональности в директивных документах исполнительной власти / М. А. Ширинкина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9, вып. 3. – С. 60–68. – DOI: 10.17072/2037-6681 2017-3-60-68
387. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи : сб. ст. / Сарат. гос. ун-т ; редкол.: В. Е. Гольдин (отв. ред.) [и др.]. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.
388. Шулежкова, С. Г. Устойчивые словосочетания в языке официально-деловых документов южноуральских крепостей XVIII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Шулежкова Светлана Григорьевна ; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М., 1967. – 20 с.
389. Шулежкова, С. Г. Фразеологический словарь старославянского языка: источники, корпус единиц, структура словарной статьи // Фразеологический словарь старославянского языка : (проспект) / под ред. С. Г. Шулежковой. – М. : Магнитогорск : ЭЛПИС : МаГУ, 2006. – С. 13–32.
390. Щемелина, И. Н. Когнитивный, прагматический, стилистический потенциал делового текста (сочинение «О России в царствование Алексея Михайловича» Г. К. Котошихина: средства номинации и предикации) : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Щемелина Ирина Николаевна ; Сев. (Арктический) федер. ун-т. – Архангельск, 2016. – 460 л.
391. Яковлев, С. М. Морфологические полонизмы в языке старобелорусской письменности: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.03 / Яковлев Сергей Михайлович ; АН БССР ; Ин-т языкознания имени Я. Коласа. – Минск, 1985. – 169 л.
392. Якубовский, И. В. Земские привилегии Великого княжества Литовского. Ч. 2. / И. В. Якубовский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1903. – № 6. – С. 245–303.
393. Янкоўскі, Ф. М. Гісторыя беларускай мовы: гістарычная граматыка / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Выш. шк., 2019. – 263 с.
394. Яновіч, А. І. Выбраныя працы / А. І. Яновіч – Мінск : Медысонт, 2011. – 268 с.
395. Яновіч, А. І. Тэксты прадмоў Ф. Скарыны і камунікатыўна-прагматычная катэгорыя акцэнтаванасці / А. І. Яновіч // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 15–16 крас. 2008 г.; Ін-т мовы і літаратуры імя Якуда Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі / навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, Н. В. Паляшчук. – Мінск : Права і эканоміка, 2008. – С. 41–46.
396. Ярмаркина, Г. М. Число в калмыцких деловых текстах XVII–XVIII вв. (на материале писем хана аюки и их русских переводов) / Г. М. Ярмаркина // Oriental Studies. – 2022. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chislo-v-kalmytskih-delovyh-tekstah-xvii-xviii->

vv-na-materiale-pisem-hana-ayuki-i-ih-russkih-perevodov (дата обращения: 26.10.2024).

397. Яцкевіч, З. Л. Кнігі прывілеяў як крыніца па гісторыі гарадоў ВКЛ / З. Л. Яцкевіч // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага, Віцебск, 22–23 кастр. 2009 г. / рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск : Медысонт, 2010. – С. 129–136.

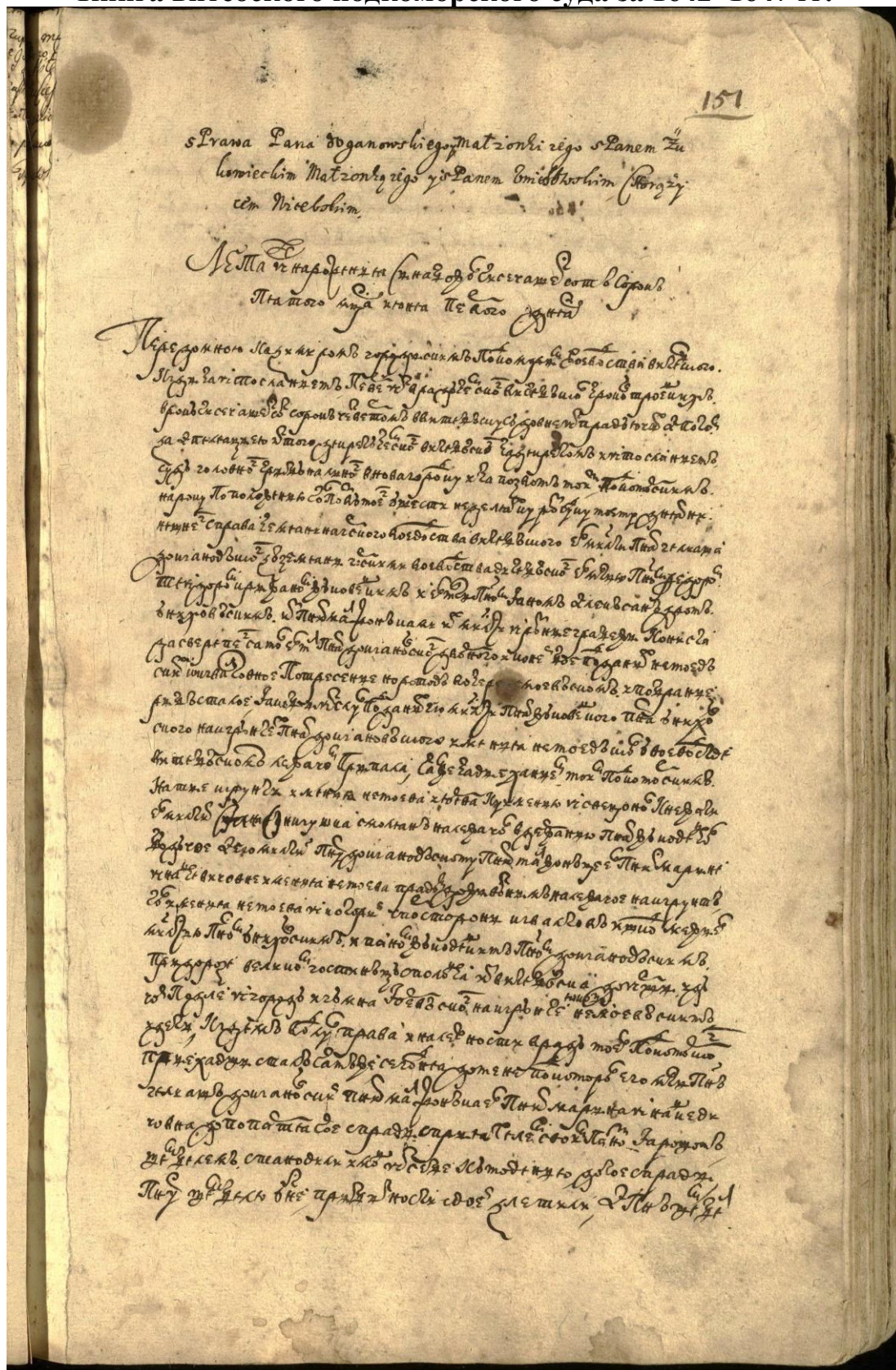
398. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. [Kn. 225] : (1528–1547). 6-oji Teismų bylų knyga: (Kopija – XVI a. pabaiga): (копия – конец XVI в.): (the copy – the end of the XVI th c.) / Vilniaus Universitetas. – Vilniaus universiteto leidykla, 1995. – 336 c.

399. Lietuvos metrika. Lietuvos istorijos institutas. Kn. 3 : (1440–1498) : Užrašymų knyga 3 / Vilnius. – 1998. – 161 p.

400. Stang, Chr. S. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk / Chr. S. Stang. – Oslo : Kommis. hos J. Dybwad, 1939. – 148 S. – (Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo: Historisk-filosofisk klasse ; № 9).

401. Stang, Chr. S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen / Chr. S. Stang. – Oslo : Kommis. hos J. Dybwad, 1935. – 166 S. – (Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo: Historisk-filosofisk klasse ; № 2).

Книга витебского подкоморского суда за 1642–1647 гг.

НИАБ, КЦК, Ф. 1. Оп. 1. Д. 2, л. 151

Am 10. 11. 1888

Научное издание

КЛИМКОВИЧ Ольга Александровна

СТИЛЬ ВИТЕБСКИХ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ XIV–XVII ВЕКОВ

Монография

Технический редактор

Г. В. Разбоева

Корректор

Т. В. Образова

Компьютерный дизайн

А. В. Табанюхова

Подписано в печать 25.04.2025. Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 10,40. Уч.-изд. л. 10,78. Тираж 50 экз. Заказ 56.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.